

История
Общество
Политика
2021
№3(19)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 3(19)
2021**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2021. №3 (19)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 01.10.2021

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антиухов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: **А.А. Чубур** – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блументау - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2021
© Коллектив авторов, 2021

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 3 (19)
2021

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2021. №3 (19)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 01.10.2021

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Executive Secretary: **A.A. Chubur** - candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, Department of general history and, international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after academic I. Petrovskii, 2021

© Authors, 2021

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Сагимбаев А.В.* Подготовка проекта индийской конституции в первой половине 1930-х гг.: столкновение интересов внутри британской политической элиты **6**
- Ранчинский В.П.* «Арабская весна» и Сирия **17**

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Прилуцкий В.В.* Антимасонские сочинения XVIII – первой половины XIX вв. и идейная борьба в США **27**
- Артамошин С.В.* «Кавказские записки» Эрнста Юнгера: путешествие в Советский Союз **49**
- Федин А.В.* Практика визуализации в миссионерской деятельности иезуитов в Новой Франции в XVII в. **66**

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- Блуменау С.Ф.* Сословный строй, сеньориальный режим и представления о них в предреволюционном французском обществе **73**
- Гришук Н.В.* «Пролетарское сознание» или «пролетарское происхождение»: к проблеме формирования советского студенчества 1920-х гг. **82**

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

- Яненко Е.М.* Репрессированные священники Брянской земли: история Льва Павловича Топала **86**

ДРЕВНОСТИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Чубур А.А.* О южных границах ареала юхновской культуры лесных балтов **91**
- Шинаков Е.А.* Становление средневекового Брянска: историографические концепции и новые данные археологии **103**
- Локтев Р.А.* Народы островов Средиземного моря в древнеегипетских источниках Нового царства **112**

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Завидовская Е.А.* Аспекты народной религии Китая начала XX века по материалам «китайского дневника» В.М.Алексеева из архива ГМИР (Санкт-Петербург) **124**
- Чурсин Д.И.* Липенское городище на Псле и проблема локализации Липовичска (заметки по исторической географии Путивльско-Рыльского региона) **137**

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Золотов В.И.* Социальный дискурс и нарратив «транзита» в статье по аграрной истории (Е.А. Косминский об истории Англии XV века) **156**

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

- Семененко А.А.* О научной недобросовестности авторов коллективной монографии по истории Южного Урала эпохи бронзы. Отзыв на книгу: Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / А.В. Епимахов и др. // История Южного Урала: в 8 т. - Т. 2. - Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – 432 с.гг. – СПб.: Евразия, 2016. – 528 с. **162**

- О СЕТЕВОМ ИЗДАНИИ «ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА»** **171**

Политическая история

УДК 942.080.1

А. В. Сагимбаев

ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА ИНДИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.: СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ВНУТРИ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация: В статье анализируются ключевые аспекты политической дискуссии первой половины 1930-х гг., связанной с разработкой проекта конституции Британской Индии. Начатое по итогам работы комиссии Дж. Саймона обсуждение проекта новой реформы, предполагавшей введение системы полного внутреннего самоуправления в первой половине 1930-х гг. привело к заметному расколу, как в британском общественном мнении, так и в настроениях политической элиты Великобритании. Наиболее серьёзно данный раскол повлиял на ситуацию внутри Консервативной партии. Партийное меньшинство, неформальным лидером которого являлся У. Черчилль, категорически отвергло предложенный правительством законопроект, расценив его как предательство фундаментальных национальных интересов Великобритании. Принятый в августе 1935 г. последний в истории Акт об управлении Индией, так же как и Билль 1919 г. явился итогом сложного компромисса интересов между различными группами британской политической элиты. Данная реформа продолжила фактический демонтаж многих важных элементов британского господства на полуострове Индостан, существовавших в течение предыдущих полутора столетий, создав вектор дальнейшего быстрого продвижения Индии к полностью независимому статусу.

Ключевые слова: Британская Индия, Конституция, комиссия Саймона

Sagimbaev A. V. Preparation of the draft of the Indian Constitution in the first half of the 1930s: the clash of interests within the British political elite.

Abstract: The article analyzes the key aspects of the political discussion of the first half of the 1930s related to the development of the draft constitution of British India. Initiated by the results of the work of the commission, J. The discussion of the draft of a new reform, which assumed the introduction of a system of full internal self-government in the first half of the 1930s, led to a noticeable split, both in British public opinion and in the moods of the political elite of Great Britain. This split has had the most serious impact on the situation within the Conservative Party. The party minority, whose informal leader was U. Churchill, categorically rejected the bill proposed by the government, considering it as a betrayal of the fundamental national interests of Great Britain. Adopted in August 1935, the last ever Act on the Administration of India, as well as the Bill of 1919, was the result of a complex compromise of interests between various groups of the British political elite. This reform continued the actual dismantling of many important elements of British rule on the Hindustan peninsula that existed during the previous century and a half, creating a vector for further rapid progress of India to a completely independent status.

Keywords: British India, Constitution, Simon Commission

Перспектива масштабной реформы, направленной на введение в ключевой британской колонии системы полного самоуправления вызвала в первой половине 1930-х гг. заметный раскол в рядах консерваторов, поставив партию на грань серьёзного кризиса. Несмотря на то, что партийное руководство в целом поддержало проект реформы, предложенный коалиционным кабинетом Макдональда-Болдуина, определённая часть консерваторов, за которыми закрепилось условное наименование «твердолобые», выступила категорически против предоставления Индии широкого самоуправления. Неформальным лидером и идейным вдохновителем внутрипартийной оппозиции явился У. Черчилль. Показателем отсутствия внутрипартийного единства относительно дальнейшей стратегии по управлению важнейшей частью имперской системы, явилось отсутствие чётко сформулированной позиции партии в отношении предполагаемой реформы, в ходе предвыборной кампании 1931 г. [7, p. 267].

Основным предметом дискуссий являлся вопрос о степени готовности индийского населения к созданию системы ответственного правительства. В британском общественном мнении прочно утвердилось представление о незрелости политического сознания и архаичности политической культуры индийцев. Большинство представителей англо-индийской администрации сходились во мнении о необходимости длительных усилий по формированию в Индии элементов парламентаризма и партийной системы в их европейском понимании. Характерную в данном контексте точку зрения, высказал в ходе одной из парламентских дискуссий лорд Уинтертон. «Являясь главой комитета по избирательной реформе, - отмечал он, - я убедился в том, что создание партий в Индии возможно лишь на экономической основе и господство в них естественным образом будет принадлежать крупным землевладельцам и городским ростовщикам. В данной связи, нам следует предпринять дополнительные усилия для того, чтобы направить развитие индийских партий в соответствие с принятыми в Великобритании канонами» [14, col. 695].

Как подчёркивал в конце марта 1933 г. министр по делам Индии С. Хоар, его деятельность по подготовке конституционной реформы находилась «под огнём с двух флангов... Одним из них является беспощадная критика со стороны мистера Черчилля. Другим - активная деятельность интеллекта мистера Ганди» [9, p.493]. «С момента своего прихода в министерство по делам Индии, - отмечал он, - я ощущал, что вопросы, связанные с разработкой индийской конституции способны возбудить серьёзное волнение в Индии. Я понимал, также, что они в равной степени способны вызвать разногласия внутри партий и среди членов Парламента дома и разделяю всю существующую обеспокоенность, полагая, что крайне наивной и глупой является надежда достичь столь сложного соглашения в течение нескольких дней» [14, col. 695]. Одновременно С. Хор выразил присущую британскому политическому истеблишменту уверенность в особой «исторической миссии» Великобритании в Индии. «Ещё 100 лет назад, - отмечал министр, - Макколей в свойственной ранневикторианскому либерализму манере заявил, что английский язык образовал мост между Европой и Азией, и, используя его живописную терминологию, нет ни одного индийского язычника, которого мы бы правильно ли это, или нет, ни привели бы к западным образцам, и каждый ответственный общественный деятель в Индии, верит в то, что западные, в частности, британские институты способствуют развитию Индии» [29, p.93].

В британской консервативной прессе «Белая книга», в которой излагался проект будущих преобразований, также была подвергнута серьёзной критике. В одной из статей, опубликованных в «Монинг Пост» отмечалось: «Завуалированные формулировки Белой книги на самом деле предполагают не установление партнёрства, а являются инструментом нашего отказа [от Индии – А.С.]» [34, P.11]. «Дейли Мэйл», оценивая характер предлагаемой реформы, цитировала У. Черчилля, заявившего, что «Белая книга по Индии, по сути, означает подъём Британским правительством белого флага над Индийской империей» [11. P. 5.].

Особую роль в попытках укрепления слабеющего механизма британского контроля над Индией в данный период стали играть взаимоотношения колониальных властей с правителями многочисленных княжеств [16, col.1159]. Образование Палаты князей инициировало рост политической активности правителей. Немалую роль в процессе объединения князей сыграло понимание многими наиболее политически активными представителями княжеской элиты различий в стремлениях британского правительства в Индии и их собственных интересов. Первое, наиболее значительное столкновение этих двух сторон произошло в ходе работы совместного комитета во главе с лордом Батлером. Результатом этого стали изменения в политике Великобритании выразившиеся в переходе от позиции невмешательства и отстраненности к активной заинтересованности в княжествах как союзниках, используемых в

виде противовеса радикальным политикам Британской Индии [2, с. 97].

10 марта 1933 г. С. Хор выступил с инициативой введения дополнительных гарантий безопасности в условиях предстоящих преобразований, которые распространялись в отношении представителей этноконфессиональных меньшинств, в первую очередь, мусульман, а также нескольких сотен княжеских фамилий, которые должны были сохранить свою традиционную власть в условиях нового федеративного устройства. С этой целью в нижней палате индийского парламента предполагалось зарезервировать 30% мест за представителями мусульманской общины, и ещё 30% - за депутатами от княжеств. Данная мера, по мысли С. Хора, была призвана минимизировать влияние ИНК в будущем высшем законодательном органе власти Индии [12, р.107]. Кроме того, в рамках предложений госсекретаря предполагалось оставить за вице-королём исключительное право контроля над внешней политикой и обороной будущего доминиона [1, с. 550].

Вскоре после объявления о создании специального парламентского комитета в Палате общин возник т.н. «комитет обороны Индии», объединивший около 50 представителей Консервативной партии на основе неприятия курса правительства и выбранных им методов по разрешению кризиса, возникшего в крупнейшем британском владении [1, с. 551].

17 марта 1933 г. правительством была опубликован новый вариант «Белой книги», в котором излагались базовые принципы политики в Индии. В документе подтверждалась окончательная цель реформы, связанная с заменой жёсткой административной вертикали, основанной на единоличной власти вице-короля, федеративной системой устройства, предполагавшей широкую автономию провинций и существенное расширение участия индийцев в системе управления [12, р.191]. Итогом дискуссий в Палате общин явилась поддержка предложенного кабинетом проекта 475 голосами против 42 [16, col.1159]. Отражая позицию критически настроенного меньшинства в Палате, В начале апреля У. Черчилль отмечал в письме С. Хору: «С горечью и возмущением я следил за процессом, в ходе которого Вы и Болдуин в течении двух с половиной лет использовали влияние Консервативной партии и правительства Индии, чтобы парализовать или подавить сопротивление консерваторов в Англии, а также лояльных элементов в Индии ради реализации вашего плана... Убеждён, что если план «Белой книги» будет в полной мере реализован, через несколько лет нам потребуется либо эвакуация, либо повторное завоевание Индии...» [16, col.1161]

В апреле 1933 г. стремясь заручиться более активной парламентской поддержкой и участием в подготовке реформы, Р. Макдональд объявил о создании специального комитета из представителей обеих палат, который должен был выработать предложения по проекту будущей конституции Индии. Его главой предлагалось назначить обладавшего большим опытом в вопросах, связанных с индийской административной системой, лорда Линлитгоу. Данный шаг был сделан, в значительной степени, по инициативе госсекретаря С.Хора, стремившегося консолидировать поддержку правительственной политики со стороны умеренных консерваторов. В британской политической среде широкий резонанс вызвало предложение главы специальной комиссии Дж. Саймона, который, с учётом острой внутренней ситуации в Индии, фактически поддержал мнение У. Черчилля о необходимости ограничиться на данном этапе введением самоуправления на провинциальном уровне. На этом фоне позиции критиков проекта реформы внутри Консервативной партии заметно усилились. Как отмечалось в партийных документах, их влияние было наиболее заметно во время проведения «неформальных встреч» консерваторов [7, р. 327].

По итогам дискуссий в Национальном союзе консервативных ассоциаций, происшедших 28 февраля, правительственная политика получила минимальный за весь предыдущий период уровень поддержки, получив 189 голосов против 165 [17, col.629].

В марте 1933 г. У. Черчилль заявил в одном из выступлений, что «в свете британского общественного мнения, обеспокоенности консерваторов в парламенте, и наличия серьёзных коммуналистских страхов, предоставление Индии статуса доминиона в данный момент рассматривается как абсолютно безрассудный шаг» [28, р. 286]. В то же время, С. Хоар отмечал, что в индийском обществе: «созрел практически повсеместный спрос на перемены в системе управления... Данный спрос явился главным мотивом доклада комиссии Саймона... и главным его выводом явилось признание необходимости великих перемен в правлении Индией» [17, col.697].

Одним из ключевых моментов, связанных с утверждением планов кабинета по введению в Индии модели широкого самоуправления, явилось заседание Центрального совета Консервативной партии, состоявшееся 28 июня 1933 г. В качестве альтернативы правительственным планам на обсуждение было вынесено предложение У.Черчилля, предлагавшего ограничиться введением автономии лишь на провинциальном уровне. Несмотря на активную критику оппозиции в партийной прессе, начавшуюся почти за три месяца до партийного форума, С. Болдуин не был полностью уверен в незыблемости своих позиций и даже намекал на возможную отставку. Его опасения оказались в немалой степени оправданными, поскольку итоги голосования выявили невиданный до этого уровень оппозиционных настроений. Политика кабинета Макдональда-Болдуина получила одобрение 838 делегатов, в то время как оппозиционеры получили в свою поддержку 356 голосов [12, р.267].

Среди той части британского истеблишмента, которая была настроена скептически в отношении возможных перспектив конституционной реформы в Индии, было распространено убеждение в слабости либеральных элементов в политической системе Индии, в связи с чем сохранение контроля Великобритании над индийской системой управления рассматривалось как абсолютно необходимый и естественный фактор сохранения относительной стабильности на полуострове Индостан.

Серьёзной проблемой продолжали оставаться и неопределённые перспективы положения княжеств в рамках планируемой федеральной системы устройства Индии. Как отмечал в одной из публикаций, «князья не могут быть включены в федеральную схему, иначе как путём добровольного согласия на изменение условий их договоров при вступлении в федерацию. Существующие договоры отражают прямые взаимоотношения между князьями и Коронай. Что касается федерации, то они естественным образом свободны вступать в неё или нет. Исходя из этого, мы должны найти такое решение, которое обеспечило бы вступление в неё существенного числа индийских княжеств...» [22, р. 391].

Подчёркивая принципиальную важность поиска оптимальной модели адаптации княжеств к новой схеме федерального устройства, авторы документа отмечали необходимость интеграции не менее 50 % в состав верхней палаты федерального парламента. «Жизненно необходимо», - отмечалось в документе, - чтобы княжества стали эффективной частью общеиндийской федерации» [22, р. 391]. В данной связи в британских политических кругах принимались в расчёт существовавшие среди князей серьёзные опасения, проявившиеся, в частности, в их многочисленных обращениях к вице-королю. Суть данных требований сводилась к необходимости при переходе к системе доминиона обеспечить систему полного самоуправления не только на уровне центрального правительства, но и на уровне отдельных субъектов федерации [17, col.1046].

Наряду с проблемой статуса княжеств, серьёзным препятствием на пути конституционной реформы, по мнению многих британских экспертов, являлось отсутствие единства различных сегментов индийского населения в видении будущего политического устройства своего государства. «Мусульмане требовали защиты в пределах индуистских провинций, ин-

дуисты и сикхи Пенджаба требовали защиты интересов своих общин, в ряде провинций представители неприкасаемых требовали защиты своих прав» [21, p.326].

Одним из наиболее сложных пунктов дискуссии являлся порядок будущего административно-территориального устройства, а также характер избирательной системы в федеративной Индии [21, p.326]. В письме главы индийской Палаты принцев, направленном в ноябре 1934 г. лидерам Консервативной партии, в котором подчёркивалось, что представителям княжеской знати должна была бы предоставлена абсолютная свобода в вопросе взаимоотношений с будущей федерацией [18, col.214].

Данное письмо явилось итогом длительного обсуждения индийскими князьями положений «Белой книги», начавшегося в марте 1933 г. В нём подчёркивалась необходимость внесения существенных изменений в первоначальный текст документа. «Наши представители, работающие с Совместным комитетом, - должны акцентировать внимание на трёх важнейших пунктах: 1) определении характера суверенитета и автономии, а также договорных прав Княжеств; 2) ограничении источников финансирования федеральной власти исключительно косвенными налогами; 3) свободном праве Княжеств на индивидуальное вступление в Федерацию, или их коллективное объединение путём образования Конфедерации» [18, col.348]. Максимально возможное инкорпорирование традиционной княжеской элиты в формируемую федеративную систему, рассматривалось многими представителями Консервативной партии как важное условие сохранения британского влияния в Индии. «Включение князей в рамки федерации, - отмечалось в одной из публикаций в близкой к консерваторам газете «Morning Post» создаст устойчивое консервативное влияние в центре индийской системы управления, которое окажет значительное содействие администрации вице-короля в выполнении его трудной работы» [27, p.6].

Серьёзные дискуссии были связаны и с вопросом о будущей избирательной системе. Позиция правительства по данному вопросу нашла отражение в «Белой книге», в которой отмечалась необходимость изменения ситуации, сложившейся по итогам реформы Челмсфорда-Монтэгу. По её итогам избирательным правом было наделено лишь 6 млн. чел. или 3% от общей численности индийского населения. При этом в избрании депутатов Федеральной Ассамблеи могло участвовать лишь немногим более миллиона индийцев. В документе, составленном правительством Р.Макдональда, отмечалось, что столь низкий процент избирателей не позволит создать по настоящему ответственное правительство и не соответствует предполагаемой федеральной системе устройства Индии, предполагавшей чёткое разделение компетенции между центральными и провинциальными органами власти [19, col.146].

Для рассмотрения проекта изменений в избирательной системе был создан специальный комитет, состоявший из лиц, обладавших необходимыми знаниями и опытом работы в Индии. Сложной продолжала оставаться и проблема взаимоотношений англо-индийской администрации с ИНК. Часть членов кабинет считала необходимым продолжать политику игнорирования ведущей индийской партии, другие полагали данную позицию ошибочной [14, col.849].

Наряду с серьёзной проблемой, связанной с обсуждением статуса индийских княжеств, руководство Консервативной партии было всерьёз обеспокоено возможной утратой Великобританией стратегических позиций во всём регионе Южной Азии. В документе, направленном руководству партии в начале 1933 г. отмечалось: «... необходимость защиты Индии от многочисленных внутренних и внешних угроз, невозможно без сохранения нашего контроля над морскими и сухопутными коммуникациями, а также полицейской службой... В случае, если положения Белой книги будут реализованы без существенных изменений, включая «индианизацию» армии, передачу под индийский контроль полиции, железных дорог, почты и

телеграфа, угроза полной утраты нашего влияния в Индии резко возрастёт. Вопрос о контроле над данными структурами, с нашей точки зрения, является жизненно важным фактором для обороны Индии» [14, col.851]. Среди подписавших данное обращение оказался целый ряд видных представителей командования британской армией и военно-морскими силами [30, P.7].

В ходе очередных парламентских слушаний, состоявшихся 29 марта 1933 г., У. Черчилль заявил о неудаче «сомнительного и опасного эксперимента», связанного с реализацией реформы Челмсфорда-Монтэгю. Во всех сферах управления, переданных под индийский контроль, по его мнению, наблюдался очевидный упадок. «Непотизм, коррупция, неэффективность, общее ослабление всех служб, вовлечённых в данный эксперимент, - отмечал У. Черчилль, - оказали прямое воздействие на состояние народных масс... и привели не к росту благосостояния, а к подъёму протестных настроений даже среди той части политически активных слоёв, которые изначально выступали в её поддержку» [5]. В связи с этим он подверг критике парламентариев и, в особенности, партийных «кнутов», проявивших «пренебрежительное легкомыслие» при рассмотрении Акта об управлении Индией в 1919 г. [5, p.781]

С точки зрения противников конституционной реформы, изменения, произошедшие в Индии после Первой мировой войны привели к росту ксенофобии и обострению традиционных этноконфессиональных противоречий «долго дремавших в период Pax Britanica» [5, p.40]. «Планы преждевременных конституционных и политических реформ, - отмечалось в одном из публицистических произведений, - отвлекли внимание индийцев от действительно необходимых мер, связанных с экономической и административной модернизацией, которые могут реально улучшить положений индийских крестьян и рабочих» [10, p.261]. Обострение ситуации в различных индийских провинциях связывалось с непродуманными, по мнению критиков, изменениями в системе юстиции, а также передачей части функций по управлению полицией на провинциальный уровень [14, col.851].

К тому моменту внутри руководства Консервативной партии при определённых расхождениях по техническим вопросам, сложилось общее понимание необходимости преобразований. В одном из партийных документов отмечалось «... время опеки над Индией завершилось. Представляется возможность превратить Индию в один из самоуправляющихся Доминионов Империи... В этом заключается суть нашего имперского предприятия» [4, p.113-114].

Противоречия внутри Консервативной партии достигли своей кульминации в период обсуждения законопроекта о конституционной реформе в обеих палатах британского парламента. В отличие от лейбористов и либералов, которым удалось выработать в целом согласованную и единую позицию по ключевым аспектам предложенного проекта, то среди консерваторов оказалось довольно много политиков, открыто высказывавших категорическое неприятие идее о введении самоуправления в Индии. «Не является удивительным тот факт, - отмечал в одном из интервью представлявший Консервативную партию в верхней палате парламента лорд Скон, - что Консервативная партия, а точнее говоря – настоящая Консервативная партия в немалой степени сомневается относительно необходимости принятия на себя столь сложных и обременительных обязательств... Основная часть проблем, с которыми мы столкнулись в сфере управления Индией, является принципиально неразрешимой [в рамках предложенного правительством плана преобразований – А.С.]» [33, P. 3].

По инициативе Центрального офиса Консервативной партии в период обсуждения проекта конституционного Билля в Великобритании было создано несколько обществ, обеспечивавших информационно-пропагандистскую поддержку основных положений предстоящей реформы, изложенной в Белой книге [3, p.158]. Наиболее известным из них являлся Союз Британии и Индии, занимавшийся изданием периодических изданий, а также различного ро-

да информационных материалов, призванных популяризировать политику правительства в отношении крупнейшей колонии.

Аналогичным образом действовали и противники предложенной реформы. У. Черчилля было инициировано создание Лиги защиты Индии, объединявшей британских политиков и общественных деятелей, рассматривавших действия правительства как угрозу национальным интересам Великобритании и предательство «традиционных принципов Британской империи» [4, p.135].

Несмотря на нараставшие сложности в Индии, С. Болдуину удалось сохранить лояльность большинства консерваторов в отношении «национального» правительства и поддержку ими планов по введению в Индии системы доминиона. На конференции Консервативной партии, состоявшейся 7 октября 1931 г., попытка принятия резолюции, осуждавшей индийскую политику кабинета, потерпела неудачу. По мнению известного британского историка М. Гилберта, этому в немалой степени поспособствовало отсутствие на партийном форуме заболевшего У.Черчилля [1, с.542]. Несмотря на нараставшие сложности в Индии, С. Болдуину удалось сохранить лояльность большинства консерваторов в отношении «национального» правительства и поддержку ими планов по введению в Индии системы доминиона [1, с.542].

В решениях специально созданного для согласования партийной стратегии в марте 1933 г. Индийского комитета Консервативной партии отмечалось: «Результатом Конференции «круглого стола» явилось оформление идеи об общеиндийской федерации и введении в Британской Индии конституции... Консервативная партия приветствует такое развитие событий, поскольку в его основе лежат принципы, сформулированные в рапорте комиссии Саймона, и выражает готовность к дальнейшему сотрудничеству в её реализации» [13, p.1].

Позиция Лейбористской партии, формально возглавлявшей коалиционный кабинет, в отношении проекта реформы в Индии характеризовалась существенно большей степенью единства. В Целом она основывалась на решениях, принятых в 1927 г. на партийной конференции в Блэкпуле. «Лейбористская партия, - отмечалось в одном из партийных документов в 1932 г., - верит в то, что создаваемая законодательная комиссия оформит положения будущей конституции таким образом, чтобы они способствовали развитию Индии. Она должна включать положения, содержащиеся в пакте Ирвина-Ганди, отвечающие индийским интересам, а также соответствующие индийским общественным интересам» [25, p.228]. Руководство Лейбористской партии подтвердило приверженность данным принципам и при открытии конференции Круглого стола [25, p.228]. В ходе второй её сессии лейбористы, входившие в состав Национального правительства, сделали специальное заявление, в котором особо подчёркивалось, что наличие в индийской административной структуре «сохранённых субъектов» наносит «ущерб продвижению Индии... к созданию полностью ответственного правительства» [25, p.212]. К моменту опубликования «Белой книги» и формирования Совместного комитета, позиция Лейбористской партии в отношении предстоящей реформы была, по словам одного из представителей её руководства, «ясной, недвусмысленной и направленной на достижение скорейшего прогресса» [23, p.100].

Один из лидеров Лейбористской партии К. Эттли отмечал в связи с этим: «С момента формирования системы британского контроля в Индии в 1857 г., сменявшие друг друга английские правительства давали различные обещания её населению. Лейбористская партия желает, чтобы все эти обещания были выполнены. По итогам наших конференций было принципиально подтверждено право индийского населения на самоуправление и самоопределение... Основой политики Британского Правительства должно стать сотрудничество с индийцами, целью которого является скорейшее превращение Индии... в равного партнёра с остальными членами Содружества Наций» [14, col.719]. «Лейбористская партия, - по его сло-

вам, - верит в идею Комиссии по реформе, и полагает, что новая Конституция... будет основываться на принципе, содержащемся в пакте Ирвина-Ганди...» [14, col.719]. Как отмечалось в партийных документах, «в новую Конституцию должны быть включены положения, изложенные Лейбористским правительством на конференции Круглого стола, предусматривающие, в числе прочего, передачу «резервных субъектов» в полное ведение правительства Индии» [26, p.117]. Лейбористы, кроме того, призвали к немедленному освобождению всех политических заключённых, «не виновных в насилии» [26, p.121]. В данной связи подчёркивалась особая роль Совместного комитета, включающего представителей обеих палат парламента.

С точки зрения лидеров Лейбористской партии, задача Великобритании в Индии сводилась к тому, чтобы «с честью выполнить данные ранее обязательства. В декларации партийной конференции, в Блэкпуле подчёркивалось, что партия «твёрдо подтверждает права индийцев ... на получение самоуправления и самоопределение, а политика Британского правительства должна основываться на укрепляющемся сотрудничестве с индийцами, конечной целью которого должно стать максимально быстро возможное превращение Индии в равноправного члена и партнёра Британского Содружества наций...» [26, p.121]. Лейбористы исходили из необходимости строить отношения с Индией на новых принципах, обозначенных в решениях имперской конференции и декларации Бальфура 1926 г., предполагавших равный политико-правовой статус всех членов Содружества наций, а также их полную внутреннюю автономию в вопросах внутренней политики. Исходя из этого, к началу 1930-х гг. в руководстве Лейбористской партией утвердилось мнение о необходимости предоставления Индии полного права самоопределения, равного тому, которым к тому моменту обладали уже существовавшие «белые» доминионы [35, p.117]. Как подчёркивалось в лейбористской печати, задача предстоящей конституционной реформы заключалась в предоставлении Индии «равного статуса, равных прав и равных обязанностей с теми, какими обладают остальные члены Содружества» [31, p. 5-6].

После обсуждения продолжавшегося в течение нескольких месяцев, в апреле 1933 г. был окончательно согласован состав Совместного законодательного комитета двух палат, на который возлагалась основная задача по утверждению Билля о конституционной реформе. В него вошли 16 представителей Палаты общин, а также равное количество членов Палаты лордов. Среди них был ряд известных политических фигур, а также людей, обладавших опытом работы в структурах англо-индийской администрации и участвовавших в подготовке и реализации реформы Челмсфорда-Монтэгю. В их числе оказались маркиз Солсбери, граф Дерби и лорд Ирвин [15, col.252]. Из состава избранной палатой Лордов, 8 представителей являлись членами Национального правительства или его сторонниками из рядов Консервативной партии. В их число входил и виконт Вулсак в течение длительного времени являвшийся председателем на конференциях Круглого стола.

В начале декабря 1934 г. Совместный комитет завершил обсуждение и провёл окончательное голосование по проекту Билля о конституционной реформе в Индии. Он был поддержан 21 голосом, против проголосовало шесть представителей, пятеро воздержались. Среди голосовавших против законопроекта оказались весьма влиятельные фигуры – архиепископ Кентерберийский, маркиз Риддинг, а также лорд Шелл [20, col.309]. В итоговом документе Совместного комитета подчёркивалось, что результаты его деятельности полностью соответствуют выводам, сделанным комиссией Саймона [20, col. 309].

12 декабря 1934 г., в ходе очередного обсуждения проекта будущей конституции Индии, У. Черчилль заявил, что с учётом уровня социально-политической организации индийского общества «введение самоуправления будет означать лишь свободу одной части индийцев эксплуатировать другую» [1, с. 574]. Тем не менее, обе Палаты британского парламента

утвердили рекомендации Объединённого Совместного комитета относительно индийской конституционной реформы. Согласованные положения будущей конституции Индии были включены в текст соответствующего законопроекта [20, col.313]. Лорд Галифакс, представлявший Билль в Палате лордов, подчеркнул, что он явился итогом «восемнадцати месяцев сложной работы избранных представителей Комитета» [20, col. 364]. По его словам, итоговый текст документа явился плодом усилий и результатом компромисса представителей всех трёх ключевых политических партий Великобритании [20, col. 364]. Лейбористы и либералы, составлявшие меньшинство членов Совместного комитета, добились включения в текст законопроекта нескольких положений, связанных с гарантиями политических прав социальных и этноконфессиональных меньшинств индийского населения, а также обеспечением экономического развития индийских территорий [24, p.174]. В печатных изданиях лейбористов в конце 1934 г. отмечалось: «Мы должны обеспечить самоуправление Индии таким образом, чтобы гарантировать обеспечение конституционного права сельских жителей и городской бедноты на участие в политическом управлении» [32, p. 3].

В январе 1935 г. У. Черчилль предпринял последнюю попытку внести коррективы в проект Билля по Индии, предложив, основываясь на рекомендациях комиссии Саймона, ограничить на несколько лет автономию провинциальным уровнем. В этих условиях консервативная пресса в очередной раз подвергла его действия критике, обвинив его в «подрывной активности» [5, p. 867].

В начале февраля оппозиция законопроекту получила дополнительный аргумент в свою пользу. Съезд индийских князей, состоявшийся в Бомбее, принял резолюцию, в которой выражалась резкая критика проекта будущего федеративного устройства Индии. Несмотря на некоторое замешательство в правительстве, попытка оппозиции снять билль с обсуждения потерпела неудачу [8, p.82].

11 февраля 1935 г. в ходе обсуждения во втором чтении в Палате общин билля об Индии, У. Черчилль вновь выступил против введения системы полного самоуправления, подчеркнув, что результатом этого шага станет «уничтожение прав миллионов неорганизованных индийцев и слабо представленных в политических институтах социальных меньшинств» [1, с.574]. Представлявший законопроект С. Болдуин, в свою очередь, пообещал, что британское правительство приложит максимум усилий для сохранения «власти закона и порядка» в период передачи власти индийским структурам. В итоге билль был поддержан 404 голосами против 113. В числе голосовавших против были 84 представителя Консервативной партии [19, col.152].

Консерваторы уделяли особое внимание вопросу о представительстве князей, которые, в рамках системы «нового дурбара» рассматривались как стабилизирующий элемент в рамках реформируемой системы управления. Представители княжеств не избирались демократическим путём, а назначались князьями. На федеральном уровне, как ранее на провинциальном, создавалась система «reserved subjects», остававшихся в сфере исключительной компетенции британского вице-короля. К их числу относились вопросы обороны, внешней политики, защиты этноконфессиональных меньшинств, установления тарифов на британский импорт и некоторые другие.

У. Черчилль охарактеризовал данную реформу как «упадок и даже исчезновение [британской – А.С.] власти в Индии...» Правление Великобритании он характеризовал как «лучшее из когда-либо существовавших [в Индии – А.С.] ранее... Введение самоуправления является в нынешних условиях лишь увлечением сменой идей со стороны либералов» [5, p. 798]. Как отмечал британский исследователь Б. Портер, «твердолобые во главе с Черчиллем смогли оттянуть начало реформы на два года...» [28, p. 286].

В 1935 г. новый Акт об управлении Индией вступил в силу. Основным итогом деятельности комиссии Саймона явилось решение о введении в Индии широкой системы самоуправления, максимально близкой к статусу доминиона, а также федеративной системы внутреннего устройства. Индийский конституционный Акт 1935 г., согласованный с представителями индийской знати, предполагал создание федерального союза из 16-ти провинций Британской Индии, за исключением Бирмы.

Согласно принятой конституции, Индия преобразовывалась в федерацию провинций Британской Индии и вассальных индийских княжеств. Членство в федерации было обязательным для провинций, в то время как княжествам предоставлялось право примкнуть к «федеральной схеме» либо установить прямые отношения с метрополией. Представители провинций в Центральном законодательном собрании подлежали избранию, делегаты княжеств назначались их правителями. Устанавливались пропорции представительства княжеств и провинций в Государственном совете и Законодательном собрании. «Федеральная схема» не была введена в действие из-за отказа большинства правителей княжеств примкнуть к федерации. В итоге вся реальная полнота власти осталась в руках вице-короля, который назначался британским монархом и являлся его полномочным представителем в Индии [22, p. 478].

Сформулированный в Законе об управлении Индией принцип развития «провинциальной автономии» предусматривал разделение власти между центром и провинциями и расширение прерогатив провинциальных законодательных собраний, которые делились на двухпалатные (в Мадрасе (Ченнаи), Бомбее (Мумбай), Бенгалии, Бихаре, Соединённых провинциях, Ассаме) и однопалатные (в Пенджабе (Пенджабе), Синде, Северо-западной пограничной провинции, Ориссе и Центральной провинциях). «Провинциальная автономия» была введена в действие 1 апреля 1937 г. В том же году состоялись выборы в центральные и провинциальные легислатуры, которые проводились по куримальной системе (12 курий - для индусов, мусульман, сикхов, христиан, различных социальных прослоек, а также для «неприкасаемых»; право голоса получили около 12% взрослого населения Индии) [22, p. 478].

Принятый в августе 1935 г. последний в истории Акт об управлении Индией стал крупнейшим шагом в процессе реформирования британской колониальной системы в межвоенный период. Обсуждение законопроекта, как и весь ход дискуссий, связанных с ситуацией в Индии, свидетельствовал о постепенном изменении баланса между консервативным и либеральным императивами колониальной политики Великобритании в пользу последнего. Принятие Акта оказало глубокое воздействие не только на последующее политическое развитие Индии, но и существенным образом повлияло на дальнейшую эволюцию системы британского колониализма в целом. Расширяя систему индийского самоуправления, Акт об управлении Индией 1935 г., в то же время, сохранял важные властные функции за англо-индийской администрацией. Тем не менее, он стал фактической основой для демонтажа многие важных элементов британского господства на полуострове Индостан, существовавших в течение предыдущих полутора столетий, создав вектор дальнейшего быстрого продвижения Индии к независимому политическому статусу.

Библиографический список

1. Гилберт М. Черчилль. Биография. М., 2015.
2. Чекунов В.И. Колониальная политика Англии и деятельность консервативных организаций Индии в 1927-1935 гг. Диссертация кандидата исторических наук. СПб., 1992.
3. Blyth R J. The Empire of the Raj. India, Eastern Africa and the Middle East, 1858-1947. Basingstoke, N. Y.: Palgrave and Macmillan, 2003.

4. *Bridge C.* Holding India to the Empire: The British Conservative Party and the 1935 Constitution. N.Y.: Envoy. 1986.
5. *Churchill W.S.* Thoughts and Adventures. L.: Odhams; NY: Norton, 1932.
6. Churchill W. S.: His Complete Speeches, 1897-1963. Vol. 5: 1928-1935 / Ed. by James R. R. New York and London: Chelsea House & Bowker, 1974.
7. Conservative Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2000.
8. *Copland I.* The Princes of India in the Endgame of Empire, 1917-1947. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
9. *Eden A.* The Eden memoirs: Facing the Dictators. L.: Cassell & Company, 1962.
10. *Dangerfield G.* The Strange Death of Liberal England. L: Stanford University Press, 1935.
11. Daily Mail. 1933. 28th March.
12. Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History. Calcutta: Nabu Press, 2012.
13. Gloucester Echo. 1933. 25th October.
14. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.276.
15. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.277.
16. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.279.
17. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.280.
18. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1934), vol.296.
19. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1933), vol.298.
20. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1934), vol.95.
21. Gupta P. S. Towards Freedom: Documents on the Movement for Independence in India. Oxford University Press, New Delhi, 1996-1997.
22. Indian constitutional documents, 1757–1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1–3, Calcutta, 1948–49.
23. *Henderson A.* Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935.
24. *Judd D.* The Lion and the Tiger: the Rise and Fall of the British Raj, 1600-1947. Oxford University Press, 2004.
25. Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997 / ed. by Dale I. L.: Routledge, 2007.
26. Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933.
27. Morning Post. 1933. 19th March.
28. Porter B. The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983. L.: Routledge, 1984.
29. The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries, 1929-1945./ Ed. by Barnee J., Nicholson D. L., 1987.
30. The Evening News. 1933. 8th March.
31. The London Gazette. 1934. 27th November.
32. The London Gazette». 1934. 12th December.
33. The Times. 1933. 12 th March.
34. The Western Daily Press. 1933. 22nd July. P. 11.
35. *Worley M.* The Foundations of the British Labour Party: Identities, Cultures and Perspectives, 1900-39. Farnham: Ashgate Publishing, 2009.

Сведения об авторе:

Сагимбаев Алексей Викторович, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, sagimbaev@yandex.ru

УДК 323(569.1)

В. П. Ранчинский

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И СИРИЯ

Аннотация: статья посвящена анализу событий «арабской весны» и их связи с длящейся войной в Сирии.

Ключевые слова: Сирийская Арабская республика, Арабская весна.

Rarchinsky V. P. The "Arab Spring" and Syria

Abstract: The article is devoted to the analysis of the events of the Arab Spring and their connection with the continuing war in Syria.

Keywords: Syrian Arab Republic, Arab Spring.

Сирия получила своё название от древнегреческого именованя колонии Ассирии восточнее р. Евфрат «Сирион». Эти земли аравийские арабы называли «Биляд аш-Шам» (страна Севера). Шамом иногда называли также её административный центр, г. Дамаск – один из древнейших городов мира, включенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Свой суверенитет сирийцы обрели в 1946 г. и с тех пор пытаются возродить свою культуру, прежде забытые традиции и национальные особенности.

Национальный флаг Сирии, утвержденный в 1980 г., символизирует важнейшие периоды истории её народа: он состоит из трех полос красного, белого и черного цветов и двух звёзд. Красная полоса напоминает сирийцам об их связи с династией Хашимитов, из которой вышел Пророк Мухаммад. Белая олицетворяет времена арабского халифата династии Омейядов, а черная период вхождения Сирии в халифат Аббасидов. Звёзды не дают забывать сирийцам, что с 1958 по 1971 г. они жили в едином государстве с египтянами – в Объединенной Арабской Республике (ОАР).

Культура сирийского народа формировалась под влиянием многих народов и является необычайно богатой и разнообразной. Примечательно, что официальным языком принят арабский, сирийское наречие которого является литературным языком арабского мира. Вместе с тем отдельные группы населения страны говорят на иорданском, ливанском, палестинском, египетском, армянском и курдском наречиях. Многие сирийцы владеют французским, английским, русским языками, в небольшом городке Маалюля население пользуется арамейским языком, а в Тадморе (Пальмира) коренные аборигены могут заговорить с вами на старогреческом и припомнить, что они являются потомками воинов Александра Македонского, оставленными здесь на излечение во времена его похода на Восток.

Сирия – многонациональное и многоконфессиональное государство, население которого научилось жить вместе и в тоже время отдельно, не вмешиваясь в религиозное сознание, мораль и этику друг друга. Только такой подход давал шанс на мир и совместное сосуществование на одной земле. После развала Османской империи, в состав которой Сирия входила с 1517 г., в 1922 г. Франция получила от Мандатной комиссии Лиги Наций мандат на управление и вплоть до апреля 1946 г. её войска находились на территории Сирии, а она являлась её подмандатным владением, хотя с 1943 г. Сирия управлялась национальным правительством.

За время суверенного этапа развития страна пережила сложный период: с 1949 по 1971 г. в Сирии произошло одиннадцать военных переворотов и их попыток, она побывала в составе Объединенной Арабской Республики и лишь приход в 1971 году к власти генерала авиации Хафиза аль-Асада, представлявшего общину алавитов (религиозных маргиналов), который в 1973 г. стал президентом страны, принес мир и относительное спокойствие.

Закрепление у власти в Сирии представителя общины алавитов, которая считалась формально ближе к шиитам нежели к суннитам, совпал, на наш взгляд, по времени с завер-

шением пассионарного импульса ислама суннитского толка, сущностью которого были отходившие в прошлое идеи панисламизма, панарабизма, османизма и халифатизма. Казалось, все эти идеи стали достоянием истории и мусульмане мира устраивали своё бытие в рамках светских и полусветских государств, в которых, как и в христианском мире, на первое место выходили не святость и благочестие, а материальное благополучие и место человека в экономической и политической жизни общества.

Своей политической опорой Х. аль-Асад сделал Партию арабского социалистического возрождения, или партия Баас, идеологи и основатели которой были изгнаны из Сирии, а их место заняло окружение Х. аль-Асада. Официальным лозунгом партии стал тезис о том, что арабская нация едина и наделена сакральной миссией. Ни первая, ни вторая части его не подтверждались реальной практикой жизни арабского мира, что вызывало множество вопросов, ответов на которые партийное руководство найти не могло. За десятилетия монополии на власть идеология проправительственной партии потускнела и превратилась в махровую демагогию, которой как дырявой ширмой власть пыталась прикрыть свое нежелание идти на реформы, так и отменять режим чрезвычайного положения, введенный в Сирии ещё за семь лет до прихода к власти Хафиза аль-Асада. Башар аль-Асад, вступивший после смерти своего отца на пост президента в 2000 г., не обладавший ни опытом государственного деятеля, ни харизмой политика, не решился на реформы, которых от него ожидало население страны. На наш взгляд, он боялся нарушить стабильность сирийской этно-конфессиональной мозаики, выстроенной его отцом, и, возможно, ему это удалось бы сделать, не вмешайся внешняя сила, не оказалась Сирия в фокусе внимания США.

Идея свержения правительства Сирии впервые была поставлена в повестку дня администрацией США в начале 80-х гг., в рамках операции по развалу СССР. В то время экономика СССР находилась в состоянии застоя, а сам он вёл безуспешную и не популярную в народе войну в Афганистане, в которой участвовали и американцы.

Главным источником формирования бюджета СССР были доходы от продажи нефти и газа на европейском рынке. Вот с него-то США и намеревались выдавить Советский союз, заменив его углеводороды на аравийские. Но для реализации этого плана американцам нужны были такие транзитёры, как Сирия и Ливан, к средиземноморскому побережью которых планировалось построить трубопроводы с Аравийских монархий. Проблема Ливана решалась при помощи Израиля, который в 1982 г. развязал против него войну и занял Восточную часть Бейрута. Союзником США и Израиля в Ливане стала маронитско-христианская партия «Катаиб» во главе с Мишелем Ауном. Хафиз аль-Асад разгадал хитросплетения политики США и не пошел с ними на соглашение. Тогда США вместе с Израилем начали против Сирии воздушную войну. К её берегам подошла средиземноморская эскадра США во главе с авианосцем «Nimitz», палубная авиация которого разрушила систему ПВО Сирии и бомбила Ливан. Над Сирией и Ливаном постоянно висели самолёты радиоэлектронной разведки, которые наводили на цель американскую и израильскую авиацию. Кроме того, американцы взбудрили религиозную оппозицию режиму алавитов в Сирии, а также «Ассоциации братьев мусульман». Резидентура США обеспечила финансирование «братьев» и их материальное обеспечение. Используя родоплеменные связи, с территории Саудовской Аравии в Сирию «братьям», были переброшены оружие, боеприпасы, медикаменты и средства связи. Против Сирии началась медийная война. Все, кто занимался Ближним Востоком, понимали, что со дня на день следует ожидать государственного переворота в Сирии. Хафиз аль-Асад запросил помощи у Советского Союза, а сам нанёс упреждающий удар по исламско-суннитской оппозиции. Г. Хама, являвшийся опорой «Ассоциацию братьев мусульман», был окружен сирийским спецназом, которым командовал брат президента. Дом за домом, все население

города подверглось тщательному досмотру. В результате были выявлены крупные склады и арсеналы оружия и боеприпасов, арестованы и осуждены участники заговора. Лишь немногим удалось покинуть Хаму и бежать с территории Сирии.

Что касается просьб Хафиза аль-Асада, обращенных к руководству Советского Союза, то в сложившихся условиях в СССР было принято решение направить для защиты Сирии два полка ПВО с штатным составом; от командиров до рядовых. Они были сформированы из различных частей Советской армии и морским путем направлены в Тартус, где находился пункт материально-технического обеспечения кораблей ВМФ СССР. Несмотря на угрозы США потопить корабли, доставлявшие полки в Сирию, они прошли Босфор при сопровождении подводных лодок, прибыли в Сирию и были размещены под сирийским городом Хомсом в пустыне. После их постановки на боевое дежурство все самолеты Израиля и США, входившие в зону их действия, брались на прицел и сопровождались ЗРК, что вызвало нервозность пилотов самолётов, понимавших свою уязвимость. Они стали уклоняться от выполнения пилотных заданий. Мир оказался на грани термоядерной войны, случись нервный срыв у одной из сторон. Однако в то время возобладало благоразумие. Израилю, несмотря на поддержку США, не удалось закрепиться в Ливане и к концу 1982 г. ему пришлось оставить захваченные земли.

Таким образом, сценарий США по развалу Советского Союза был провален и СССР продержался ещё 9 лет, а в отношении Сирии был разработан новый план, вписанный в «Арабскую весну».

Очередная атака на Сирию была предпринята США при президентстве Дж. Буша-младшего, после разгрома режима Саддама Хусейна в Ираке в 2003 г. Президент Сирии Башар аль-Асад был обвинён американцами в том, что он разрешил создание на территории своей страны тренировочных лагерей и баз снабжения суннитской оппозиции американской оккупации Ирака. По утверждению американской стороны, Б. аль-Асад способствовал переброске на территорию Ирака оружия, боеприпасов и иностранных боевиков [1, с.134-135]. Вероятно, для обвинений США имелись основания. Однако, справедливости ради заметим, что сухопутная граница Сирии составляет более 2000 км со сложным рельефом местности и климатическими зонами. В Сирии никогда не было пограничной службы, так как при армии в 300 тыс. человек и бюджете государства в 20 млрд. долларов по состоянию на 2011 г. (начало гражданской войны в Сирии) созданию сил пограничной службы не позволял бюджет, в силу того, что обустройство границы требовало огромных средств. Границы Сирии были полностью открыты, что позволяло любым силам свободно перемещаться в Сирию и из Сирии, переправлять любые грузы. Вдоль сирийско-иорданской и сирийско-иранской границы обретались племена бедуинов-кочевников, а вдоль семисоткилометровой границы Сирии с Турцией более 500 км границы контролируют курдские кочевые племена, а остальную – туркмены. Так что вопрос о проникновении на территорию Сирии извне равно как из сирийской территории решался не в кабинетах Дамаска, а в палатках шейхов приграничных племён и американцы все эти тонкости границ стран Ближнего Востока знали. Разумеется, спецслужбы Сирии могли организовать соответствующие коридоры. Однако возлагать всю ответственность за эти миграции через границы Сирии на правительство Сирии и её президента было неверно, но американцам нужен был повод для вмешательства в сирийские дела.

Неожиданно для тех, кто следил за американско-сирийскими спорами, дальше медийной атаки американцы не пошли. Очевидно, они в то время не были готовы к смене режима: они не определили те политические силы, которым можно было бы передать власть, они их активно искали, но политическое пространство Сирии было столь тщательно зачищено режимом семьи аль-Асавов, что поиски не увенчались успехом. Американцы в то время сме-

нили тактику: на официальном уровне они начали переговоры с Б. аль-Асадом, а в то время как их спецслужбы при помощи спецслужб стран Персидского залива, и прежде всего Катара, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии занялись подготовкой в Сирии «Арабской весны» по уже отработанному в Тунисе, Алжире и Ливии сценарию. Для этого было zaangażировано катарское информационное агентство «Аль-Джазира», постановочная студия которого была создана в Бахрейне. Там же обосновалась сирийская якобы правозащитная организация «Белые каски». По команде извне студия стала стряпать фейковые новости из Сирии с видеороликами о зверствах режима Б. аль-Асада. В это же время спецслужбы стран залива реанимировали родоплеменные и клановые связи, определили каналы финансирования будущих «борцов за права сирийского народа», определили тыловые базы их снабжения на территории Турции, Иордании.

Среди братьев-арабов сирийцев в подготовке атаки на Сирию тон задавал Катар, правящая династия которого была обижена на семью аль-Асада за отказ предоставить Катару транспортный коридор для прокладки газопровода в Европу. Коллизия развернулась после открытия в зоне Персидского залива богатейшего месторождения газа, часть которого принадлежит Ирану, а другая входит в шельфовую зону Катара. Только Катар готов был поставить на европейский рынок 28 трлн. м³ газа и 7 млрд. тон нефти [1].

Для сбыта обнаруженных запасов газа ни та, ни другая сторона не могли найти рынка. Взоры Ирана и Катара были обращены к Сирии как единственному транзитёру газа в Европу. Таким образом Сирия оказалась объектом пристальных интересов двух противостоящих в регионе зоны Персидского залива сил: шиитского Ирана и суннитского Катара, который подзревал шиитское духовенство Ирана в намерении экспорта шиитской исламской революции в страны Персидского залива, в которых доля шиитского населения составляет от 49% в Бахрейне до 10-15% в Саудовской Аравии.

Сама Сирия располагала весьма скромными разведанными запасами нефти. По оценкам экспертов они составляли 2,4 млрд баррелей нефти [2]. Их было недостаточно для полного обеспечения потребностей страны в жидком топливе. Недостающий дефицит нефти с начала 80-х гг. фактически бесплатно восполнял Иран, которому аль-Асад-отец помог восстановить армию, распавшуюся после Исламской революции. Сим обстоятельством в 1980 г. попытался воспользоваться иракский президент Саддам Хусейн, напавший на Иран в сентябре 1980 г. Запасы газа в Сирии весьма солидны, они оцениваются в 68,5 трлн. м³, что давало основания правительству Сирии разрабатывать собственные проекты экспорта газа на внешние рынки. Однако реализовать эти проекты Сирия могла только с более сильными партнёрами.

Почти все месторождения нефти и газа Сирии сосредоточены на Востоке провинции Хомс вокруг городов Ар-Ракка и Дейр-эз-Зор, вдоль границ с Ираком и вокруг г. Тадмор. Именно здесь находится 45% месторождений сирийского газа. Отсюда идут магистральные трубопроводы на Запад. Именно в этом заключается столь важное стратегическое значение этого небольшого городка.

Когда Иран и Катар фактически одновременно предложили проложить свои газопроводы к побережью, Б. аль-Асад сделал ставку на своего союзника в регионе Ближнего и Среднего Востока, и в 2011 г. Иран, договорившись с шиитским руководством Багдада, приступил к сооружению своего трубопровода мощностью в 40 млрд м³ газа в год. Длина этой трубы 6 тыс. км, она должна была выйти в Грецию в 2018 г.

Сотрудничество Б. аль-Асада с Ираном наносило мощный удар не только по интересам Катара, но и других акторов газового рынка Европы. Против иранского газопровода объединились все арабские монархии, а также Египет и Израиль. Выход иранского газа на европейский рынок противоречил планам США занять его своим сжиженным газом, он подрывал

монополию российского Газпрома. Будучи объединенными общими интересами – не пустить Иран на газовый рынок Европы, каждая из ведущих держав повели себя по-разному. Катар и Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн повели против Б. аль-Асада открытую войну. Катар выступил координатором финансовой помощи внутренней оппозиции режиму алавитов в Сирии. Спецслужбы США возглавили медийную атаку на Сирию и подключили президента Турции Реджепа Эрдагана, которого ранее называли «самым близким другом семьи аль-Асадов».

Режиссёры «Арабской весны» стали выпячивать конфессиональные различия Сирии, то обстоятельство, что страной уже более 40 лет правят алавиты, которых в начале XX в. сунниты называли «худшими из еретиков». Затухшие, казалось бы, противоречия между суннитами и шиитами актуализировались и раздувались кукловодами «Арабской весны», призывающих суннитов Сирии восстать против «тирании алавитов».

Наряду с раздуванием погасшего ранее конфликта между суннитами и алавитами социальную обстановку в Сирии осложняла длительная засуха 2006-2010 гг., которая ранее не фиксировалась в Сирии, что давало основания к подозрениям, что она была организована спецслужбами США по климатическим войнам. Эти подозрения усиливались обильными осадками в Саудовской Аравии, на территории которой американцы разместили электромагнитные пушки, стягивающие дождевые облака к полуострову и обеспечивающие столь несвойственные этому региону длительные влажные сезоны.

В марте 2011 г. в Сирии, в небольшом южном городе Дер'а начались беспорядки, быстро перекинувшиеся на другие регионы страны. Необходимо отметить, что Б. аль-Асад довольно оперативно отреагировал на первые акции протеста: 29 марта от отправил в отставку правительство и создал новое, пообещавшее приступить к реформам, 20 апреля Б. аль-Асад отменил закон о чрезвычайном положении, действовавший 48 лет. Однако оппозиция не отреагировала, её лидеры заявили, что действия Б. аль-Асада «являются запоздалыми». Ей нужны были не реформы, а отставка президента. Она провоцировала правовые конфликты с силами правопорядка. Справедливости ради отметим, что власти изначально действовали неумело и грубо. В структуре вооруженных сил Сирии отсутствовали внутренние войска или военная жандармерия, так как в предыдущие годы считалось, что враг может быть только внешний. Зато правящий режим обзавёлся шестнадцатью спецслужбами, каждая из которых торопилась засвидетельствовать свою полезность и эффективность. Против населения, выходявшего на акции протеста, власти бросали армию и силы безопасности. Армейские части поступали так, как их учили на полигонах бороться против внешнего врага – они использовали артиллерию, танки и авиацию, разрушая жилища и инфраструктуру. После таких «разгонов» оппозиции, кварталы городов, где происходили столкновения, превращались в руины, что давало основание для медийной атаки на режим.

На начальном этапе кристаллизации оппозиции режиму Б. аль-Асада костяк вооружённого сопротивления составляли «братья мусульмане», пытавшиеся взять реванш за разгром этой организации Х. аль-Асадом в 1982 г. и перевести социально-политический конфликт в русло этно-религиозного, принявшего антишиитско-алавитский характер. Лидер «братьев» Мухаммад Бадиа, бежавший в начале 80-х гг. в Катар, пользовался финансовой поддержкой правящего клана ат-Тани, персонально эмира Катара Ханада бен Халифа ат-Тани.

В то время волны насилия в Сирии накатывались, как правило, по пятницам, в конце дня, после завершения пятничного намаза. К этому времени в указанное место подтягивались зарубежные тележурналисты, подвозились антиправительственные лозунги, собирались ораторы в балаклавах, которые организовывали речёвки, разогревавшие толпу. Само действие так называемого «стихийного протеста» разворачивались после завершения намаза в мечетях, когда на улицы выплескивались толпы мусульман, пришедших на послеполюден-

ный намаз. Указанная схема применялась во всех городах Сирии. Постановщики этих «спектаклей» растворялись в толпе, укрывались в сопредельных государствах.

Наряду с организацией «актов протеста» начался финансовый прессинг на Сирию, работали каналы финансирования «сирийской революции». Нефтедобывающие монархии Аравийского полуострова и прежде всего Катар и Саудовская Аравия, подписавшие ранее с Сирией соглашение о предоставлении ей кредита на сумму в 50 млрд; денонсировали его и вышли из всех совместных с Сирией финансовых и экономических проектов, что тут же разогнало инфляцию сирийской лиры. В ноябре 2011 г. Лига арабских государств (ЛАГ) приняла пакет экономических санкций против Сирии, которые вступили в силу 1 декабря. В то же время друг семьи Асадов президент Турции Реджеп Эрдаган арестовал банковские счета семьи президента Сирии и перевел их, по примеру счетов свергнутого у уже убитого президента Ливии Муаммара Каддафи, в европейские банки, где их замораживают, а затем открывают доступ к ним лидеров оппозиции для финансирования «сирийской революции».

Разрастание гражданского конфликта в Сирии сопровождалось диффузией оппозиционных правительству сил Сирии, потому что их политическая, религиозная в внешнеполитическая дифференциация нарастала от месяца к месяцу, что делало реальное объединение её под одним флагом весьма затруднительным.

Первой национальной вооруженной антиправительственной организацией Сирии стала Свободная сирийская армия (ССА), о начале формирования которой было объявлено 19 июля 2011 г. группой офицеров-дезертиров, бежавших из рядов правительственной армии Сирии в Турцию. Во главе её встал полковник Рияд аль-Асад. Вскоре появился и командный орган ССА – Высший военный Совет (ВВС) во главе с беглым бригадным генералом Салимом Идриси [3]. Изначально ССА, создавалась как зонтичная организация, состоящая из локальных небольших вооруженных подразделений на территории Сирии, признававших формально власть над собой ВВС взамен на финансовую и материальную поддержку ССА. Таким образом, фактически ССА изначально создавались как альянс вооруженной оппозиции правительству Сирии, в котором реальное командование подразделениями осуществляли полковые командиры, которые и решали исполнять им указания ВВС или нет, входить в состав ССА, или же афилироваться в другие структуры, которые были ближе им по методам борьбы и их целям, или в которых было более щедрое или стабильное финансирование и материальное обеспечение.

В сентябре-октябре 2011 г., с целью создания объединённого фронта борьбы против Б. аль-Асада, по инициативе США, в Стамбуле был создан Сирийский национальный совет (СНС) председателем которого был назначен известный политический оппозиционер семьи аль-Асадов, живший в Париже, Бурхан Галиун, который заявил о том, что только он является единственным законным правителем сирийского народа. Он должен был не только представлять интересы оппозиционных сил Б. аль-Асаду на международной арене, но и аккумулировать финансовые и материальные средства для обеспечения борьбы с режимом Б. аль-Асада [3]. Однако США натолкнулись на явное нежелание коспонсоров «сирийской весны» перечислять деньги бюрократам СНС, перемещавшимся между столицами государств Ближнего Востока. Тот, кто готов был выделять деньги на свержение Б. аль-Асада, к этому времени уже обзавелся «своими» оппозиционными структурами внутри Сирии, обслуживающими интересы спонсора. Они финансировались и снабжались оружием и боеприпасами напрямую, в обход СНС. Поэтому СНС так и не стал альтернативным органом власти для оппозиции, его функционеры даже спустя полгода после его создания жаловались, что сирийская революция является самой нищей из всех арабских революций, что пока СНС получил только 5 млн долларов в рамках целевой государственной помощи [4]. Учитывая то обстоятельство

ство, что в руководящие структуры СНС вошло более семидесяти человек, денег с трудом хватало на содержание его бюрократического аппарата. Кроме того, чем больше СНС обрстал разными структурами, такими как Генеральная Ассамблея, Генеральный Секретариат, Исполнительный комитет, тем сложнее было достичь согласия. СНС раздирался внутренними противоречиями: его члены были согласны лишь с требованием ухода Б. аль-Асада с поста президента Сирии, но договориться об альтернативной ему кандидатуре, о модели будущего государства, о составе правительства бюрократы СНС не могли, хотя, казалось бы, это были первоочередные задачи, нуждающиеся в срочном решении. Реальная власть над внутренней оппозицией режиму Б. аль-Асада принадлежала Локальным координационным комитетам (ЛКК), созданным на территории Сирии на уровне городских кварталов, районов и провинций. Их составы постоянно менялись и каждый из них ориентировался на своего спонсора, а не на функционеров СНС, кочующих между столицами стран Персидского залива и выпрашивавшим деньги.

Пытаясь поднять авторитет СНС и расширить источники финансирования «Сирийской весны», США начали сколачивать некий международный орган, который они назвали «Группой друзей сирийского народа», учредительное заседание которой состоялось 24 февраля 2012 г. в Тунисе. Главной целью созданной структуры, в которую США загнали 60 государств стало подписание декларации, по которой законной властью в Сирии объявлялся созданный в Тунисе Сирийский национальный Совет (СНС), предложивший Б. аль-Асаду покинуть пост президента страны [3]. Таким образом США и их союзники в одностороннем порядке изъяли у сирийского народа суверенное право избирать себе власть и назначили новую, состоящую в основном из числа сирийских мигрантов, которые по 30-40 лет проживали вне Сирии.

Наряду с «группой друзей сирийского народа» было создано Генеральное командование сирийской революцией (ГКСР), а также Военный Совет сирийской революции (ВССР), в который, по замыслу его создателей, должны были делегироваться представители всех созданных ранее органов управления «революцией» [3].

Однако увеличение числа руководящих оппозицией органов не приближало организаторов «Сирийской весны» к желанному результату – разгрому правительственной армии. Эта проблема решалась полевыми командирами, теми, кто с оружием в руках воевал с правительственными войсками, численность которых стремительно сокращалась по причине боевых потерь и массового дезертирства суннитской части личного состава правительственных войск. Таяла также и ресурсная база армии, в отдельных подразделениях которой материальная часть пришла в полную негодность. Однако добиться победы над Б. аль-Асадом даже к концу 2012 г. оппозиция так и не смогла.

Стремясь запугать некоторых руководителей оппозиции, по инициативе Б. аль-Асада в Сирии из числа криминальных и близких к ним элементов общины алавитов были созданы своеобразные «эскадроны смерти», которые в народе называли «Шабиха». Из президентского гаража им выделили черные мерседесы, на которых они перемещались из города в город, творя насилие и террор. Трудно определить, насколько это ослабило оппозицию, а вот режим этим шагом себя сильно дискредитировал и придал стойкости тем бойцам оппозиции, родственники которых были убиты боевиками «Шабихи».

С 11 по 12 ноября 2012 г. в Дохе состоялось совещание представителей оппозиционных Б. аль-Асаду организаций, в ходе которого они объединились в Национальную коалицию оппозиционных революционных сил (НКОиРС) во главе которой был поставлен бывший настоятель мечети Омейядов в Дамаске, весьма известный богослов, беглый имам Муаз аль-Хатиб. Его заместителями стали также известные в Сирии оппозиционеры режиму аль-

Асадов Сулейх аль-Атаси и Рияд Сейф – один из самых богатых людей Сирии [4]. НКОиРС тут же признали США и их союзники по блоку НАТО, а также государства Персидского залива. Новая структура объявила себя представителем интересов сирийского народа, а своей главной целью координацию борьбы оппозиции против президента Б. аль-Асада. Таким образом, по факту две организации претендовали на право представлять сирийский народ, что тут же вызвало ожесточённые распри между НКОиРС, с одной стороны и СНС, с другой. В силу этого ЛАГ, у руководителей которой уже налажилось сотрудничество с СНС, не признала НКОиРС представителем всего сирийского народа, а лишь «легитимным представителем оппозиции» [7]. Отказались подчиняться новому руководящему органу и ЛКК, участники которых к этому времени уже разделились на «умеренных» и «радикальных джихадистов», ориентировавшихся уже на сирийскую «Аль-Каиду», а через нее на Исламское государство Сирии Леванта (ИГИЛ). Через год «джихадисты», Сирии присягнули на верность её лидеру, а затем после создания в июне 2014 г. халифата, халифу Абу Бакру. Тем самым против режима Б. аль-Асада уже воевала не внутренняя оппозиция, а ИГИЛ, имевшая уже отлаженную структуру привлечения в свои ряды «воинов ислама» со всего мира. Её филиалы вербовали волонтеров во всех странах мира. Они стекались в Турцию, а оттуда перебрасывались в Сирию.

Созданием НКОиРС инициаторы «сирийской весны» пытались перехватить инициативу у исламских радикалов из «Аль-Каиды» и ИГИЛ и не допустить захвата ими власти в Сирии. Вожди этих сил ко времени создания НКОиРС обрели самостоятельность на территории Ирака и уже вели партизанскую войну против оккупационных войск США и армии шиитского правительства Багдада.

Создание различных управленческих структур, претендовавших на руководство борьбой по свержению правительства Б. аль-Асада, дало основание говорить о разделении оппозиции на внутреннюю и внешнюю.

Внешняя оппозиция была представлена разного рода бюрократами, сидевшими в своих офисах в Турции и странах Персидского залива, собиравшими «помощь сирийскому народу» и раскладывавшими её по своим банковским счетам. Они позиционировали себя респектабельными политиками, охотно давали интервью о скором падении режима Б. аль-Асада. Им казалось, что блицкриг, обещанный организаторами «сирийской весны», вот-вот наступит и режим Б. аль-Асада падёт. Однако Б. аль-Асад никуда не уходил, из остатков своей тающей армии он сформировал несколько боеспособных подразделений, таких как, например, «четвертая бригада». Такие подразделения состояли из алавитов и христиан, которые знали, что в случае победы оппозиции их и членов их семей ждёт смерть. Радикалы от оппозиции сформировали лозунг: «Христиан – в Ливан, алавитов – в могилу». Поэтому личный состав этих подразделений знал за что он сражался. Бригада снабжалась по приоритетному признаку, была мобильной и наносила ощутимые удары по оппозиции. Однако возможности Б. аль-Асада отражать удары объединённой коалиции, руководимой США стремительно сокращались. К осени 2013 г. 90% территории страны находилось под контролем боевиков [5]. Столица Сирии была окружена и обстреливалась ствольной артиллерией боевиков. В июне и ноябре 2014 правительственные войска отразили два штурма Дамаска. На острие атакующих сил шли боевики организаций «Джабхат ан-Нусра» аффилированной с «Аль-Каидой». США хотя и внесли эту организацию в список запрещенных, тайно оказывали ей поддержку. Таким образом, в случае победы оппозиции власть в Сирии захватили бы крайние радикалы, которые тут же превратили бы её в вилает ИГИЛ.

В это время союзниками Сирии на международной арене оставались Иран, президент которого Махмуд Ахмади Нежад выступал категорически против иностранного вмешательства

ства во внутренние дела Сирии [6]. По тайным договоренностям между Дамаском и Тегераном в состав правительственной армии были включены офицеры и бойцы иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР), которые существенно укрепили боеспособность правительственных войск. По призыву духовного лидера Ирана Б. аль-Асаду стала оказывать поддержку иранская политическая организация Ближнего Востока «Хезболла», боевики которой воевали на стороне правительственной армии. Медийную поддержку Сирии оказывала Российская Федерация, которая нелегально перебросила в Сирию военных специалистов, занявшихся ремонтом и приведением в надлежащее состояние военной техники, поставленной в Сирию ранее [7]. Попытки Турции помешать этой помощи были решительно пресечены.

Несмотря на стремление Ирана и России предотвратить падение режима Б. аль-Асада к концу сентября 2015 г. его возможности отражать натиск оппозиции иссякли. Дамаск был обложен боевиками коалиции «Фронта освобождения Сирии» аффилированной с «аль-Каидой». От правительственной армии осталось 20 тыс. человек, 130 тыс. погибло остальные разбежались [8].

В сложившихся условиях Б. аль-Асад стал просить помощи у своих внешнеполитических союзников Ирана и Российской Федерации. Неожиданно для всего мира 30 сентября 2015 г. на грунтовый аэродром Сирии близ города Латакия стала перебрасываться группировка Воздушно-космических сил (ВКС) России, личный состав которой приступил к строительству военно-воздушной базы, а в небольшой порт Сирии Тартус вошли российские корабли, команды которых приступили к расширению ранее существовавшего здесь во времена Советского Союза пункта материально-технического обеспечения средиземноморской эскадры кораблей ВМФ СССР. После обустройства двух баз на территории Сирии Вооруженные силы России стали наносить удары по военной инфраструктуре ИГИЛ и сирийской оппозиции, что позволило Б. аль-Асаду приступить к восстановлению правительственной армии и активизации боевых действий против оппозиции.

Шаг за шагом правительственная армия, при поддержке ВКС России стала возвращать под контроль правительства отдельные города и провинции Сирии. Отремонтированная при помощи России система ПВО Сирии позволила значительно ограничить возможности ИГИЛ, оппозиции и их союзников наносить воздушные удары по военным целям на территории Сирии.

К концу 2019 г. под контроль правительства Б. аль-Асада было возвращено 74% территории Сирии [9]. 24 мая 2021 г. в Сирии прошли президентские выборы, на которых Б. аль-Асад получил почти 89% голосов избирателей и в четвертый раз был избран президентом страны [10].

Заключение

«Арабская весна», в которую США вложили 5,6 трлн. Долларов, предполагала, в том числе, ликвидацию последних очагов влияния России на Арабский Восток, а более широко на исламский мир. Однако добиться этой цели США не удалось. Россия не только сохранила свои геополитические позиции, но и обрела военные базы в самом центре Ближнего Востока, на одной из которых разместила дальние бомбардировщики ТУ-22МЗ, позволяющие ей контролировать всё средиземноморье, весь Ближний Восток и Северную Африку, создавать угрозу безопасности южному флангу блока НАТО.

Россия отразила атаку США на европейский газовый рынок, из которого они намеревались её выдвинуть, в том числе посредством доставки на этот рынок газа, добываемого в зоне Персидского залива. Россия прочно обосновалась в центре Ближнего Востока и теперь без её доброго согласия строительство через территорию Сирии, а другого маршрута просто нет, трубопроводов невозможно.

Сирия отразила «Арабскую весну», организованную США. «Арабская весна» расширилась об Сирийскую Арабскую Республику, а должна была докатиться до южных границ Российской Федерации. Президент Сирии Башар аль-Асад, которого США намеревалась, как минимум изгнать из страны укрепил свои позиции, сделал их более устойчивыми, независимыми от «братьев-арабов», о чём свидетельствуют прошедшие в мае 2021 г. президентские выборы. Переизбрание Б. аль-Асада на очередной президентский срок означает о закрытии американского проекта под названием «Арабская весна». По факту на середину 2021 г. гражданская война в Сирии угасла, хотя и не закончилась. Оппозиция режиму Б. аль-Асада, частью разгромлена, частью бежала за рубежи Сирии, частью ушла в подполье. В любом случае Б. аль-Асад получил передышку и при помощи своих внешних союзников – России и Ирана, имеет возможность укрепить армию, пополнить её арсеналы.

Распад Сирии на крошечные государства предотвращён, хотя на середину 2021 г. её территориальная целостность не восстановлена: на северо-западе провинции Идлиб остались недобитые вооруженные формирования ИГИЛ; на востоке, вдоль границ с Ираком, американцы установили контроль над нефтегазовыми месторождениями и не допускают туда законные власти Сирии; на севере, вдоль границ с Турцией пять сирийских провинций, населенных курдами, отложились от центральной власти и провозгласили автономию «Рожава», на которую имеет свои виды Турция; на юге, на границе с Саудовской Аравией, американцы сохраняют за собой военную базу Эт-Танф и огромный палаточный лагерь беженцев на 50 тыс. человек, которым они препятствуют возвращение к покинутым ранее местам проживания.

На наш взгляд, правительства стран Центральной Азии должны благодарить Б. аль-Асада за то, что он не позволил «Арабской весне» перерасти в «Центральноазиатскую» или другую ей подобную, а Евросоюз избежал очередного миграционного кризиса.

Библиографический список

1. *Вайс Майкл. Хасан Хасан.* Исламское государство. Армия террора. Пер. с англ. М., 2016. www.forbs.ru/mneniya-column/mir/33101321.10.2016
2. <https://www.ria.ru/infografica1201711.03/1508151811.html?nj=1>
3. *Щегловин Ю.* Сирийская оппозиция. Раскол оппонентов Б. аль-Асада на «внешнюю» и «внутреннюю» части. <https://www.centrasia.ru/news/pbp/?=1338183840>
4. Orcit>3
5. <http://www.infox.ru/authority/foreign/201303/tzailopoziciya.v.phml>
6. Елена Громова.torwor.ru 7 февраля 2014.
7. <http://www.itar-tass.com/c1/542975html>
8. *Авидор Эскин.* Сохранит ли Асад половину Сирии? <https://www.regnum.ru/2432635html>
9. zenyandex.ru/medialid/shaadba23b9db554a10c4751/zachem-nam-nujna-siria-60d37e7577494d697e517021
10. svoboda.org/a/usidet.pomoschynputinaasad...pravit...2021

Сведения об авторе:

Ранчинский Виктор Павлович – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени И.Г Петровского/
E-mail: vpr_1949@mail.ru

Культурная история

УДК 94(73)"1700/1850"

В. В. Прилуцкий

АНТИМАСОНСКИЕ СОЧИНЕНИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. И ИДЕЙНАЯ БОРЬБА В США

Аннотация: в статье рассмотрено влияние антимасонских сочинений, издававшихся в Западной Европе и США в XVIII – первой половине XIX вв., на активность американского радикального (протестного) движения. Считается, что первая печатная листовка против тайных обществ появилась в Англии в 1698 г. В дальнейшем в европейских странах и Америке вышли в свет значительные по объему конспирологические произведения, разоблачавшие масонство и содержавшие основные положения теории заговора. Их авторы видели корни опасных секретных организаций в деятельности средневековых каббалистов, тамплиеров, катаров, а также философов - просветителей и якобинцев, организовавших Великую французскую революцию. Консервативные и праворадикальные политические силы в США включили в свою риторику в качестве важного компонента требование борьбы с масонским орденом, якобы угрожавшим христианской религии, правам и свободам граждан, демократии, республиканизму и иным американским ценностям. В отечественной научной литературе тема остается малоисследованной.

Ключевые слова: антимасонские сочинения XVIII – первой половины XIX вв., политическая борьба в США в конце XVIII – первой половине XIX вв., американские антимасоны, идеологическое противостояние масонов и антимасонов, идея масонского заговора, протестное движение, история масонства в Северной Америке.

Prilutskiy V.V. Anti-Masonic writings of the XVIIIth – first half of the XIXth centuries and the ideological struggle in the United States

Abstract: the article examines the influence of anti-Masonic writings published in Western Europe and the United States in the XVIII – first half of the XIX centuries on the activity of the American radical (protest) movement. It is believed that the first printed leaflet against secret societies appeared in England in 1698. Subsequently, significant conspiracy works were published in European countries and America, exposing Freemasonry and containing the main provisions of the conspiracy theory. Their authors saw the roots of dangerous secret organizations in the activities of medieval Kabbalists, Templars, Cathars, as well as Enlightenment philosophers and Jacobins who organized the Great French Revolution. Conservative and right-wing political forces in the United States included in their rhetoric as an important component the demand to fight against the Masonic order, which allegedly threatened the Christian religion, the rights and freedoms of citizens, democracy, republicanism and other American values. In the domestic scientific literature, the topic remains poorly researched.

Keywords: anti-Masonic writings of the XVIIIth – first half of the XIXth centuries, political struggle in the USA in the late XVIIIth – first half of the XIXth centuries, in North America, American Anti-Masons, ideological confrontation between Masons and Anti-Masons, the idea of a Masonic conspiracy, the protest movement, history of Freemasonry in North America.

В XVIII – первой половины XIX вв. в Северной Америке масонство стало влиятельной общественной силой, связанной с финансовой и политической элитой, что вызывало раздражение радикалов. Возникшее протестное движение, направленное против тайного ордена, опиралось на конспиративизм (теории заговора) и признало в конечном итоге в масонерии врагов общества номер один. Но в действительности франкмасонство не отличалось внутренним единством. Оно исторически оказалось разделенным на регулярное (консервативное, признанное Объединенной Великой Ложой Англии) и либеральное (нерегулярное, связанное с Великим Востоком Франции и иными «юрисдикциями», которые отвергали часть «древних ландмарок» – основополагающих масонских принципов). В Америке распространилась еще в колониальную эпоху преимущественно консервативная традиционная ветвь масонства – так называемый «англо-американский стиль».

В течение второй половины XVIII – начале XIX в. наблюдался особенно быстрый рост масонства в Канаде и США. Великая Ложа создавалась в каждой провинции или штате [1, с. 148; 41]. Суверенитет и исключительная компетенция Великой Ложы означали то, что

во всех обрядах и «послушаниях» на территории региона действовали ее указы об изгнании из ордена или приостановлении членства. Система посвящения включала 3 символических градуса, разработанных в Англии и Шотландии (Ученик, Подмастерье или Товарищ, Мастер). Впоследствии появилась и начала пользоваться большой популярностью дополнительная степень Королевской Арки. В США возникли также собственные масонские системы посвящения (Йоркский устав и др.). Количество степеней (символических градусов) в Северной Америке стремительно возрастало, достигнув 43-х к 1816 г. Любопытно, что наивысшего пика развития в Соединенных Штатах масонерия достигла в 1950-е гг., когда численность «братьев» составила около 4 млн. чел. Впоследствии количество приверженцев «королевского искусства» уменьшилось до 3 млн. чел. (1989 г.) [2, с. 190-191]. В наши дни в США насчитывается около 2 млн. масонов (2009-2010 гг.).

В период между 1730 г. и 1850 г. в Западной Европе и Северной Америке были впервые изданы и впоследствии многократно переизданы классические антимасонские сочинения. Значимый характер имели работы: «Вскрытое масонство» (1730 г.) Сэмюэля Причарда [28]; «Яхин и Боаз, или Подлинный ключ к двери франкмасонства» (1762 г.) [24]; «Завеса, приподнимаемая для любопытствующих, или тайна революции, раскрытая при помощи франкмасонства» (1792 г.) Жака-Франсуа Лефранса [25]; «Доказательства тайного заговора против всех религий и правительств Европы» (1797 г.) Джона Робисона [38]; «Мемуары по истории якобинизма» (1797-1798 гг.) аббата Огюстена де Баррюэля [3]; «Иллюстрации (пояснение или описание) масонства одним из (членов) братства, посвятившим 30 лет изучению предмета» (1826 г.) капитана Уильяма Моргана [31]; «Свет на масонство» (1829 г.) Дэвида Бернарда [16]. В 1830-е гг. в свет вышли в виде отдельных сборников материалы и документы американских антимасонских конвентов [4; 8; 34; 35; 36; 37; 42; 43]. Свою лепту в разоблачение тайных обществ внес и бывший президент Соединенных Штатов Джон Куинси Адамс (1767-1848), написавший серию писем по данному предмету, изданных в 1833-1851 гг. несколькими книгами [5; 6; 7; 40].

В небольшой части работ разоблачались исключительно символы, обряды, ритуалы, церемонии, иерархия секретного общества, скрытые от посторонних глаз завесой тайны. Но основная масса антимасонских трудов была направлена против мнимой или действительной власти ордена «вольных каменщиков», отличалась радикализмом и носила в той или иной степени политический характер. Антимасонские сочинения были нацелены против «козней» и «заговоров» «подрывных элементов», объединившихся с частью правящей верхушки, элиты, олигархии, финансовой аристократии.

По мнению конспирологов, примерно в середине XVIII в. все антицерковные, антирелигиозные, антиобщественные и антигосударственные силы оказались вовлечены в заговор против европейских народов. Конспирологи прослеживали историческую линию: катары – альбигойцы – гностики – тамплиеры – алхимики – масоны – розенкрейцеры – мартинисты – каббалисты – философы эпохи Просвещения (материалисты и атеисты) – французские революционеры – якобинцы. «Якобинизированное» масонство во главе с Робеспьером в итоге ниспровергло институт частной собственности, государство и церковь [3, р. 221]. Эти утверждения имели под собой некоторые основания, но не вполне ясно, зачем вообще было идейно бороться с христианством, моралью и христианскими ценностями. Известно, что многие просветители и масоны выступали не против христианской веры как таковой, а против религиозного фанатизма и реакционного влияния господствующей церкви – идеологической опоры старого феодального общества.

Важной составной частью масонского мифа стали представления о заговоре иллюминатов – деятельности тайного радикального общества (1776-1785/1787 гг.), созданного ба-

варским профессором Адамом Вейсгауптом (1748-1830). Иллюминаты имели представительство во многих странах Европы, стремились установить контроль над местными масонскими ложами и, предположительно, осуществить революционный переворот. Еще в 1782 г., по мнению священника Баррюэля, Вейсгаупт якобы разработал план обращения французской нации в «систему иллюминатов» с целью подготовки к Великой революции 1789-1799 гг. Эти идеи в дальнейшем развил Робисон в книге «Доказательства тайного заговора против всех религий и правительств Европы». Масонский или иллюминатский заговор, по мнению Баррюэля и Робисона, имел три составляющих: против христианства, против монархии, против общества. Во второй половине XVIII в. были четыре вождя заговора: прусский король Фридрих Великий, философы Вольтер, д'Аламбер и Дидро. По мнению Баррюэля, около 1752 г. Вольтер замыслил заговор против христианства, в который вовлек оккультные масонские ложи, «секты софистов-проповедников безбожия» (философов-просветителей), Руссо, энциклопедистов, Спинозистов-пантеистов, деистов, атеистов вроде Гольбаха и Гельвеция. С 1743 г. Вольтер якобы находился на секретной службе у Пруссии, взаимодействуя с Фридрихом Великим, задумавшим план по уничтожению церкви [3, р. 49-50, 76-77]. Разрушение христианства во всех странах Европы началось с преследований иезуитов [3, р. 82].

Антимасонские сочинения европейских авторов взбудоражили Америку, в общественном мнении которой усилились опасения деструктивного влияния на страну «иллюминатизированного масонства», якобы угрожавшего светскому государству и традиционной религии [3, р. 244-253; 19, р. 272]. Масоны безуспешно пытались противодействовать изданию книг о заговорах, задействовав подконтрольную или сочувствующую им прессу, в которой публиковались критические высказывания об авторах и содержании подобных сочинений. Острая борьба между политическими партиями федералистами и антифедералистами, сторонниками и противниками тайного ордена в форме газетной пропаганды и контрпропаганды периодической печати штатов Новой Англии в 1798-1799 гг. [18, р. 128, 200].

В 1798-1799 гг. с разоблачениями выступил сторонник федералистов конгрегационистский священник, известный ученый, основатель американской географической науки доктор Джедедия Морзе (1761-1826) из Чарльстона (Массачусетс). Морзе, отец знаменитого изобретателя телеграфа, написал серию статей и писем, а также произнес и опубликовал четыре проповеди. В них он указал на «серьезную опасность иллюминатства» для молодой республики, быстрый рост его враждебного влияния в стране, особенно в восточных штатах [26; 39, р. 229-238]. В проповедях Морзе рекомендовалось внимательное прочтение работы Робисона [20, р. 74-79, 190; 39, р. 241-243]. Эти заявления нанесли «великую обиду» тайному братству, которое начало мстить, используя «клевету» и «оскорбления». По мнению антимасонов, преследования в конечном итоге и свели Морзе в могилу.

Другие федералисты опасались, прежде всего, влияния «спекулятивных принципов», «ложных доктрин», «ниспровергающих христианство и мораль», на молодежь. Федералистские газеты искали иллюминатов и находили их в Якобинском клубе в Париже, в тайной революционной организации «Объединенные ирландцы» и в «профранцузской партии» в Америке. С их страниц звучали призывы к американским гражданам противостоять ирландским революционерам и превратить Соединенные Штаты в своеобразный бастион против политического экстремизма, де-факто солидаризировавшись с Англией. Некоторые журналисты прямо отождествляли «Объединенных ирландцев», ведших в 1790-е гг. вооруженную борьбу с британцами, и «партию франкофилов» (т.е. антифедералистов-джефферсоновцев), считая их неким единым целым [39, р. 272]. Происходило это в условиях возникновения и обострения конфликта с Францией, с которой едва не началась война.

лизма, «вражды к свободе», и оказались под духовным контролем иллюминатов. «Церковно-политические общества» вынашивали идеи распространения влияния на правительство, клерикализации общества, слияния государства и церкви. Истинной целью этих людей, по мнению антифедералистов, было завоевание власти. Тогда наступит ситуация, при которой «деньги и свободы всех граждан лягут к ногам колледжей и иллюминатских клубов» [39, р. 348-353].

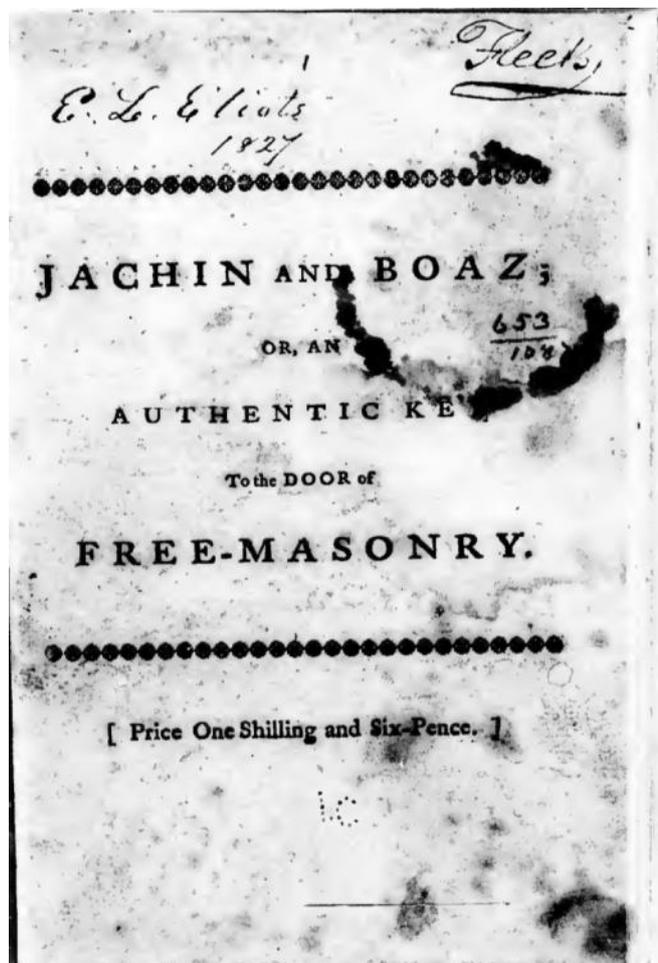

Рис. 2. Обложка оригинального лондонского издания 1762 г. книги «Яхин и Боаз». Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 12.06.2021). В свободном доступе.

LE VOILE LEVÉ
POUR LES CURIEUX,

OU
LE SECRET
DE LA RÉVOLUTION DE FRANCE
RÉVÉLÉ, A L'AIDE DE LA FRANC-MACONNERIE.

Nouvelle Édition.

PARIS, chez CRAPART, Place S. Michel.

1792.

Рис. 3. Антимасонская книга Ж.-Ф. Лефранса (парижское издание 1792 г.). Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 12.06.2021). В свободном доступе.

В 1826 г. в Соединенных Штатах возникло новое мощное антимасонское движение, быстро превратившееся в национальную политическую партию и оказывавшие значительное влияние на общественные процессы вплоть до начала 1840-х гг. Было проведено множество антимасонских конвентов на локальном, региональном и национальном уровнях. Поводом к возникновению протестного движения стало «дело капитана Уильяма Моргана», с высокой долей вероятности похищенного и убитого масонами в сентябре 1826 г. У. Морган (около 1774-1826), длительное время являвшийся членом масонской организации, решил опубликовать книгу «Иллюстрации (пояснение) масонства одним из братства, посвятившего 30 лет предмету»[31]. В ней он описывал тайные ритуалы и обряды ордена, что не понравилось влиятельным членам секретного союза. Похищение и убийство Моргана привело к возникнове-

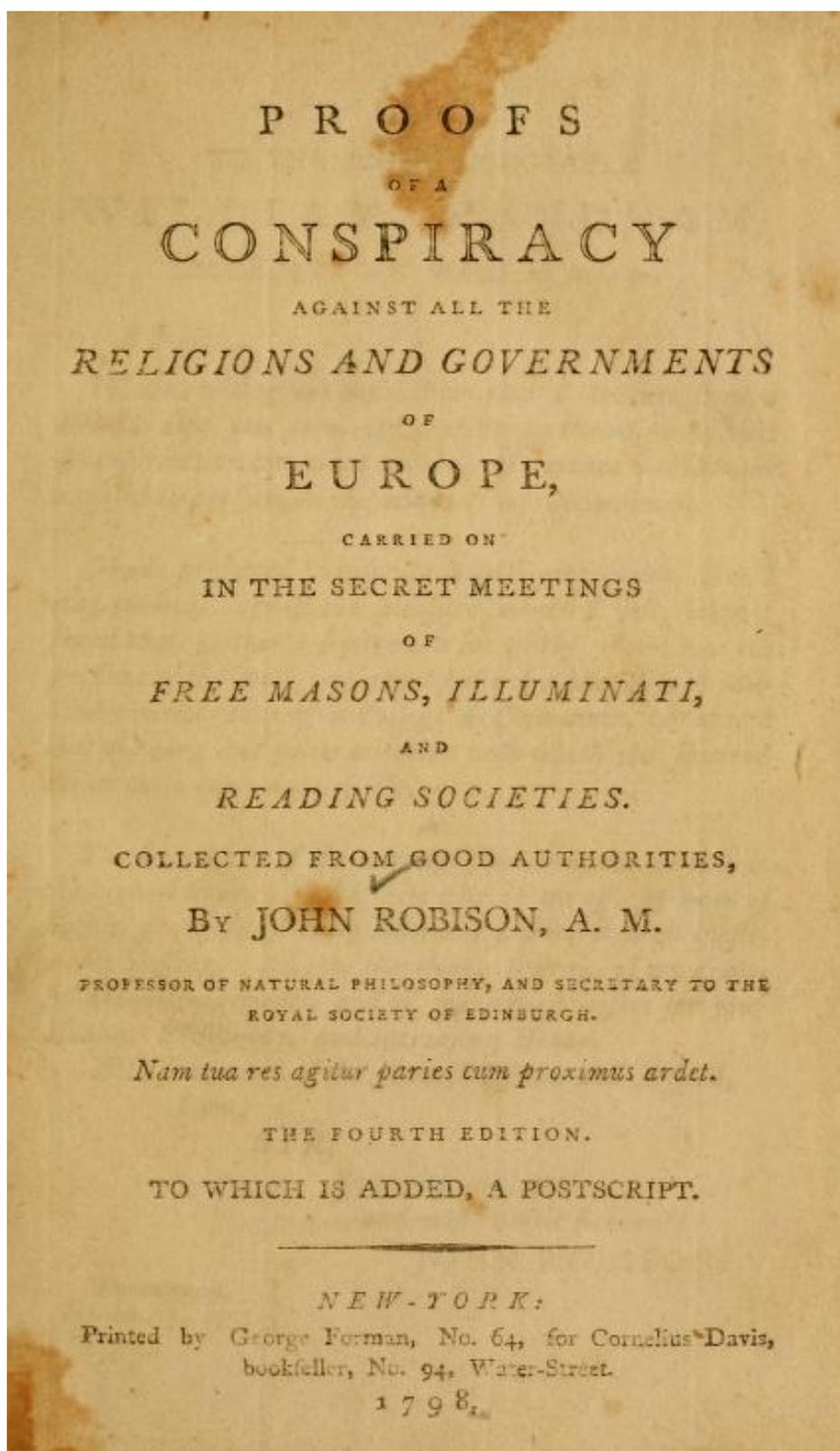

Рис. 4. Американское издание сочинения Дж. Робисона (Нью-Йорк, Филадельфия, 1798 г.), посвященного разоблачению всемирного масонского заговора.

Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 12.06.2021). В свободном доступе.

MEMOIRS,
ILLUSTRATING THE
HISTORY OF JACOBINISM.

A TRANSLATION FROM THE FRENCH OF
THE ABBE BARRUEL.

PART I.—VOL. I.
THE ANTICHRISTIAN CONSPIRACY.

HARTFORD:

PRINTED BY HUDSON & GOODWIN FOR CORNELIUS DAVIS,
No. 94, WATER-STREET, NEW-YORK.

1799.

Рис. 5. Одно из первых американских изданий труда аббата Баррюэля «Мемуары по истории якобинизма» (Хартфорд, 1799. Ч. I. Т. I.).

Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 12.06.2021). В свободном доступе.

нию Антимасонской политической партии, проявлявшей наибольшую активность в 1828-1838 гг. К концу 1840 г. основная часть антимасонов слилась с партией вигов, полностью растворившись в их рядах. Но сохранившиеся самостоятельные антимасонские группы на локальном уровне некоторое время существовали еще в начале 1840-х гг. Антимасоны внесли весомый вклад в американскую политическую культуру, в формирование партийно-политической системы США. С ними связано проведение первого национального конвента с участием делегатов от штатов. Идейными наследником Антимасонской партии стала Национальная христианская ассоциация, действовавшая в 1872-1888 гг. В сентябре 1882 г. (в годовщину убийства) возродившееся антимасонское движение установило монумент на предполагаемой могиле Моргана в штате Нью-Йорк.

В 1820–1830-е гг. антимасоны издавали почти 150 периодических изданий в 15 штатах. Они активно вели пропаганду своих идей, выступали с лекциями по стране, разоблачая «антиреспубликанский, монархический дух ордена». На страницах антимасонской прессы широко освещалась борьба с «масонской империей» или «властью масонства», содержались сведения о «заговорах» представителей высших степеней ордена, в которые не были посвящены рядовые члены братства. Анализировались учение франкмасонов, их книги и символика, источниками которой считали иудаизм и язычество. Журналисты и публицисты осуждали «аморальное», «преступное сообщество вольных каменщиков», которые с помощью коррупции, подкупа и тайных связей контролировали властные структуры, влияли на политику государственных институтов [10; 12; 14]. Газеты сообщали о судебных исках против представителей тайной организации, которые пытались возбудить противники ордена. Но, как правило, подобные дела заканчивались безрезультатно, поскольку, по общему мнению, франкмасоны препятствовали правосудию. Пенсильванская газета «Антимасонская звезда», издававшаяся в 1830-1831 гг., указывала, что «великое множество» масонов были чиновниками, судебными работниками, присяжными заседателями и свидетелями, что давало им «огромное преимущество» и наносило «серьезный ущерб стороне обвинения в процессе разбирательства» [9; 11; 13].

Удивительно, но отдельная антимасонская фракция в нижней палате Конгресса, возникнув в 1829 г., сумела продержаться до 1841 г. включительно. В 21-й Конгресс (1829-1831 гг.) смогли первоначально попасть 4 антимасона. К концу второй сессии их число увеличилось до 6 (2,8% состава нижней палаты). В 1831 г. в Конгресс были избраны уже 16 антимасонов. Наибольшего количества членов группа антимасонов насчитывала в период деятельности 22-го и 23-го Конгрессов (1831-1835 гг.). Она достигла 25-27 чел. (10,9% палаты представителей). Но антимасоны не играли самостоятельной роли в Конгрессе. В конечном итоге они примкнули к парламентской фракции национальных республиканцев – будущих вигов.

Антимасоны уверяли, что «франкмасонство представляет собой независимую, хорошо организованную, сплоченную, самоуправляющуюся структуру», насчитывавшую 100 тыс. чел. в США. «Истина, патриотизм, добродетели и моральные принципы... находятся на одной стороне, а кровавые преступления, ложь и обольщение ... – на другой» [8, р. 17-18]. Франкмасоны «приходят подобно волкам в овечьих шкурах», чтобы бороться с религией [4, р. 39]. «Отцы должны защитить права детей от посягательств тайных обществ». «Ошибочно полагать, что масонство отомрет само собой». Секретные союзы будут «из поколения в поколение вербовать наших детей» [8, р. 62]. Враждебное отношение жителей северных штатов вызывала и масонская идеология космополитизма. Деление «вольными каменщиками» людей на «профанов» и «избранных» свидетельствовало, по мнению критиков, о приверженности последних, говоря современным языком, идеям социального расизма. Среди обывателей, принадлежавших в массе к евангелическим церквям, распространялись слухи о «заговоре масонов», об их махинациях, кознях и кровожадности. Говорили о доминировании «братьев» в «коррупцированных» государственных структурах, о желании полностью захватить политическую власть в «протестантской республике».

Антимасоны считали братство «антиреспубликанской», «всесильной» организацией, контролировавшей местные администрации и федеральное правительство. В нем видели «угрозу правам и свободам» граждан. Партия требовала изгнания из государственного аппарата всех чиновников-масонов вплоть до президента США. Антимасоны отказывались голосовать за кандидатов-масонов на выборах всех уровней. Они настаивали на принятии законов против тайных обществ, а также на запрещении масонских клятв и принесении присяги вне судебных учреждений. Масоны обвинялись в создании «нового нобилитета», отстаива-

нии монархического принципа правления и учреждении тайной тирании в стране [22, р. 238-239; 35, р. 5-7; 36; 37; 42; 43].

На президентских и муниципальных выборах в ноябре 1828 г. антимасоны блокировались с «людьми Адамса» – национальными республиканцами. 6 марта 1828 г. прошел нью-йоркский антимасонский предвыборный конвент в Ле Рое (графство Дженеси), выдвинувший кандидата во власть. На нем были представлены 12 западных графств [34, р. 58-59]. Данное политическое собрание следует считать первым в истории региональным конвентом антимасонов, свидетельствовавшим об окончательном образовании в штате самостоятельной партии. В дополнение к нему 4-5 июля в том же городе состоялся конвент масонов, вышедших из ордена. Конвенты выдвинули стандартные обвинения против ордена, утверждая, что франкмасоны «претендуют на право судить и распоряжаться жизнями граждан республики», «скрывают преступления», «представляют опасность для правительства», угрожают нравственности людей, собственности, «разрушают принципы равенства», «оскорбляют религию и таинства Евангелия» путем принесения «нечестивых клятв», «хулят Всевышнего» [15, р. 48-63, Р. 88-91] и т.п.

Движение противников «вольных каменщиков» переживало в 1826-1836 гг. период наивысшего подъема и претендовало на положение второй партии в складывавшейся новой американской двухпартийной системе. На партийных съездах заслушивались доклады об истории, сущности, учении, обрядах и ритуалах франкмасонства. Вообще обсуждению этого предмета с привлечением мнения ученых-экспертов уделялась львиная доля времени. В частности, отдельно разбиралась вышедшая в 1829 г. фундаментальная почти шестистраничная работа «Свет на масонство» [16], где детально описывались разряды и церемонии братства.

Поскольку дебаты и дискуссии на антимасонских конвентах в США велись в основном вокруг отдельных компонентов учения и деятельности оккультно-мистического ордена и деталей похищения Моргана, то они содержат мало ценной информации, раскрывающей политические позиции партии [43, р. 85-135]. Докладчики отмечали, что истоки философии и практики «вольных каменщиков» следует искать в обществах розенкрейцеров и алхимиков, существовавших в Англии в период 1646-1692 гг. Первые упоминания о франкмасонах и масонских эзотерических тайнах содержатся в книгах, изданных между 1666 г. и 1696 г. Официальное учреждение ордена «четырьмя ложами юга Англии», как известно, произошло 24 июня 1717 г. В Северной Америке масонские ложи появились в Бостоне в 1733 г. и в Чарльстоне – столице Южной Каролины в 1736 г. В итоге в каждом штате возникла своя независимая Великая Ложа. В 1822 г. «братьями» была предпринята неудачная попытка сформировать единую федеральную (общенациональную) Великую Ложу. В этом же году масоны якобы составили политический заговор с целью установления «покровительства» над американским правительством. В 1829 г. Великая Ложа Теннесси «тщетно» пыталась возобновить усилия по объединению всех масонских организаций [43, р. 33-34, 39-40, 54-55, 73].

Ораторы на съездах противников ордена указывали, что антимасонские выступления имели место уже на ранней стадии активности «вольных каменщиков». Во многих странах Европы орден неоднократно запрещался. Уже в 1730 г. впервые были раскрыты и опубликованы секреты тайного братства лондонцем Сэмюэлем Причардом. Повсеместно издавались многочисленные памфлеты, газеты, журналы и книги, направленные против секретных обществ. В конце XVIII в. появились знаменитые работы профессора Робисона и аббата Баррюэля, «открывшие глаза многим на существующих врагов и опасности». В 1798-1799 гг. британский парламент принял закон, запрещавший ложам королевства иметь более трех степеней посвящения, а также одобрил статут против приведения к присяге во внесудебном порядке. В этот же период имела место и первая сильная антимасонская кампания в США. Свя-

зана она была с публикацией книг Баррюэля и Робисона. Американские масоны, в свою очередь, развернули кампанию в подконтрольной прессе, направленную на дискредитацию авторов и издателей книг, обращенных против братства [43, р. 34, 65-68].

Антимасонские конвенты констатировали, что секретные общества, «действующие за закрытыми дверями», особенно превышающие по численности 100 тыс. членов, представляют потенциальную «тиранию», «угрозу свободе нации». «Гражданин Соединенных Штатов, преклоняющий колени перед масонским алтарем, ... не может одновременно быть субъектом свободной республики и участником тайной деспотической империи» [43, р. 118]. Антимасонов вдохновлял пример «патриотизма героев 1776 г.». Свой электорат, социально-классовую базу партии они определяли следующим образом: «механики и фермеры», «слои общества со средними и скромными доходами» (the middling and unambitious classes of society) [43, р. 41]. Нечто подобное, впрочем, в отношении своих сторонников говорили и джексонские демократы, и виги. По мнению антимасонов, высказанному на конвентах, франкмасонство «ведет к духовному рабству» («разум человека становится несвободным»). Крайне неблагоприятно мистическое учение воздействует на верующих христиан [43, р. 79-83]. Мыслям о том, что франкмасонство, «пролившее кровь Моргана», является источником разного рода «преступлений, злодеяний и опасностей» было посвящено и большое двадцатистраничное обращение к народу Соединенных Штатов в 1830 г. «Вольные каменщики» должны быть изгнаны из органов исполнительной власти, из правоохранительной системы, а их орден в перспективе необходимо запретить [43, р. 78, 84, 143-164].

Волна протеста в конце 1820-х – начале 1830-х гг. привела к тому, что франкмасонской организации в Америке угрожал полный запрет. Демонизацию масонов следует рассматривать через призму американского евангелизма, протестантского фундаментализма, сильного пуританского религиозного влияния на идеологию и культурную жизнь. Для понимания мышления и глубинных пластов психологии антимасонов чрезвычайный интерес имеют документы христианских собраний. В них утверждалось, что масоны якобы угрожали нравственным качествам общества и могли уничтожить «дух демократии». В ранних антимасонских трактатах часто встречались понятия: «тьма», «тайна», «дьявол» и «свет». Секретные общества рассматривались как агенты «князя тьмы», «дьявольские силы», связывались с «завесой тайны», «тьмой», на которую следовало «пролить свет». Журналисты распространяли антимасонские настроения, которые накладывались на неясные подозрения, сомнения, страхи, ощущение надвигающейся опасности обывателей и способствовали повышению уровня агрессии в обществе. В то же время, несмотря на агрессивную риторику в отношении секретного братства, его членов и угрозы возможных нападений, антимасоны так и не перешли к крайним и противозаконным действиям.

Одним из ярких лидеров и выдающимся идеологом антимасонского движения в начале 1830-х гг. являлся бывший президент США Джон Куинси Адамс (1767-1848). «Древо еще не начало по-настоящему плодоносить. Случилась трагедия Моргана и вот уже более трех лет мы наблюдаем безнаказанность злоумышленников, нарушение законов или пренебрежение ими, укрывательство, сокрытие следов криминальных деяний: неведом список связанных с убийствами масонских преступлений – мы и сейчас не знаем о них ничего» [7, р. 3]. Адамс настаивал на необходимости организованно и централизованно вести борьбу не с отдельными людьми, а с орденом в целом [2, с. 274-280]. В противном случае складывалось бы впечатление, что «вольным каменщикам» противостоят какие-то недовольные ими граждане, и масоны смогли бы тогда ускользнуть от ответственности [6, р. 6-10, 29-33; 5, р. 35-36; 40].

Большой интерес для понимания настроений, царивших среди оппонентов секретного братства, представляют выступления участников антимасонских конвентов. «Позвольте

предположить, что часть членов этого (масонского) общества... с помощью определенных знаков, известных только им..., но совершенно неизвестных остальным, составила заговор против свободы нашего народа и жизни людей, занимается разрушительной деятельностью, нарушая установленные ими же самими правила» [8, р. 75]. «Масонство возникло в Европе во времена, наполненные варварством», в эпоху «невежества и тирании», «помпезности и мистичизма» [8, р. 76]. «Священная империя масонерии была учреждена королем ... Пруссии Фридрихом и его сообщниками-безбожниками». Весь мир оказался разделен на отдельные масонские провинции, «управляемые Суверенными Великими Генеральными Инспекторами, количество которых не должно было превышать девяти». «Они назначаются пожизненно и имеют право определять своих преемников, являясь настоящими повелителями масонства» [8, р. 18].

На антимасонских собраниях и съездах ораторами постоянно подчеркивалась связь политического курса партии с христианской религией, моралью и церковью. Приведем пример подобного высказывания: «С мнение конвента согласны многие священники и рядовые члены христианской церкви, а также почти все религиозные деноминации, включая Методистскую епископальную церковь и Общество друзей (квакеров), (уже давно) освободившихся от масонов» [8, р. 63]. «Исключительные привилегии масонов, их клятвы приводят к конфликту с их долгом как граждан и христиан» [8, р. 76]. «Банда заговорщиков убила гражданина», совершив «преступление общественной значимости» [8, р. 77]. «Кровь Моргана была пролита не под предлогом, что им были нарушены законы страны, и без малейших намеков на преступные намерения с его стороны в отношении тех, кто на него напал». «Перед тем, как забрать жизнь Моргана, убийцы долго и усердно обдумывали деяние, руководствуясь своими масонскими обязательствами» [27; 43, р. 149].

Нельзя не согласиться с американским историком Ричардом Хофстедтером в оценке антимасонства. По его мнению, оно представляло собой спонтанное и в значительной мере иррациональное народное движение протеста против необоснованных привилегий и злоупотреблений политической элиты [23, р. 18-20]. В то же время, следует иметь в виду, что антимасонство было сложным явлением; важен социокультурный фон, на котором происходило протестное движение. В нем отразились не только борьба бедных и обиженных против богатых и влиятельных, неприятие средним классом крупных финансистов, но также и традиционное противостояние сельской глубинки и больших городов.

Велика была и религиозная составляющая в антимасонстве, проявившаяся в выступлениях консервативных христиан. Справедливо даже говорить о противостоянии набожного, глубоко верующего сельского населения (особенно в Нью-Йорке и Новой Англии) горожанам, воплощавшим «дух либерализма». Уже на Первом партийном конвенте в 1830 г. специальным комитетом был составлен доклад о влиянии принципов франкмасонства на христианскую религию. В защиту веры неоднократно выступали местные антимасонские конвенты и газеты. Выпускались листовки и карикатуры, изображавшие орден в виде пирамиды или многоголовой гидры [21, р. 10]. Издавались и осуждавшие «вольное каменничество» с позиций религии книги. Примером может служить сборник документов, писем, докладов, подготовленный Антимасонским комитетом Массачусетса в 1830 г. В нем весомую часть материалов составляли наполненные предрассудками разоблачения светских деятелей и обличительные проповеди священников, осуждавших «иллюминатство» и утверждавших «истину христианства» [33, р. 43-75, 113-121, 147-154]. Неслучайно антимасоны считаются первой в американской истории политической партией, ориентировавшейся на принципы религиозной морали. Современники событий часто прямо называли ее «христианской партией» и опасались, что в случае прихода последней к власти произойдет несанкционированное Конституцией объединение, слияние государства и церкви [29, р. 541-542].

Авторы сборника 1830 г. уверяли читателей в том, что «масонство ведет прямо к неверию». «Масонство и иллюминатство взаимно проникают друг в друга». «Иллюминатизм ... один, но его форм много. Иллюминатизм – это популярное название для философии неверия, охватывающей все подобные доктрины и их разновидности, начиная от деизма и заканчивая скептицизмом и полным атеизмом». «Иллюминатизм может носить разные названия: «Общество карбонариев» в Германии, «Объединенные ирландцы», «философия», «разум», «свобода и равенство» или «безбожие»» [33, р. 43].

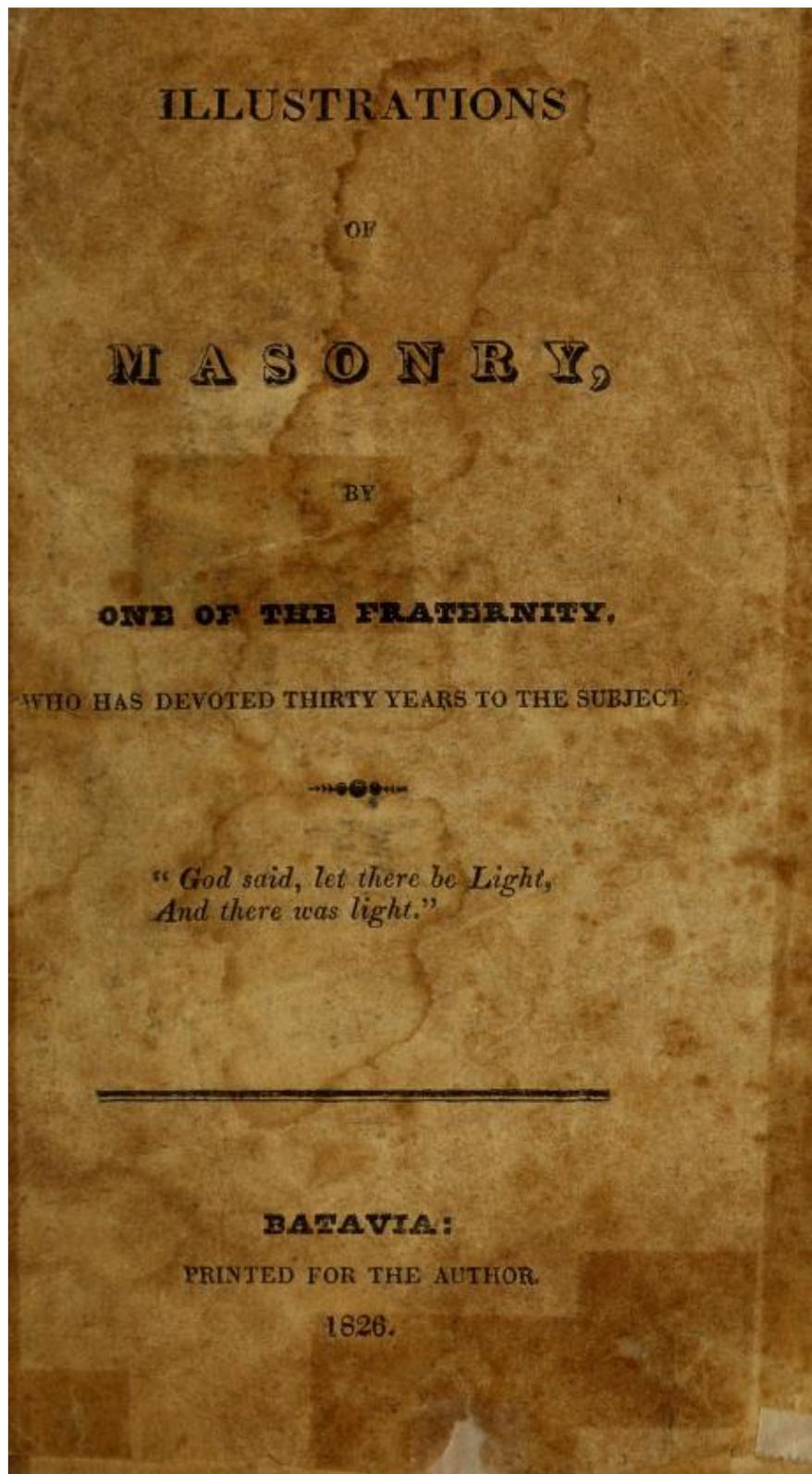
«Вопрос огромной значимости, который сейчас тревожит общественное мнение: какова природа масонских обязательств? Действительно ли те, кто принял на себя эти обязательства, готовы ... взять жизнь какого-либо человека или людей, которых могут посчитать нарушившими эти тайные законы?». «...Многочисленные факты, подтвержденные доказательствами в судебных заседаниях, свидетельствуют о том, что свободные граждане Соединенных Штатов были не только похищены и убиты масонами, но и то, что данные чудовищные операции были разработаны и осуществлены масонскими органами. ... Ложи, капитулы и рыцарские станы укрывали убийц и способствовали их бегству ... настолько, насколько это было возможно» [33, р. 115].

Слухи и домыслы наполняли публицистику: «У меня есть доказательства того, что Уильям Морган не был первой жертвой мести масонов. Я получил информацию не менее чем от трех разных людей (все они – масоны) о том, что несколько лет назад было совершено тайное убийство по приказу Великой Ложы соседнего штата. В беседах с высокопоставленными масонами я никогда не слышал ни от одного из них ни малейшего сожаления о смерти Моргана, но жалели они лишь о том, что убийство было осуществлено менее секретно (чем в других случаях). Один из высших иерархов ордена недавно сказал моим братьям по служению, что не сомневается в том, что Морган был обречен на смерть и согласно масонским принципам он должен был умереть. С учетом подобных фактов можно ли избавиться от ощущения, что масонство – это институт, построенный на крови?» [33, р. 116-117].

Франкмасонство стремится уничтожить свободу, поскольку «прививает принципы деспотической власти и рабского подчинения». «Оно знакомит сограждан с исключительными притязаниями отвратительной аристократии, с тщеславием и напыщенностью высокомерной знати. Демократия не может сосуществовать с франкмасонством. Одно должно неизбежно разрушить другое». «Опасность франкмасонства усиливается из-за его зарубежных связей. Само оно имеет полностью иностранное происхождение. Все новые степени с многочисленными незаконными обязательствами и грозными наказаниями есть сугубо заграничное изобретение».

«Вся наша территория разделена на части и в каждом округе сформированы первичные ячейки», которые в совокупности образуют «конфедерацию», являющуюся частью мировой «империи», управляемой «из-за границы». «Под покровом ночи тайно проходят собрания в городах, графствах, штатах и на уровне Союза». «Институт ... получает указания от иностранного руководства». «В Европе за ним тянется шельф бесчисленных преступлений». С масонами связывают «мрачные заговоры, измену, козни и интриги, нацеленные против правительства, религии и гражданского общества». «Иностранное учреждение, несовместимое с нашими свободами», угрожает Америке. С ним необходимо вести борьбу, используя возможности «свободной прессы» и создав широкую коалицию республиканцев [33, р. 224-225].

Помимо церковных групп к Антимасонской партии примкнула также часть сторонников трезвости, националистов-ультрапротестантов и аболиционистов. Многие газеты трезвенного движения полагали, что «вольные каменщики» содействовали алкоголизации общества, употребляя вино не только в дружеских застольях (так называемые «агапы» или «столо-

Рис. 6. Первое оригинальное издание знаменитой книги У. Моргана «Иллюстрации (пояснение) ма- сонства одним из братства, посвятившего 30 лет предмету» (Батавия, штат Нью-Йорк, 1826 г.). Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 12.06.2021). В свободном доступе.

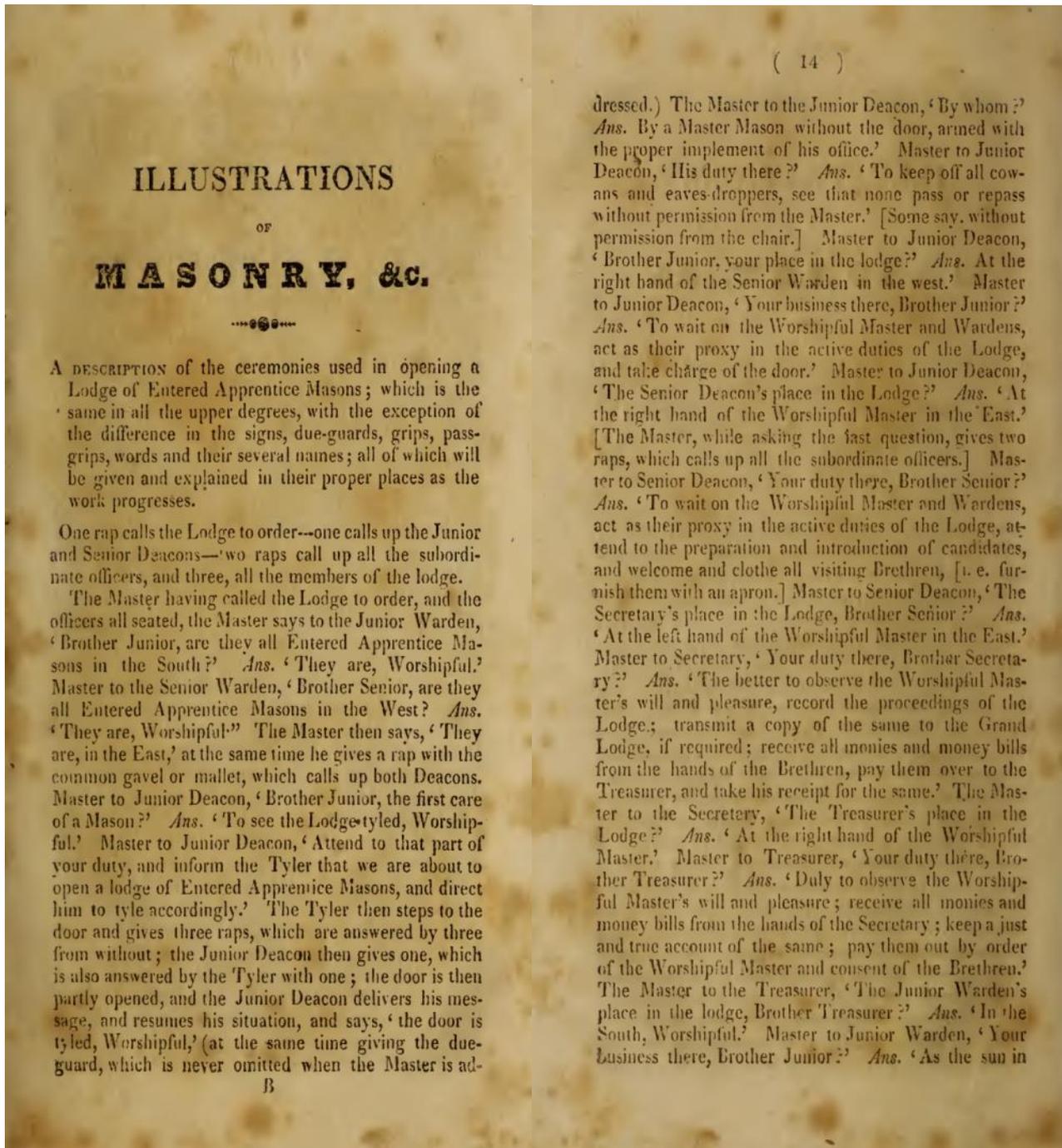
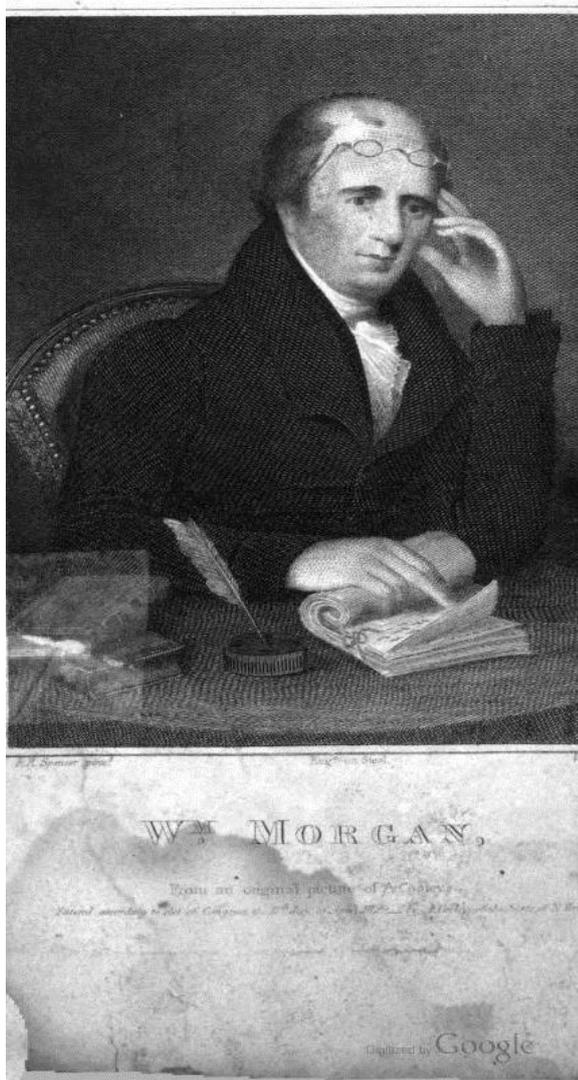

Рис. 7. Страницы из книги Моргана.

Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 12.06.2021). В свободном доступе.

вые ложи»), но и во время массовых мероприятий, масонских фестивалей и празднеств. Кроме того, известно было также, что первые франкмасонские храмы создавались в арендованных отдельных комнатах общественных таверн. Американские националисты – будущие

Рис. 8. Портрет предположительно погибшего от рук масонов У. Морган из книги Д. Бернарда «Свет на масонство» (Ютика, штат Нью-Йорк, 1829).

Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 12.06.2021). В свободном доступе.

нативисты отмечали увеличение популярности джексоновцев среди быстро возраставшего иммигрантского населения, преимущественно римско-католического по вероисповеданию. Это заставляло предполагать о наличии тайной взаимосвязи между «папством, франкмасонством, католицизмом, монахами и инквизицией» [29, р. 544]. Что же касается присоединения к антимасонскому движению аболиционистов, то оно было обусловлено исторически сложившимся широким распространением антирабовладельческих настроений в западной части штата Нью-Йорк, в Новой Англии и Пенсильвании.

Несмотря на то, что антимасоны сотрудничали с «людьми Адамса» на выборах, к 1831 г. в отдельных регионах они потеснили национальных республиканцев, став главными оппонентами демократов. Обе партии заявляли о приверженности принципам республиканизма и демократии. При этом различия между антиджексонистами - национальными республиканцами и противниками масонов лежали преимущественно в моральной плоскости. Антимасоны заявляли о себе как об организации, ориентированной на христианские (протестантские) ценности, а иногда даже как о противнице рабовладения и стороннице трезвости. В партии имелись и сильные антикатолические группировки во главе с Миллардом Филлмором. Наличие последних отталкивало избирателей – ирландцев и иммигрантов, голосовавших за Демократическую партию – защитницу прав этноконфессиональных меньшинств. Национальных республиканцев отличал, прежде всего, акцент на обстоятельной экономической программе, противоположной джексоновскому курсу.

Антимасоны выдвинули в президенты на кон-венте в декабре 1831 г. в Балтиморе известного политика вирджинца Уильяма Вирта (1772-1834), а в вице-президенты – пенсильванца Амоса Эллмейкера (1787-1851). Вирт, профессиональный юрист, занимал пост генерального атторнея (прокурора) Соединенных Штатов в 1817-1829 гг. Он отличался высоким моральным обликом, приверженностью республиканским ценностям и передовыми для своего времени демократическими взглядами [17]. Вирт отстаивал право голоса для женщин и выступал за улучшение условий жизни трудящихся. Политический деятель (в прошлом масон) даже заявлял, что франкмасоны не виноваты в социальных проблемах и не являются врагами американской демократии. Вирт напомнил конвенту, что многие выдающиеся вирджинцы, включая генерала Вашингтона, были членами тайного братства. Он уверял, что участие в работе ложи нисколько не противоречило нравственным качествам человека, патрио-

LIGHT ON MASONRY:

A COLLECTION OF ALL THE
MOST IMPORTANT DOCUMENTS
ON THE SUBJECT OF

SPECULATIVE FREE MASONRY:

EMBRACING

THE REPORTS OF THE WESTERN COMMITTEES

IN RELATION TO THE

ABDUCTION OF WILLIAM MORGAN,

PROCEEDINGS OF CONVENTIONS, ORATIONS, ESSAYS, &c. &c.

WITH

ALL THE DEGREES OF THE ORDER CONFERRED IN A MASTER'S LODGE.

As written by Captain William Morgan.

ALL THE DEGREES CONFERRED IN THE ROYAL ARCH CHAPTER

AND GRAND ENCAMPMENT OF KNIGHTS TEMPLARS,

WITH THE APPENDANT ORDERS,

As published by the Convention of Seceding Masons, held at Le Roy, July 4 and 5, 1826.

ALSO,

A REVELATION

OF

All the Degrees conferred in the Lodge of Perfection.

AND

FIFTEEN DEGREES OF A STILL HIGHER ORDER,

WITH

SEVEN FRENCH DEGREES:

MAKING

FORTY-EIGHT DEGREES OF FREE MASONRY

With Notes and Critical Remarks.

BY ELDER DAVID BERNARD,

OF WARSAW, GENESEE CO. N. Y.

Once an Intimate Secretary in the Lodge of Perfection; and Secretary of the Convention
of Seceding Masons, held at Le Roy, July 4 and 5, 1826.

"For there is nothing covered that shall not be revealed, and hid that shall not be known."

"And what ye hear in the ear that preach ye upon the house tops." Jesus Christ.

UTICA,

WILLIAM WILLIAMS, PRINTER, GENESEE STREET.

1829.

Рис. 9. Страницы из книги Д. Бернарда.

Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 12.06.2021). Свободный доступ.

Рис. 10. Памятник Моргану. Батавия, штат Нью-Йорк. 1882 г. Современная фотография.
Источник: Morgan Monument. Batavia, New York. A towering cemetery monument honors a man who threatened to expose the Freemasons and paid with his life. URL: <https://www.atlasobscura.com/places/morgan-monument> (время доступа: 10.06.2021 г.).

тизму и религиозным убеждениям, поскольку масонство, по его мнению, «не более чем социальный благотворительный клуб». Отношения между «братьями» всегда отличались дружелюбием. В то же время, Вирт обращал внимание на волнения по «делу Моргана» в север-

Рис. 11. Антимасонские сочинения и документы американских антимасонских конвентов, издававшиеся в США в 1830–1840-е гг. Источник: Internet Archive. URL: <https://archive.org/> (время доступа: 20.06.2021). Свободный доступ.

ных и восточных штатах. Возможно, в течение тех тридцати лет, что он не принимал участия в деятельности лож, все-таки произошли негативные изменения в ордене. Кандидат антимасонов настаивал на тщательном расследовании деятельности тайной организации. Для блага страны главное, чтобы «восторжествовал принцип верховенства законов» [32].

Балтиморский конвент имел огромное значение для развития политической системы США. Впервые в 1831 г. претендент был избран на общеамериканской партийной конференции, а не предложен узким кругом конгрессменов – членов партии (кокусом) [30, р. 105-108]. Вскоре национальные республиканцы и Демократическая партия последовали этому примеру и также провели выдвижение кандидатов на национальных конвентах. Антимасонский конвент, однако, не принял ясную партийную программу. В одобренном им просторном «Послании народу Соединенных Штатов» обосновывались собственные отрицательные взгляды на тайный орден и содержались обычные обвинения масонов в «преступлениях», заговорщической деятельности, похищении Моргана [43, р. 68-88] и т.п. Методами борьбы провозглашались: объявление вне закона, голосование на выборах за антимасонских кандидатов, бойкот, изгнание из органов власти, ограничение деятельности масонов с помощью законов.

Существовали культурные различия между религиозными и светскими антимасонами. Со временем светская культура в антимасонстве стала определяющей, но сохранились консервативно-христианские ценности (моральные принципы, трезвость и т.п.). Если составлять портрет типичного антимасона, то придется признать, что это будет не один, а два отличающихся образа. Характерным представителем антимасонской «верхушки» можно признать Уида, проделавшего путь от радикального провинциального журналиста до уважаемого политика федерального уровня. К этой же категории светских людей и в дальнейшем получивших большую известность политических деятелей, по разным причинам поддержавших движение или начинавших делать на нем карьеру, следует отнести Сьюарда, Стивенса, Филлмора, Вирта. Они стремились разоблачать масонство интеллектуальными методами, на основе рациональных построений, разрабатывали политическую программу. Но и они не гнушались использовать нечестные методы, даже подлог во имя благородных, как им казалось, целей. История с телом Моргана, подлинность которого невозможно было установить, является наиболее ярким, показательным примером их пропагандистской деятельности. Тесно связанные с рядовыми обывателями, обычными гражданами, обладая во многом схожей с ними психологией, особенностями мышления и культурной парадигмой, они оказались во власти народной стихии и поддерживали, а то и сами иногда выдвигали самые невероятные, чудовищные обвинения в адрес франкмасонов.

Голос рядовой массы противников «вольных каменщиков» был менее слышан, но и он прорывался через сообщения в газетах, листовки и памфлетные публикации. Низы общества, средние слои, консервативные христиане с их социальной неудовлетворенностью и скрытой агрессией в отношении элиты и иных, не таких, как они сами, сделались питательной средой для радикализма и экстремизма. Их отличали ксенофобские настроения, иррациональные страхи перед заговорами, подозрительность к тайным обществам, фантазии о ритуальных убийствах. Подобно иным протестующим, самые немыслимые предположения и домыслы, стремление к митинговой активности и крайним мерам, были характерны и для значительной части антимасонов.

Справедливо определить политическое кредо Антимасонской партии, ее главные идеи, используя понятия: «протестные настроения», «недовольство верхами общества», «вера в реальность заговоров тайных обществ», «социальный консерватизм» и «экономический национализм», противоположный фритредерству и близкий к взглядам Клея. Антимасоны являлись важным элементом в сформировавшейся в 1833-1836 гг. организации вигов, на базе которой впоследствии была учреждена Республиканская партия, возглавлявшаяся А. Линкольном. При этом антирабовладельческая «группа Уида - Сьюарда - Стивенса», являвшаяся «сознательными вигами», стала радикальным крылом республиканцев.

Антимасонство начиналось как «нравственное движение», морально-этический, социальный и неполитический протест. Возмущение в обществе вызвал факт убийства, попытки его сокрытия, подозрения в возможных иных преступных деяниях тайного союза и исходящая от масонов коррупция во властных структурах. К возмущенной общественности присоединили свои голоса христиане-ривайвалисты, которые уже давно критиковали орден, основываясь на религиозно-идеологических соображениях. Журналисты подхватили иррациональные страхи, тревожность, раздули ощущение не вполне ясных угроз, разлитое в народе, значительно усилив протестную волну. К антимасонам примкнули некоторые представители элиты, присоединились профессиональные политики и известные юристы вроде Уильяма Сьюарда, с которым Уид познакомился в законодательном собрании штата. Позднее в систему взглядов антимасонов были добавлены идеи европейских консервативных мыслителей, писателей и реакционных философов нового времени. Публицисты подхватили мысли интеллектуалов-конспирологов, которые вошли составным элементом в антимасонскую программу. Немаловажным, но не так четко проявлявшимся оставался и протест против привилегий богатых и влиятельных людей.

Быстрая политизация антимасонского движения привела к скорой трансформации его в традиционную для Америки того времени партию радикального толка, подобную ранним джефферсоновцам или джексоновцам. Сложилась и обычная для таких партий социальная база: на выборах ей оказывали поддержку мелкие фермеры, городские рабочие, ремесленники, лица интеллектуального труда. Антимасонство можно определить в целом как правую идеологию, но со значительным левым социальным уклоном (борьба за справедливость и подлинную демократию). Антимасоны со своим морализаторством оказались близки Федералистской партии и нативистам. Впоследствии их взгляды повлияли на вигизм. Справедливо также говорить о неприятии прагматичными рядовыми американцами малопонятных им отвлеченных масонских и просвещенческих идей. Большое значение в возникновении антимасонства имел фактор переходности исторической эпохи. Неслучайно новая Антимасонская партия появилась на стыке между периодом Гражданской войны и временем монополистического капитализма. Антимасоны не создали развитой политической идеологии, не разработали сложной идеологической концепции, которая бы включала основательные экономический и социальный компоненты. Они ограничились исключительно борьбой с тайным орденом, опираясь на изданные в XVIII – первой половине XIX вв. сочинения противников секретного союза.

Библиографический список

1. Бейли Ф. Дух масонства. М.: Литан, 1999. – 176 с.
2. Робинсон Дж. Масоны: Рожденные в крови. СПб.: Амфора, 2014. – 383 с.
3. *Abbé Augustin Barruel. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism, Written in French by the Abbé Barruel, and translated into English by the Hon. Robert Clifford, F.R.S. & A.S. "Princes and Nations shall disappear from the face of the Earth ... and this revolution shall be the work of secret societies". Weisshaupt's Discourse for the Mysteries. Second Edition, revised and corrected. In 4 parts. L., 1798-1799 (Barruel A. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme). Vol. I. Antichristian Conspiracy. – Vol. II. The Antimonarchical Conspiracy. – 389 p.*
4. A Brief Report of the Debates in the Anti-Masonic State Convention of the Commonwealth of Massachusetts, Held in Faneuil Hall, Boston, December 30, 31, 1829, and January 1, 1830. Boston: J. Marsh, 1830. – 48 p.
5. A collection of letters on freemasonry: In chronological order. John Canfield Spencer, Richard Rush, Henry Tatem. Boston: T.R. Marvin, 1849. – 103 p.
6. *Adams J.Q.* Letters and opinions of the Masonic institution. Cincinnati: L. Stratton, 1851. – 276 p.

7. *Adams J.Q.* Six Letters from John Quincy Adams to Edward Livingston, on Masonry. Philadelphia: C.T. Jones, 1833. – 32 p.
8. An abstract of the proceedings of the Antimasonic State Convention of Massachusetts, Held in Faneuil Hall, Boston, May 19-20, 1831.- Boston, 1831. – 78 p.
9. *Anti Masonic Star*. 1830. April 17.
10. *Anti Masonic Star*. 1830. April 30.
11. *Anti Masonic Star*. 1830. May 29.
12. *Anti Masonic Star*. 1830. June 5.
13. *Anti Masonic Star*. 1831. January 26.
14. *Anti Masonic Star*. 1831. February 16.
15. *Antimasonry: The Crusade and the Party*. American Historical Sources Series / Edited by L. Ratner. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1969. – 108 p.
16. *Bernard D.* Light on Masonry: a collection of all the most important documents on the subject of Speculative Free Masonry. Utica (N.Y.): William Williams, 1829 (reprint: 1993). – 588 p.
17. Bibliographical Notice of William Wirt // *American jurist and law magazine*, for July and October, 1834. Vol. XII. Boston – Philadelphia, 1834. – P. 388-420.
18. Catalogue of books on the Masonic institution, in public libraries of twenty-eight states of the Union, anti-masonic in arguments and conclusions, by distinguished literary gentlemen, citizens of the United States: with introductory remarks, and a compilation of records and remarks. Boston: Damrell & Moore, 1852. – 270 p.
19. Conspiracy theories in American history: an encyclopedia. In 2 volumes / Edited by P. Knight. Santa Barbara (Calif.): ABC-CLIO, 2003. – 925 p.
20. Constitutional republicanism, in opposition to fallacious federal-ism; as published occasionally in the Independent Chronicle, under the signature of Old-South. To which is prefixed, a prefatory address to the Citizens of the United States, never before published. By B. Austin, J. – Boston: Adams & Rhoades, editors of the Independent Chronicle, 1803 (reprint: HardPress, 2012). – 327 p.
21. *Encyclopedia of American Political Parties and Elections* / Edited by L. Sabato, H.R Ernst. N.Y.: Facts On File, 2006. – 548 p.
22. *Hammond J.D.* The history of political parties in the state of New-York, from the ratification of the federal Constitution to December, 1840. Buffalo (N.Y.) : Phinney & Co., 1850 (4-th ed., 1-st publ. – 1842). Vol. II. – 553 p.
23. Hofstadter R. *The Paranoid Style in American Politics and Other Essays*. N.Y.: Vintage Books, 1967. – 314 p.
24. *Jachin and Boaz*; or, An authentic key to the door of free-masonry: calculated not only for the instruction of every new-made mason; but also for the information of all who intend to become brethren ... illustrated with an accurate plan of the drawing on the floor of a lodge, and interspersed with variety of notes and remarks, necessary to explain and render the whole clear to the meanest capacity by Gentleman belonging to the Jerusalem Lodge. L.: Printed for W. Nicoll. – 63 p.
25. *Jacques-François Lefranc*. Le voile levé pour les curieux, ou Le secret de la Révolution de France révèle, à l'aide de la Franc-Maçonnerie. Paris: Crapart, 1792 (reprint: Whitefish, 2009). – 104 p.
26. *Jedediah Morse*. The Danger of Conspiracy // *Antimasonry: The Crusade and the Party*. American Historical Sources Series / Edited by L. Ratner. Englewood Cliffs (New Jersey), 1969. P. 19-23.
27. *Jones H.* Letters on Masonry, Addressed to the Professed Followers of Christ: Now in Connection with the Institution of Freemasonry. Boston: Anti-Masonic Free Press, 1829. – 45 p.
28. *Masonry Dissected: Being a Universal and Genuine Description of All Its Branches, from the Original to this Present Time: as it is Deliver'd in the Constituted Regular Lodges, Both in City and Country, According to the Several Degrees of Admission ... With a New and Exact List of Regular Lodges According to Their Seniority and Constitution. To which is Added, the Author's Vindication of Himself.* By S. Prichard. L.: T. Cooper, at the Globe in Pater-Noster-Row., 1737 (1st edition – 1730; reprint: Bloomington, IN: Masonic Book Club, 1977). – 32 p.

29. *McCarthy C.* The Antimasonic Party: A Study of Political Anti-masonry in the United States, 1827-1840 // Annual Report of the American Historical Association. Washington (D.C.). 1902. Vol. 1. Wash.: Gov't print. off., 1903. P. 365-574.
30. *McCormick R.P.* The Second American Party System. Party Formation in the Jacksonian Era. Chapel Hill: North Carolina univ. press, 1966. – 389 p.
31. *Morgan W.* Illustrations of Masonry by One of the fraternity, Who has devoted Thirty Years to the Subject. Batavia (N.Y.): Printed for the author, 1826 (reprint: 1827-2006). – 96 p.
32. National Anti-Masonic Convention // Niles Weekly Register. 1831, September – 1832, March. Vol. V. 4-th series. P. 83-85.
33. Opinions on Speculative Masonry, Relative to Its Origin, Nature and Tendency. A compilation, embracing recent and important documents on the subject, and exhibiting the views of the most distinguished writers respecting it / Ed by J.C. Odiorne.- Boston: Perkins & Marvin, 1830. – 280 p.
34. Political Action (Proceedings of a Convention of Delegates Opposed to Freemasonry, which met at leRoy, Genesee Co., N.Y., March 6, 1828) // Antimasonry: The Crusade and the Party. American Historical Sources Series / Compiled by L. Ratner. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1969. P. 58-59.
35. Proceedings of the Antimasonic State Committee at their meeting in Providence, July 17, 1835, nominating candidates for the twenty-fourth Congress. Providence: W. Simons, 1835. – 8 p.
36. Proceedings of the Fifth Antimasonic Republican Convention for Massachusetts, Held at Boston, September 10-11, 1834: for the nomination of candidates for governor and lieutenant governor, and to advance the cause of equal rights by the suppression of secret societies. Boston: Leonard W. Kimball, 1834. – 40 p.
37. Proceedings of the Fourth Antimasonic Republican Convention of Massachusetts, Held at Boston, September 11-13, 1833: for the nomination of candidates for governor and Lt. governor of the commonwealth and «for the purpose of 'consulting upon the common good, by seeking redress of wrongs and grievances suffered' from secret societies». Boston: Printed by Jonathan Howe, for the convention, 1833. – 48 p.
38. Proofs of a Conspiracy Against all the Governments of Europe, carried on in the secret meetings of Free Masons, Illuminati, and Reading Societies. Collected from good authorities by John M. Robison, A.M. Professor of Natural Philosophy, and Secretary to the Royal Society of Edinburgh. Edinburgh. "Nam tua res agitur paries cum proximus ardet". L.: Printed for T. Cadell, jun. and W. Davies; and W. Creech, 1798 (reprint: 1798-2005). – 547 p.
39. *Stauffer V.L.* New England and the Bavarian Illuminati. N.Y.: Columbia University Press, 1918 (reprint: Woodbridge (Virginia): Invisible College Press LLC, 2005). – 375 p.
40. *Stone W.L.* Letters on Masonry and Anti-masonry, Addressed to The Hon. John Quincy Adams. N.Y.: O. Halsted, 1832. – 566 p.
41. The Anti-Masonic Review and Magazine. 1828. Vol. 1. №1. P. 10.
42. The Proceedings of the Second United States Anti-Masonic Convention, Held at Baltimore, September, 1831: Journal and Reports, Nomination of Candidates for President and Vice President of the United States, Letters of Acceptance, Resolutions, and the Address to the People. Boston: Type and Stereotype Foundry, 1832. – 88 p.
43. The Proceedings of the United States Anti-Masonic Convention, Held at Philadelphia, September 11, 1830. Embracing the Journal of Proceedings, the Reports, the Debates, and the Address to the People.- Philadelphia: I.P. Trimble - N.Y.: Skinner and Dewey, 1830. – 164 p.

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского доцент, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, e-mail: vitaliypr@yandex.ru
УДК 94+329.11(430)

УДК УДК 94(430)''1942''

С.В. Артамошин

«КАВКАЗСКИЕ ЗАПИСКИ» ЭРНСТА ЮНГЕРА: ПУТЕШЕСТВИЕ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Аннотация: Статья посвящена командировке Эрнста Юнгера на Восточный фронт в конце 1942 г. В ней рассматриваются проблемы восприятия войны на Восточном фронте, особенности мировоззрения и повседневности солдат вермахта и советских граждан на оккупированной территории. Анализируется проблема понимания «другого» в контексте межкультурного диалога.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Вторая мировая война, Восточный фронт.

Artamoshin S.V. Ernst Jünger's Caucasian Notes: A Journey to the Soviet Union.

Abstract: The article is devoted to Ernst Jünger's business trip to the Eastern Front at the end of 1942. It examines the problems of perception of the war on the Eastern Front, the peculiarities of the worldview and everyday life of the Wehrmacht soldiers and Soviet citizens in the occupied territory. The problem of understanding the "other" in the context of intercultural dialogue is analyzed.

Key words: Ernst Jünger, World War II, Eastern Front.

Осенью 1942 г. гауптманн Э. Юнгер был отправлен в служебную командировку на Восточный фронт, на Кавказ. В условиях войны подобные путешествия достаточно обычны, но эта поездка выглядела несколько странной. Это был не перевод офицера штаба в боевые подразделения на Восточном фронте для усиления штабного состава воюющих войск, если учитывать то, что из Юнгера был некудышний офицер штаба, не представлявший специфики управления воинскими подразделениями. Это не было командирование проштрафившегося офицера с целью приведения его в чувства и временного удаления из Парижа, так как Юнгер не имел острых конфликтов, да и вообще уклонялся от парижских склок в военной сфере. Может быть, поездка на Кавказ должна была служить приобретению определенного современного военного опыта? Однако сроки командировки были настолько ничтожны, что исключали саму возможность получения подобного опыта. Может быть следует данную поездку квалифицировать как инспекторскую миссию, характерную для офицеров Генерального штаба в условиях боевых действий для определения слабых сторон управления войсками? Тогда и в этом случае возникает проблема, связанная с тем, что Юнгер не принадлежал к генштабистской элите. В таком случае, что это было?

Странность кавказского путешествия Э. Юнгера в ноябре 1942 – январе 1943 г. бросается в глаза и требует своего объяснения. Очень часто в литературе встречается отсылка к интерпретации этой поездки как командировки связника заговорщиков в генеральской среде к командующему группы армий «А» генералу-фельдмаршалу Э. фон Клейсту. Но такое путешествие в конце 1942 г. выглядит, по меньшей мере, странным с учетом динамики развития генеральского заговора 20 июля 1944 г. Конечно, можно допустить подобное объяснение. К тому же взгляд Юнгера вблизи, в атмосфере фронта, мог быть полезен, так как сам визитер не воспринимался как член генеральского круга, с ним была связана слава героя былой войны, но никоим образом политическая или военная власть, которая придавала вес в политическом заговоре против Гитлера. Таким образом, поездка Э. Юнгера могла быть поездкой наблюдателя.

Вместе с тем допустимо еще одно объяснение кавказской командировки Э. Юнгера. Это было путешествие в советскую страну как ознакомительный туризм человека, так много писавшего о тотальной мобилизации и наступлении эпохи Рабочего, что личное знакомство с государственным порядком, утвердившим господство рабочего и создание так называемого рабочего государства, было бы полезным для него. Человеком, который организовал это, был генерал Хайнрих фон Штюльпнагель, глава немецкой военной оккупационной администра-

ции во Франции. В «Первом Парижском дневнике» Э. Юнгер передавал непринужденную беседу между ними, состоявшуюся 16 августа 1942 г.: «Генерал заговорил о русских городах; он считает, что для меня было бы особенно важно побывать в них, прежде всего ради поправок к моему «Рабочему». На что я ответил, что уже давно прописал себе в качестве покаяния посещение Нью-Йорка; впрочем с командировкой на Восточный фронт тоже согласен» [3.С.163]. Личная заинтересованность в поездке в СССР прослеживается и в беспокойстве Э. Юнгера в связи с болезнью накануне поездки, которая могла отложить ее на неопределенный срок или отменить вовсе: «Очень плохо спал, что, без сомнения, результат болезни. В момент, когда надо ехать в Россию, нельзя болеть. Такие совпадения уже часто случались в моей жизни; тогда наступает дискомфорт» [3.С.197-198]. Таким образом, личная заинтересованность Э. Юнгера в поездке в Советский Союз нам представляется достаточно очевидной, но вместе с тем не исключают и роль посланника парижских заговорщиков. В любом случае, роль Х. фон Штюльпнагеля в этой поездке достаточно очевидна. Можно отметить, что впоследствии Э. Юнгер отметил его роль в своей судьбе, включив его в группу лиц, которым он обязан многим. В дневниках «Семьдесят минуто» он перечислил несколько человек, повлиявших на его жизнь: «Хайнрих фон Штюльпнагель, полагавший, что согласно концепции «Рабочего» мне непременно нужно увидеть русскую действительность. Французский врач в форте Сен-Жан, ефрейтор Хенгстман, который пал, вынося меня из-под огня. И опять же отец, который вмешался, когда я безнадежно вляпался» [4.С.217].

После августовского разговора 1942 г. прошло полтора месяца, прежде чем вопрос о поездке на Восточный фронт был окончательно решен. В записи от 9 октября 1942 г. Э. Юнгер пишет: «По словам полковника Космана, вопрос о моей отправке в Россию, кажется, на днях будет решен; уже подготовлены приказы. После того как моя жизнь здесь изменилась, такой поворот дела надо, наверное, только приветствовать. Поэтому я столкнул со стола бокал, сразу разлетевшийся на куски» [3.С.197]. В конечном итоге, отправка Э. Юнгера на Восточный фронт была намечена на начало ноября 1942 г. Перед отправкой ему удалось заехать домой и уже оттуда отправиться вместе с женой Гретой в Берлин, где вечером 12 ноября они остановились у Карла Шмитта в Далеме. Пять дней проведенных в столице прошли в общении с друзьями. Именно тогда Карл Шмитт обратил внимание Э. Юнгера на статьи в журнале «Залмоксис», посвященные мандрагоре и символике воды. «Обе принадлежат Мирче Элиаде, издателю, о котором, как и о его учителе Рене Геноне, Карл Шмитт рассказал мне подробнее. <...> Карл Шмитт также подарил мне книгу Де Губернатиса «Мифология растений»» [2.С.214-215]. Вечером 15 ноября они с Шмиттом навести шмиттовского близкого друга Й. Попитца, видного государственного деятеля, бывшего рейхскомиссаром прусского министерства финансов. Вечером 16 ноября Э. Юнгер отбыл на Восточный фронт. «Вчера в девять часов отъезд с Силезского вокзала, куда меня провожала Перпетуя» [2.С.216].

Прибыв в Лётцен, Э. Юнгер должен был отправиться самолетом в Киев и дальше на Кавказ, однако погодные условия задержали его на несколько дней. Застряв в Восточной Пруссии, он вновь вернулся к воспоминаниям Великой войны, хотя следует указать на то, что он не воевал на Русском фронте, но общая мемориальная память объединяла оба фронта, и Западный, и Русский. Он почувствовал ощущение войны не только в памятниках прошедшей войне, но и в приближении к воюющим германским войскам на Восточном фронте. Э. Юнгер отметил в дневнике 18 ноября 1942 г.: «Я задержался в Лётцене, так как места в самолете на Киев были заняты. Их количество уменьшилось, потому что три дня назад из-за обледенения рухнул один самолет. Первая половина дня на пустынном кладбище, вторая – в музее, задуманном, скорее, как памятник героям; здесь собраны вещи, напоминающие о восточно-прусской кампании 1914 года. Посещение было неприятным; все еще слишком свежо

в нашей памяти. Тело той войны еще не успело истлеть. При этом возрождаются многие из ее проявлений. Точно призраки на кладбищах» [2.С.216-217]. Надежда вылететь 19 ноября провалилась из-за непогоды, но случайное знакомство с офицерами позволили ему с удобством провести ожидание вылета. «Днем с майором Дитрихсдорфом ездили в Видмины, куда нас пригласил товарищ, у него там имение. <...> В Видминах нас встретили горой пирожных с кофе. Потом мы пили восточно-пруссский <медвежатник>, смесь меда и спирта. Пока гурман лакомится медом, алкоголь оглушает его. <...> Жизнь в этих восточных провинциях течет медленнее, в ней больше земного, больше сонливости, уютного смакования. Чувствуешь близость стран в медвежьем углу Европы» [2.С.217-218]. Это приятное ожидание отлета было отсрочкой перед погружением в мир войны на Востоке. Это был последний клочок германской территории перед посещением советского мира. Утром 21 ноября Э. Юнгер сел в самолет и вылетел в Киев.

Поездку Э. Юнгера и конкретный маршрут можно реконструировать по дневниковым записям, которые содержат в себе не только восприятие советских городов, но и всей советской культуры и быта. В них достаточно ясно прослеживается ощущение культурного шока от знакомства с достижениями советского общества. Учитывая дистанцированное очарование советской системой, которую Э. Юнгер испытывал в начале 1930-х гг., его погружение в советский мир было для него поистине поучительным.

Он прибыл в Киев 21 ноября 1942 г., и, ожидая самолета на Сталино (Донецк – С.А.), поселился в лучшей гостинице «Палас-Отеле». «Хотя рядом с раковинами не было полотенце, в комнате – чернил, а на лестнице – нескольких мраморных ступеней, говорят, это лучший отель в оккупированной России». Чувства, испытанные Э. Юнгером были подобны культурному шоку от тех бытовых условий, в которых он был вынужден жить. Конечно, оказавшись из французского Парижа в украинском Киеве, он был сильно удивлен условиями и уровнем гостиниц. «Краны, сколько бы я их ни крутил, не давали ни горячей, ни вообще какой-нибудь воды. То же и с клозетом. Так что скверный аромат наполнял весь <Палас-Отель>». Можно сказать, что именно с этих впечатлений начинается знакомство Э. Юнгера с Советским Союзом.

Традиционная привычка осматривать новые города видимо тоже не доставила ему удовольствия. Взорванный советскими НКВДшниками Крещатник был разрушен, православные храмы оказались вне его внимания. Скорее всего, у него был недостаток времени, погодные условия и слабое освещение города, не позволявшее ему увидеть больше. «Час, оставшийся до начала сумерек, я использовал для прогулки по улицам города и по истечении его рад был вернуться домой. Как существуют на нашей земле колдовские страны, так доводится нам узнать и иные, которые удалось лишить всякой магии очарования, отняв у них и толику привлекательности» [2.С.219]. В ожидании вылета Э. Юнгер был вынужден провести ночь в гостинице. Слабое отопление заставляло использовать подручные средства, прежде всего, армейскую шинель. Его сосед по гостиничной комнате молодой капитан-артиллерист, читавший его книги, проявил заботу о нем, накрыв его собственной шинелью. «Проснувшись, я увидел, что он довольствовался одним тонким одеялом. Он также прогнал большую крысу, которая, вылезши из недр отеля, расправлялась с моими припасами» [2.С.220].

Ранним утром 22 ноября 1942 г. Э. Юнгер вылетел в Сталино, где приземлился в девять часов и после дозаправки через час был в Ростове. В городе он провел два дня, расположившись в офицерском общежитии, которое больше напоминало походный лагерь. Оно располагалось в одном из опустевших домов, «в комнатах которого рядом расположены набитые соломой матрацы и где витает страшная вонь». Впечатления от города у него были также мрачными. Скорее всего, свою роль играла не только архитектурные особенности советского

города, но и погода поздней осени и наступающей зимы, которая не могла продемонстрировать красоту природы. Тем не менее, у него сохранилось желание поближе познакомиться с советской действительностью, для чего он отправился путешествовать по городу. «Ходил по городу; все те же унылые картины. Так же как мои прогулки по Рио, Лас-Пальмесе и на иных побережьях напоминали слаженную мелодию, так здесь все отвращало душу. Видел несколько оборванных детей, они играли на катке и казались мне странными, как луч света в царстве мертвых». Э. Юнгер отмечал отсутствующую систему продовольственного обеспечения города. Несмотря на действующую торговлю, продовольственных товаров на продажу не было вообще. «Единственное, что предлагается на продажу, - черные семена подсолнуха,

Эрнст Юнгер (крайний справа) в Украине, 1942.

которые женщины выставляют на обозрение в плоских корзинах на пороге сожженных домов». Ощущалось отсутствие элементарных предметов быта, которых просто негде было приобрести. «К сожалению, я недостаточно экипирован; я и не подозревал, что такие мелочи, как карманное зеркало, нож, нитки, бичевка, являются здесь ценностью. К счастью, я все время сталкиваюсь с людьми, готовыми мне помочь. Нередко они оказываются моими читателями, и их помощь я могу приписывать собственным заслугам» [2.С.220-221].

Второй день в Ростове принес Э. Юнгеру больше впечатлений. Утром в одной из солдатских казарм ему удалось поесть супа, после чего он отправился вновь гулять по городу. Он отменял деньги, отметив, что «на русских банкнотах все еще портрет Ленина. При расчете служащая пользовалась счетным устройством с грубыми шарами, которые она ловко гоняла туда-сюда». В Ростове он нашел кафе, где купил пирожное за две, а яйцо за три марки. Посетители кафе не производили впечатления радостных людей. «Грустно глядеть на людей, сидящих в сумрачном ожидании, словно на вокзале перед отъездом к некой пугающей цели, - и это еще привилегированные» [2.С.221].

Двухдневное знакомство Э. Юнгера с Ростовом подтолкнуло его к первым обобщениям своего восприятия советской системы. Он остался верен себе в плане ярких зарисовок и способностью к подчеркиванию деталей, что придает его свидетельствам живой, эмоциональный оттенок. К тому же он исходил от увиденного, и его выводы пронизаны этим, а не штампами и заданными оценками. Можно отметить, что в них также отсутствует обращение к образам Рабочего, хотя, отправляясь на Восточный фронт, он надеялся увидеть реальность тотального государства, о котором писал и на которое возлагал надежды. Его описания пронизаны наблюдательностью и аналитикой. Если Э. Юнгер и обладал какой-то очарованностью СССР, то она быстро рассеялась, что позволило ему писать о советской территории, как о стране, «лишенной всякой магии». Э. Юнгер, оценивая советскую действительность и военное состояние, писал: «Глаз должен притерпеться к виду, невыносимо тягостному; нет ничего, на чем бы он мог успокоиться. В порядке только техника – железные дороги, машины,

самолеты, громкоговорители – и, разумеется все, что относится к вооружению. И напротив, недостаток в самом необходимом – в питании, одежде, тепле, свете. Еще очевиднее это в отношении более высоких сфер жизни, того, что нужно для радости, счастья и веселья и для щедрой, любящей творческой силы. И все это – в одной из богатейших стран, какие есть на земле» [2.С.221-222]. Такова оценка сталинского социализма 1930-х годов, даже если сделать скидку на тяготы войны. Она достаточно точна и справедлива. Э. Юнгер сумел за несколько дней увидеть и оценить детали сталинской политики, принимая в расчет детали военного лихолетья, он выделял нищенский советский быт; что оставшимся на оккупированной территории советским гражданам нечего было продать, по причине того, что у них просто не было вещей, которые можно было выставить на продажу. Все вокруг указывало на ощущение катастрофы. «Кажется, здесь заново повторяется история Вавилонской башни. Но не ее строительство, а наступившая затем мешанина языков и всеобщий развал. Это в общем-то понятные вещи здесь проникнуты ужасом распада. Это та служба, которая завет огонь, так железо притягивает молнию. Проемы окон сожженных рабочих и служебных корпусов вверху, куда пробился чистый огонь, прокалены докрасна; по сторонам раскинулись черные крылья копти. Полы провалились, на голых стенах болтаются батареи парового отопления. Из подвалов растет чаща железной арматуры. В грудах золы роются беспризорные дети, крючком выскивая остатки дерева. Идешь миром запустения, где хозяйствуют крысы».

Среди жителей Ростова бросались в глаза торговли семечками, мальчики с сапожными щетками, а также люди, перевозящие на тележках солдатский багаж. При этом автор отмечал, что они охотнее в качестве платы берут хлеб и сигареты, чем деньги, что указывает на роль натурального обмена, который становится определяющим в условиях голода. Внешний вид советских людей указывает на материальную нужду, которую они испытывали. Э. Юнгер отмечал, что «одевание стало укутыванием; кажется, люди натянули на себя все вещи, которые имеют, и не снимают их на ночь. Пальто встречаются реже, чем толстые стеганные кители (скорее Э. Юнгер имеет в виду фуфайки – С.А.), которые, впрочем, как и все остальное, представляют собой лохмотья. На голове шапки с наушниками или опущенными отверстиями; часто видишь советский головной убор песочного цвета, ткань его на затылке вытянута наподобие острия шлема (речь идет о «буденовке» - С.А.). Почти все люди, а в особенности женщины, ходят с мешками на плечах. Впечатление посвященной тасканию грузов жизни – таков их вид. Их перемещение беспокойно и быстро, но лишено видимой цели, как в потревоженном муравейнике» [2.С.222].

Именно в Ростове до Э. Юнгера дошло эхо советского успеха под Сталинградом. Он понял это по неожиданному изменению в действиях военной комендатуры. «Днем задержали отпускников, ожидавших своих поездов, и в наспех сформированных воинских соединениях отправили на фронт. Значит, русские прорвались к северу от Сталинграда» [2.С.223]. Вечером 23 ноября Э. Юнгер покинул Ростов и отправился в Кропоткин, куда прибыл ранним утром 24 ноября и до подхода поезда на Ворошиловск (Ставрополь – С.А.) смог поспать на стойке буфета в зале ожидания. Он записал 24 ноября: «Всего за два дня я привык к жизни в переполненных купе, в холодных залах, без воды, без удобств, без горячей еды. Но есть люди, которым еще хуже, – это русские, стоящие на ледяном ветру на грузовых платформах или на подножках вагонов» [2.С.222]. Поздним вечером 24 ноября Э. Юнгер прибыл поездом в Ворошиловск.

Оказавшись в Ворошиловске, Э. Юнгер обосновался в гостинице. Она была расположена в бывшем здании ворошиловского управления НКВД, в котором ему была выделена комната. «Я жил в здании ГПУ, выделяющемся колоссальными размерами, как все, что имеет отношение к ведомству полиции и тюрем; я получил комнату со столом, стулом и, что са-

мое главное, с целым стеклом в окне. Кроме того, я нашел осколок зеркала. Опыт последних дней заставил меня понять ценность подобных вещей» [2.С.224]. Отдохнув, Э. Юнгер совершил прогулку по городу. Ворошиловск (Ставрополь) – город туманов, встретил его дождем. «Погода дождливая, улицы покрыты грязью. Пока что я застрял здесь. Кое-что на улицах, которыми я ходил, кажется более приветливым, чем все виденное до сих пор. Прежде всего тепло, которым веет от домов царского времени, тогда как все эти советские коробки повсюду задавили страну» [2.С.224]. Осматривая город, Э. Юнгер впервые посетил православный храм. «Днем я поднялся на возвышенность, где стоит православная церковь, - византийское, грубо выведенное строение с наполовину сорванной взрывом крыши колокольни. Вообще древние строения проникнуты духом варварства, воспринимаемым все же приятнее, чем абстрактное безличие новых конструкций. Здесь можно сказать вместе с Готье: <La barbarie vaut mieux que la platitude> [«Варварству хочется большего, чем ничтожеству»] переводя platitude как <нигилизм>» [2.С.224].

25 ноября 1942 г. Э. Юнгер был приглашен на обед к командующему группы армий «А» генерал-полковнику Эвальду фон Клейсту, с которым он был лично знаком по годам службы в рейхсвере в Ганновере, и который буквально накануне этой встречи 21 ноября был назначен фюрером А. Гитлером вместо самого себя командующим группы армий.

Э. фон Клейст являлся одним из ярких и талантливых полководцев вермахта, испытывавшим трагическую судьбу. Герой блестящего прорыва через Арденны во время французской кампании 1940 г., участник восточной кампании, на боевом счету которого ряд крупных военных успехов: командуя 1-й танковой группой именно он соединился с 17-й немецкой армией в районе Умани, окружив крупную группировку советских войск Южного и Юго-Западного фронтов, а затем под Кременчугом прорвал оборону 38-й советской армии, вызвался на оперативный простор и соединился с частями 2-й танковой группы Х. Гудериана, завершив самое крупное окружение в истории Второй мировой войны, когда в киевском котле оказалось 5 советских армий. Именно фон Клейст вышел к Азовскому морю в районе Бердянска, разгромив 18-ю советскую армию и, продвигаясь вдоль побережья, 20 ноября взял Ростов-на-Дону, откуда немцы были выбиты спустя неделю, 28 ноября 1941 г. Под его командованием 1-я танковая армия принимала участие в майском наступлении на Харьков и последующем наступлении на Ростов и Кавказ. 1 февраля 1943 г. Э. фон Клейст получил высшее воинское звание генерала-фельдмаршала. После провала заговора 20 июля 1944 г. он был арестован, но потом освобожден. Будучи арестованным американскими войсками в апреле 1945 г., он был привлечен в качестве свидетеля на Нюрнбергском трибунале, а затем передан Югославии, т.к. в 1941 г. был участником стремительно разгрома югославского государства. Осужден в августе 1948 г. югославским судом к 15 годам каторжных работ, однако в марте 1949 г. передан СССР, несмотря на личный протест. Его поведение существенно отличается от конформизма другого генерал-фельдмаршала, первым сдавшимся в плен советским войскам. Э. фон Клейст содержался в Бутырской и Лефортовской тюрьмах, а затем во Владимирской тюрьме. Свою вину в преступлениях он не признал и был осужден в 1952 г. к 25 годам заключения. Скончался во Владимирском центре 13 ноября 1954 г. Эвальд фон Клейст был единственным немецким генерал-фельдмаршалом, умершим в советском плену.

Тогда за обедом в штабе группы армий «А» 25 ноября 1942 г. встретились два старых знакомых – Э. Юнгер и Э. фон Клейст. Там за обеденным столом он встретил майора фон Оппена, сына своего полкового командира времен Великой войны, беседуя с которым вспомнил его отца и стиха «Таврида» Фридриха Георга Юнгера, написанные в память о нем. По просьбе Э. Юнгера обер-лейтенант Шухарт показал на большой штабной карте ситуацию, созданную советским прорывом и приведшим к окружению 6-й немецкой армии в Сталин-

граде. Вечером он записал в дневнике: «Жизнь на этих окруженных уничтожением пространствах ставит труднейшие задачи; по своей опасности она напоминает жизнь в осажденных античных городах, где о милости не могло быть и речи. Так же и в моральном отношении; все время видишь, как смерть день за днем, неделями и месяцами приближается к тебе. И тут за многое приходится платить, ибо политическая система, принятая на себя государствами, выступает своей обратной стороной» [2.С.226].

Знакомясь с городом, Э. Юнгер посетил исторический музей, где узнал, что старое название города Ставрополь, а также 1 декабря 1942 г. посетил Институт чумы, где познакомился с научным руководителем профессором Хохом, обрусевшим немцем, который оказался в Ворошиловске после приговора к ссылке и с тех пор руководит институтом. Взятие немецкими войсками Ворошиловска изменило жизнь научного учреждения. «Так как Институт чумы получает в больших количествах вакцину, к нему после вхождения немецких войск была приставлена охрана. Для снабжения ему выделили колхоз, в котором русское государство до этих пор содержало и кормило восемьсот душевнобольных. Чтобы освободить хозяйство для института, этих больных уничтожила служба безопасности. В подобной акции сказывается стремление творцов идеологии заменить мораль гигиеной, точно так же, как правду - пропагандой» [2.С.232]. В этой истории с Институтом чумы Э. Юнгер увидел изнанку политической войны, воплотившейся в деятельности айзатцгрупп, уничтожавших политических и мировоззренческих врагов. Их кровавый путь вызывал осуждение и настолько психологически воздействовал на него, что заставлял его занять четкую позицию. В ней прослеживалось стремление провести черту между солдатами и убийцами, не находя никаких оснований для их отождествления. 2 декабря 1942 г. он записал: «Дыхание этого мира палачей столь ощутимо, что умирает всякое желание работать, писать и размышлять. Злодеяния уничтожают все, людское пространство становится нежилым, будто из-за припрятанной падали. При таком соседстве вещи теряют свою душу, вкус и аромат. Дух изнемогает на задачах, которые он ставит перед собой и которые могли бы его увлечь. Но именно вопреки этому он обязан бороться» [2.С.232-233]. Эти злодеяния сильно затронули душу писателя, и вновь он ощутил, как природа способна врачевать это состояние, давать новые силы к жизни. Когда в воскресенье 6 декабря 1942 г. легкий снег запорошил землю, он увидел в этом символический акт обновления в пораженном ужасами и жестокостями мире. «Заносит снегом зло», - грустно записал он в дневнике [2.С.234].

Фактически остановившись в Ворошиловске на две недели, Э. Юнгер смог понаблюдать за жизнью и поведением советских людей, и оценить достижения советского строя. Можно удивляться тому, насколько мало нужно для того, чтобы понять те изменения, привнесенные большевистской революцией и сталинским строительством в жизнь населения. В записи от 6 декабря он отметил, что «ощущаешь, чего лишила этот край абстрактная идея и как бы он расцвел под солнцем благой отеческой власти» [2.С.234]. На следующий день это размышление было дополнено: «Я поднялся на колокольню, представляющую собой восьмигранную башню на четырехугольном цоколе, несущую наверху купол в виде плоской луковичи. Впервые я увидел всю местность с ее вытянутыми прямоугольными кварталами приземистых домов, из которых то тут то там торчал гигантский новострой – казарма или управление полиции. Итак, чтобы понастроить эти ящики, пришлось уничтожить несколько миллионов человек» [2.С.236-237].

Природа Кавказа настолько поразила Э. Юнгера, что он не смог сдержать своего восхищения. Бесконечные просторы, наступившая зима с ее мягким снегом, необыкновенно чистый воздух и горы вызвали в нем радость. «Эльбрус с его двойной вершиной и серебриющимися в утреннем свете заснеженными склонами встает, казалось, сразу за воротами, хотя

на самом деле он находится на расстоянии четырех дней пути. Темная цепь гор Кавказа, из которых он вздымается, кажется крошечной. Давно уже не видел, чтобы земля вот так представляла перед моим взором, - как рукотворное создание Господа» [2.С.237]. Вечером 8 декабря Э. Юнгер выехал в 17-ю немецкую армию в Кропоткин специфическим курьерским поездом в виде машины, тянувшей на путях грузовой вагон, где он должен был пересесть на поезд до Белореченской. Весь день 9 декабря он провел в Кропоткине в ожидании поезда и 10 декабря прибыл в Белореченскую.

Днем 10 декабря 1942 г. Э. Юнгер имел встречу и беседу с командующим 17-й немецкой армией генерал-полковником Руаффом, которому он передал привет от Генриха фон Штюльпнагеля. Они побеседовали о текущей военной обстановке и сложностях войны на Кавказе, где солдаты страдали не только от холода, но и мокроты и сырости, а также проблем снабжения частей из-за расстроенной системы коммуникаций. На следующее утро он должен был отправиться в Майкоп, но поездка была перенесена из-за соображений безопасности на вечер. Прибыв туда 12 декабря, он остановился в гостях у начальника снабжения, который разместил его в отдельном доме. Э. Юнгера поразило отсутствие в доме освещения. «Поселили в доме, где не было света, за исключением крошечного язычка пламени, освещавшего икону» [2.С.245]. Отдохнув, на следующий день он поехал по дороге на Туапсе. Там он мог увидеть следы недавних боев, которые сохранились вдоль дорог, где он вновь заметил знакомые картины войны, сопровождающие ее постоянно. «Ехали по дороге на Туапсе, ставшей знаменитой благодаря наступлению немецких егерских полков и обороне русских. Полотно было уже очищено; только тяжелые машины – это были катки и трактора – виднелись порой на откосах. В чаще лежала насквозь замороженная лошадь, у которой мясо было срезано только с верхней половины тела, так что со своей обнажившейся грудной клеткой и вывалившимися из разреза голубыми и красными кишками она напоминала анатомический атлас» [2.С.245-246]. Здесь он впервые за свою поездку на Восточный фронт столкнулся с запахом войны и это отразилось на его наблюдениях. Если ранее его внимание привлекали бытовые картины, которые радовали или шокировали заезжего путешественника, то теперь он начинает как фотограф фиксировать лицо войны. Его наблюдения четки и анатомичны, как всегда. Ощущая единство военного опыта, Э. Юнгер грустно заметил, что эту войну «рассказывать будут только выжившие, как и вообще вся история пишется ими» [2.С.246].

С 13 по 18 декабря 1942 г. Э. Юнгер находился на немецких позициях в районе Куринской. Сопровождаемый обер-лейтенантом Хойслером, он присоединился к группе генерала Фогеля и отправился на командный пункт 228-го пехотного полка, карабкаясь вверх по узкому и крутому ущелью. Здесь ощущался контраст жизни и разрушения, который соответствует природе и войне. Его размышления об этом указывают на то, что очарование бога Марса начинает проходить и мир, который его окружает, становится ценным и приятным. Таким образом, природа могла быть отдушенной человеку, в которой он постигал бы мир и красоту. Но война неумолимо диктует свои законы, и их столкновение является для него роком. Э. Юнгер записал в дневнике: «Деревья, чащ дубы, густо поросли печеночником, с ветвей длинными серебристыми бородами свисали лишайники. Они мягко шевелились на ветру. На зимнем солнце с дерева на дерево перелетали дятлы и проворные поползны. С треском взлетала сойка. Она оживляла лес своей кавказской разновидностью, характерной черным гребнем на макушке. Но снова ощущал я, как дух времени пытался уничтожить в нас все прекрасное, все это воспринималось как сквозь решетку тюремного окна» [2.С.251].

Оказавшись на позициях роты, он познакомился с молодым командиром роты, который предложил ему осмотреть расположение подразделения. Передвигаясь по траншеи, они

попали под автоматный обстрел. Видимо их движение было замечено с советских позиций. Пули рикошетом отлетали от деревьев, одна из них даже сорвала мушку пулемета. Они с командиром роты укрылись и переждали обстрел. Э. Юнгер почувствовал отличие с собственным поведением в годы Великой войны, когда он бы непременно принял участие в перестрелке с противником. Он отмечал: «Мы прыгнули в укрытие и переждали бой. Подобные положения видятся мне теперь полукомическими, полудосадными. Возраст или, скорее, состояние, в котором эти вещи кажутся увлекательными, когда стараешься превзойти самого себя, остались для меня в далеком прошлом» [2.С.252]. Добравшись до медицинского пункта и пообщавшись с доктором Фуксом, Э. Юнгер обратил внимание на характерную черту. «Пункт никак не помечен; красный крест не имеет здесь никакого авторитета. Только вчера разорвался снаряд в соседнем доме, тяжело ранив одного санитаря» [2.С.253].

На следующий день он совершил подъем на Сарай-гору, вершина которой была в руках красноармейцев. Передохнув на позициях командира роты, он вместе с ним поднялся на наблюдательный пункт, который две недели назад был прорван противником, уничтожившим всех, кто там находился. «Могильные кресты венчали высоту; они были обвиты рождественскими розами. Оттуда была видна вершина – лысая глава с бункерами в ближнем кустарнике». Он обратил внимание на сопровождавшего его переводчика. «Мне показалось, что стали заметнее пергаменный оттенок его кожи, неподвижность взгляда, который я наблюдал у тех, кто стремится участвовать в таких кровопролитиях. Ставшая автоматической привычка к убийству в состоянии производить физиогномически те же разрушения, что и механический секс». Вернувшись в расположение полка, он побеседовал с генералом Фогелем, который выделил для него вооруженный конвой, чтобы он безопасно вернулся в Куринскую, так как «только вчера после наступления темноты двое связных были застрелены с тыла и ограблены вплоть до рубаш» [2.С.255].

Вернувшись в Куринскую, 19 декабря он попытался добраться до командного пункта 97-й пехотной дивизии вместе с ее командиром генералом Руппом. Карабкаясь по горным тропкам, он достиг немецких позиций. Здесь его близость к советским позициям была настолько явной, что с наблюдательного пункта он мог рассмотреть их перемещение и при этом вновь отметить отличие в собственном поведении по сравнению с опытом Великой войны – он лишь наблюдал. «На голой, покрытой снегом площадке бинокль различил группу русских, казалось, бесцельно окружавших ее то с одной, то с другой стороны, как муравьи подползавших к ней. В первый раз, как того не желая, я наблюдал за людьми, как в телескоп, наставленный на луну. Мысль: в Первую мировую войну отдали бы приказ стрелять в них» [2.С.258]. Осматривая позиции батальона, Э. Юнгер отметил, что общее состояние окопной жизни мало чем изменилось, но отличие от былой войны разительны. Вместо сплошных окопных линий ячейковый или штольный принцип размещения солдат, отсутствие глубокого инженерного эшелонирования боевых порядков и большие потери в боевых подразделениях, которые бессменно находились на позициях уже два месяца, под постоянным интенсивным обстрелом противника. «То, что сильно стреляли, видно по лесу. В нем зияет множество воронок, среди них новые, свежие, с краев которых осыпается земля. В них еще чувствует удушливая гарь, снесены верхушки деревьев» [2.С.260]. Э. Юнгер, как опытный наблюдатель, отметил одну характерную черту. Несмотря на изможденность и усталость солдат от боев, измотанность командиров, чьи измученные, небритые, неспавшие несколько суток лица демонстрировали всю тяжесть ситуации, несмотря на постоянные обстрелы и возникающее безразличие к жизни, среди солдат поддерживалось уважение к смерти и памяти погибших. «Посреди этой заваленной военным мусором пустыни я заметил ряд содержащихся в чистоте могил, украшенных к рождеству ветками падубы и омелы» [2.С.258].

Наблюдая за солдатами и офицерами, Э. Юнгер отметил притупление чувства страдания. Если в предшествующую войну разговору об этом тоже имели место, то сейчас изменение отношения выразалось в том, что страдание превращалось в постоянный спутник войны, переставало выделяться. Хотя следует признать, что страдание всегда сопровождает войны, но нынче оно стало обязательным элементом войны. Он записал 21 декабря: «Все эти разговоры я уже слышал в Первую мировую, однако ныне ощущение страдания притупилось, стало принадлежностью войны, скорее правилом, чем исключением. Мы здесь в одной из самых больших в мире мясорубок, какие были известны со времен Севастополя и русско-японской войны» [2.С.261]. Притупление чувства страдания и человечности находило выражение в отношении к погибшему противнику или гражданскому населению. «На склоне при спуске лежал мертвец (один из привлеченных из числа гражданского населения носильщиков амуниции – С.А.), облепленный глиной с головы до ног, с которых были украдены сапоги. Лицо его было закрыто длинными черными волосами. Его едва можно было отличить от окружавшей его грязи. Генерал (генерал Рупп, командир 97-й немецкой пехотной дивизии – С.А.) наклонился над ним и пошел дальше, не говоря ни слова. Никогда еще не видел я мертвого человека, по отношению к которому любое пришедшие на ум замечание выглядело бы таким неуместным, как здесь. Предмет, выброшенный на берег морем человеческого безразличия» [2.С.256]. Схожая картина касалась и трупа красноармейца, погибшего в бою. «У самой воды облепленная грязью фигура – мертвый русский, лежащий лицом вниз, уткнувшись, словно во сне, в правую руку. Видны черный затылок, черная рука. Труп так разбух, что все туго слилось в сплошной, раздутый, с натянутой оболочкой предмет, вроде кожи на тюлене или на большой рыбе. Так и лежал он здесь, вроде прибитой волнами кошки, ужас и кошмар этих мест. На Урале. В Москве или в Сибири дети и жена еще долго будут ждать его. В дополнение к этому разговору на <такую> тему, и вновь меня поразило всеобщее оупение даже среди образованных людей. Люди чувствуют себя частью машины, в которой на их долю выпало только пассивное участие» [2.С.261-262]. В конечном счете, его размышление об отношении к убитому противнику резюмируются обобщением, что «брошенные трупы, видимо, становятся системой – не для людей, но для демона, хозяйничающего в таких местах. Злая необходимость погоняет всех» [2.С.262-263].

Рождество 1943 года Э. Юнгер встретил на Восточном фронте, в Куринской. В маленьком доме, бывшем ранее баней, капитан Дикс собрал группу офицеров. Подали жареного гуся и крымское сладкое шампанское. Приятным подарком для Э. Юнгера были письма, которые принес де Марте во время праздника, из которых четыре письма были от жены [2.С.265-266]. «Утром служба одного молодого католического священника, превосходно справившегося со своими обязанностями. Потом причащение у евангелического пастора, молодого унтер-офицера, делавшего свое дело также с большим достоинством» [2.С.267]. Это Рождество омрачалось тяжелым военным положением, в котором оказалась 6-я немецкая армия под Сталинградом, и не случайно, что, отмечая этот праздник в маленькой баньке, они вспомнили про окруженных в кольце солдат. Вообще, с момента прибытия на Кавказ, Э. Юнгер не упускал из внимания сталинградскую проблему, и его понимание ее было достаточно адекватным. Еще 21 декабря он отметил, что направление советского удара нацелено на Ростов-на-Дону, который выступал «стратегической целью наступления русских. Так всегда есть шанс быть втянутым в массовую катастрофу, подобно рыбе в стае, хотя сеть и ставят вдали от нее. Однако лишь от нас зависит, станет ли массовая смерть – смерть, когда правит ужас, - также и нашим уделом» [2.С.262]. 24 декабря ситуация вокруг Сталинграда становилась все более осознаваемой. Э. Юнгер вспоминал, что за столом они вспомнили 6-ю армию. «Если ей придется погибнуть в окружении, то зашатается вся южная часть фронта, и

это будет именно то, что Шпейдель предсказывал мне весной как вероятное следствие кавказского наступления. Он полагал, что оно повлечет за собой <раскрытие зонтика>, т.е. создание длинных фронтов с узкими подступами» [2.С.265]. В рождественский день он встретил своего знакомого обер-лейтенанта Штрубельта, с которым также обсуждал Сталинград, и существовало ощущение, что все начинает вращаться вокруг него. «Днем в ущелье Мирное со старшим лейтенантом Штрубельтом, одним из умнейших учеников Хильшера. Во время беседы с ним, касавшейся положения 6-й армии, как никогда прежде мне стало ясно то обстоятельство, что каждый из нас замешан в этот котел, даже если физически не присутствует в нем. По отношению к нему и может быть нейтралитета» [2.С.267].

27-28 декабря 1942 г. он находился в Ашперовской и выехал в сторону Кутаиса, где пробыл 30 и 31 декабря 1942 г., вернувшись обратно в Ашперовскую. В тот же день 1 января 1943 г. он попал в Ашперовской под советскую бомбежку, которую благополучно пережил. Утром 2 января 1943 г. он вернулся в Майкоп. Прогуливаясь по майкопскому парку, он обратил внимание советской скульптуры, расположенной в нем, когда «крошатся гипсовые фигуры современных сверхчеловеков». Э. Юнгер имеет в виду типичные рабоче-крестьянские или спортивные фигуры соцреализма, выставленных во многих советских парках. Днем 2 января 1943 г. он был принят генералом Конрадом, обрисовавшим мрачную картину происходящего. «Он показал мне на столе огромную карту и сказал, что готовится отступление. Удары, нанесенные 6-й армии, расшатали все южное крыло. Он полагает, что наши силы за последний год были растрачены в пустую людьми, разбирающимися в чем угодно, но только не в умении воевать. Особенно дилетантским является пренебрежение созданием ударной группы войск на главном направлении; Клаузевиц перевернулся бы в гробу. Следуют за любым капризом, за любой случайной идеей, пропагандистские цели вытесняют стратегические. Можно захватить Кавказ, Египет, Ленинград и Сталинград, но не одновременно же! – И при этом существуют еще несколько побочных планов» [2.С.276]. Эта беседа была первым критическим выпадам против верховного командования, подчеркивающую гигантоманию гитлеровским планом 1942 г. Если следовать императиву о зондировании Э. Юнгером антигитлеровской позиции генералитета, то это было первое конкретное проявление подобных взглядов, которое, все же, было слишком эмоциональным, и сказанным в момент планирования масштабного отступления германских войск.

3 января 1943 г. Э. Юнгер на самолете Физелер Шторх вылетел из Майкопа в Черкеск, откуда на машине двинулся в долину Деберды, где его ожидал полковник фон Лю Сюир, командовавший боевой группой горных стрелков, с которым он был знаком по службе в рейхсвере. Э. Юнгер высказал пожелание отправиться в боевые порядки горных стрелков. Полковник выделил ему мотоцикл на гусеничном ходу, чтобы он смог добраться до командного пункта гауптманна Шмидта, который со своими горными стрелками перекрывал наверху два перевала. Картина природы, увиденная им, просто поражала. «Высоко наверху, в котловине Аманауса, стоят деревянные здания школы альпинистов и санатория. Шмидт принял меня на своем командном пункте, над которым высились ледяные великаны: слева массив Домбай-Ельген, затем острый Карачаевский пик, восточная и западная Белая Кайя, а между ними своеобразный рог горы Суфрудшу. <...> Я намеревался как можно дальше оставаться здесь наверху, поднимаясь время от времени в этот ледниковый мир. Мне было хорошо здесь; я чувствовал, в этих массивах кроются гигантские источники жизни, что остро ощущал еще Толстой. Но пока я обсуждал со Шмидтом подробности моего пребывания, из Теберды пришел радиошифр, незамедлительно требовавший моего возвращения. Это означало, по видимому, что положение под Сталинградом ухудшилось» [2.С.279-280].

Возвратившись в Теберду, Э. Юнгер узнал от полковника фон Ле Сюира о начале масштабного отступления с кавказских позиций. Это было вызвано угрозой советского наступления, которое могло отрезать для кавказской группировки возможность отхода и создать кавказский котел. Поэтому командованием было принято решение о быстром выводе войск. Отступление начинали части 1-й танковой и 17-й немецких армий. Э. Юнгер передавал атмосферу быстрого, но не панического отступления. «На днях будут сданы позиции, завоевание которых стоило больше крови и усилий, чем способен вместить человеческий ум. Из-за спешности отступления многое бросают. Полковник приказал взорвать боеприпасы и уничтожить часть провианта; кресты сняли с могил, их следы заровняли» [2.С.280]. Вместе с немецкими войсками уходила и часть гражданского советского населения, в свое время брошенное властями на произвол судьбы и теперь вполне обоснованно опасавшаяся жестоких репрессий со стороны советских властей. Так, Э. Юнгер упоминает в дневнике о девушках, работавших в офицерской столовой. «Они плакали и говорили, что русские перережут им глотки; пришлось полковнику им найти местечко у троса». Тоже касалось и коренного населения, оказавшемся в не менее тяжелом положении. «Тут карачаевцы в своих черкесках, верхом на лошадях; они отгоняют скот или сворачивают в боковые долины. Эти люди в трудном положении, они встретили немцев, как освободителей, и теперь им придется, если только они не присоединятся к отступлению, укрываться в недоступных местах, чтобы избежать кровавой расправы. Самое страшное – постоянная смена властей, взимающих все более кровавую плату за частую смену заблуждений» [2.С.280, 282].

7 января 1943 г. Э. Юнгер вновь прибыл в Ворошиловск, где застал картину отступления, характерную как для штаба группы армий «А», так и для солдат и гражданского населения города. Посещение штаба группы армий произвело на него удручающее впечатление, но там он увидел всю глубину и серьезность складывающейся ситуации и понял, что его поездка близится к концу. «В штабе настроение было еще более подавленным, чем в войсках; дело в том, что здесь ситуация была яснее. Котел вызвал то состояние духа, какого еще не знали в прошлые войны нашей истории, - оцепенение, сопутствующее приближению к абсолютному нулю. Дело не в фактах, как бы ужасны они не были сами по себе, не в морозе и снеге, не в гибели среди массы трупов и умирающих. Речь идет о состоянии людей, верящих, что разгром неизбежен. В штабах лучше всего слышно шуршание набрасываемой сети, почти ежедневно кто-нибудь попадает в ее петли» [2.С.283]. Днем 8 января 1943 г. Э. Юнгер нанес визит главнокомандующему Э. фон Клейсту, которого он застал озабоченно склоненным над картой. Ему прекрасно была понятна направленность ближайших ударов Красной армии, и, стремясь упредить их, он начал вывод войск из планируемого советского капкана. «Ситуация для главнокомандующего чрезвычайно упростилась. Эта ясность носила, однако, демонический характер. Частные судьбы исчезли из поля зрения, присутствуя в то же время незримо в виде сгустившейся, невыносимо давящей атмосферы». В ходе этой прощальной беседы Э. фон Клейст проявил заботу о нем, обеспечив его быстрый отъезд из Ворошиловска. Э. Юнгер записал, что, выйдя от главнокомандующего, случайно встретил обер-лейтенанта Краузе. «Он ожидал самолет из Берлина и предложил мне вернуться вместе с ним. Пока мы об этом говорили, начальник отдела кадров при главнокомандующем сообщил мне, что в курьерском самолете, вылетающим завтра утром из Армавира, оставлено место для меня. Машина идет туда через два часа» [2.С.285].

В городе атмосфера грядущего отступления наиболее наглядно выражалась в поведении населения и резко увеличивающихся объемах торговли. «Население тоже беспокойно; на рынке появились припрятанные товары, цена денежных знаков растет. Русских денег жаждут остающиеся крестьяне, немецких – часть горожан, собирающихся присоединиться к

отступающим» [2.С.283-284]. В день своего отъезда из Ворошиловска 8 января он отметил: «С утра на рынке, полно народу. Ситуация располагает к продаже, так как легче увести деньги, чем товар. Еда обильна; растранижируют припасы. В садах я видел солдат, коптящих гусей; на столах громоздятся горы свинины. Я ощущаю панику, предвещающую близость Восточной армии» [2.С.285].

Доехав на автомобиле до Армавира, в шесть часов вечера 8 января 1943 г. он вылетел на блестящем зеленом самолете с названием «Globetrotter» («Путешественник» - С.А.) под управлением пилота из принцев Кобург-Готов. После дозаправки в Ростове, 9 января самолет приземлился в Киеве, откуда через сутки отправился в Лётцен. Поездка Э. Юнгера на Восточный фронт завершилась. Однако представляют интерес его наблюдения и рассуждения о войне на Востоке.

Первое упоминание о германо-советской войне относится к 24 июня 1941 г., когда он записал в дневнике: «Уже три дня мы находимся в состоянии войны с Россией; странно, как мало затрагивает меня эта весть» [3.С.41]. Видимо это было вызвано тем, что его место прохождения службы было в парижском штабе, и перспективы оказаться на Восточном фронте не было никакой. Продвижение вермахта вглубь территории СССР и стремительные победы, сочетаемые с масштабными территориями, захваченными германскими войсками, производили поражающее воздействие. Уже 8 октября 1941 г., когда вермахт вел бои на окраинах Ленинграда на северо-западе, овладел Смоленском и окружил в Вяземском и Брянских котлах силы двух советских фронтов в центре, ликвидировал крупнейший Киевский котел с миллионом солдат и офицеров на юге, Э. Юнгер записал о событиях на германо-советском фронте как «вызвавшие, вероятно, не только у меня своего рода духовный шок» [3.С.45]. Такой прорыв вермахта был просто ошеломляющим и создавалось ощущение того, что война может закончиться очень быстро, ведь до Москвы оставалось несколько сот километров. Следует отметить, что Э. Юнгер черпал информацию либо из информационных источников, либо, в большинстве своем, выстраивал картину происходящего на основе личных разговоров с приехавшими во Францию офицерами с Восточного фронта. В большей степени детализация особенностей войны исходила из этих разговоров. Остановка немецкого наступления на Москву и советский контрудар привнес с собой дополнительные картины войны. В первую очередь речь идет о бытовых и погодных сложностях жизни немецких солдат на Восточном фронте, неподготовленности служб тыла к ведению зимней войны. 2 января 1942 г. в вагоне купе он разговаривал с лейтенантом, прибывшим с Восточного фронта. «Его батальон потерял треть состава из-за обморожений, часть которых закончилась ампутацией конечностей. <...> К постоянной стрельбе добавился мороз со своими страшными ножницами» [3.С.72]. Он приводит информацию советского радио, прослушиваемой немцами. «Русские вчера сообщили, что когда с немецких военнопленных хотели снять сапоги, то они снимались вместе со ступнями. Таковы пропагандистские байки из этого ледяного ада» [3.С.82]. Его шурин Курт, находившийся на Восточном фронте, писал в письме, что «у него отморожены нос и уши. Они везут с собой молодых ребят, отмороживших ноги. <...> В своей последней сводке русские сообщают, что бои на этой неделе обошлись нам в семнадцать тысяч убитых и несколько сотен пленных. Лучше быть среди мертвых» [3.С.85]. Неготовность службы тыла к ведению зимней войны Э. Юнгер считал тяжелым преступлением командования и относил ее в будущем к одной из дискуссионных тем. Самоуверенность германского руководства и военного командования привела к бессмысленным военным потерям из-за обморожений. Он записал 18 января 1942 г.: «Особенно Герлах был осведомлен о нехватке зимней одежды на Востоке, что наряду с расстрелом заложников на Западе станет одной из главных тем для позднейших исследований, коснись они военной истории или военного суда» [3.С.80].

С зимы 1942 г. в записках Э. Юнгера начинают появляться зарисовки самой войны на Восточном фронте, которые он называл «каприччос» и старался просто зафиксировать, не оценивая и не комментируя, вместе с тем, иногда передает игривую манера рассказа рассказчика, давая намек на то, что в этом может быть и элемент фантазии. Так, в записи от 2 марта 1942 г. он приводит рассказы Грюнингера, командовавшего артиллерийской батареей 281-й пехотной дивизии. «281-я дивизия, выпущенная со скудным зимнем обмундированием и сразу почти уничтоженная морозом, получила название <астматической дивизии>». Картины зимней войны сочетались с циничными зарисовками. «На перекрещении траншей в положении стоя замерз комиссар, убитый немецким ефрейтором в рукопашной схватке. Этому ефрейтору часто приходилось сопровождать в походах по позиции приезжих офицеров и обычно он проводил их мимо того места, словно скульптор, показывающий свою работу». В отдельных его рассказах присутствовал нацистский стереотип восприятия большевиков как недочеловеков, что отразилось в такой зарисовке Грюненгера: «Одного русского полковника взяли в плен с остатками его полка, много недель проведенного в окружении. На вопрос, где он доставал продовольствие для части, тот ответил, что они питались трупами. На упреки в свой адрес, он добавил, что сам потреблял только печень» [З.С.103]. Фактически Э. Юнгер решил сохранить эти рассказы как оттиск войны, не давая им никаких оценок. Затем в мае он добавил в дневник еще один рассказ Грюнингера, который тот передал ему в письме: «После того как отбили атаку русского отряда, солдаты обнаружили среди мертвых труп семнадцатилетней девушки, фанатично сражавшейся во время боя. Никто не мог сказать, как это произошло, но на следующий день тело лежало в снегу обнаженным, и так как зима – блестящий скульптор, сохраняющий недвижимо живые формы, команда еще долго могла любоваться прекрасным телом. Когда позднее опорный пункт снова был отнят, добровольцы просились в патруль, чтобы таким образом снова взглянуть на чудесную статую» [З.С.120].

Вместе с такими зарисовками Э. Юнгер начинает фиксировать моменты, говорящие об ином характере войны на Восточном фронте. Они более реалистичны и сухи, но вместе с тем указывают на катастрофичность и ожесточенность борьбы. 18 февраля 1942 г. Э. Юнгер пишет: «Визит кавалера ордена Железного креста фон Шрамма, прибывшего с Востока. Массовое умирание в ужасных котлах пробуждает тоску по старой смерти – когда она не раздавливает человека» [З.С.96]. Поведение советских солдат характеризуется решительностью и героизмом, который вызывает непонимание Э. Юнгера, и в его словах присутствуют как осуждение, так и восторг. «Русские раненые, в течение долгих часов звавшие на помощь в лесу, вытаскивали пистолеты и стреляли в немецких солдат, пришедших за ними. Еще одно свидетельство того, что бои приобретают зоологический характер. Смертельно раненый зверь кусается, если до него дотянуться» [З.С.106-107].

Поездка на Кавказ дала ему возможность познакомиться и побеседовать с участниками боев, увидеть фронт своими глазами. Его убежденность в ожесточенности войны и ее ином характере по сравнению с Западным фронтом в полной мере подтвердилась. «Даже между регулярными частями борьба идет не на жизнь, а на смерть. Солдат отдает последние силы на то, чтобы не попасть в руки врага, и этим объясняется стойкость, с какой сопротивляются в котле (речь идет о Сталинграде – С.А.). <...> Противники не ждут пощады друг от друга, и пропаганда укрепляет их в этом сознании. Так, прошлой зимой сани с ранеными русскими офицерами захали по ошибке на немецкие позиции. Прежде чем обитатели траншеи заметили их, они подорвали себя гранатами. За пленными охотятся постоянно, чтобы заполучить как рабочую силу, так и перебежчиков. Партизаны же тем более стоят вне законов войны, если вообще о таковых еще может идти речь. Их обкладывают в лесах, подобно волчьим стаям. <...> Теоретически это выглядит весьма убедительно, на практике же неми-

нуемо ведет к тому, что поднимают руку на беззащитных. На самом деле подобное хладнокровие можно представить только в схватке со зверем или в войнах, которые ведутся между атеистами» [2.С.242-243]. Ожесточенность войны, вовлечение в нее иррегулярных сил разных возрастов и пола приводили только к усилению террора, а также к расширению репрессивных акций. Ситуация, когда солдаты могли испытывать опасность уничтожения со стороны любого человека любого возраста и пола меняло характер войны. Беспощадность войны приобретала еще большую беспощадность, поэтому Э. Юнгер с некоторым содроганием слушал одного саксонского генерала, который сказал: «Я считаю совершенно ошибочным мнение, что не следует ликвидировать захваченных с бандитами тринадцати-, четырнадцатилетних мальчишек. Из тех, кто, подобно им, вырос в лесу без родительского призора, уже никогда ничего путного не выйдет. Пуля – единственное правильное решение в таких случаях. Впрочем, русские так с ними и поступают. В доказательство он рассказал о фельдфебеле, из сострадания взявшего на ночь двух мальчишек девяти и двенадцати лет; утром его нашли с перерезанным горлом» [2.С.244-245]. Подобный характер ожесточения был особенностью этой войны. Э. Юнгер сделал акцент именно на это, а не идеологические или расовые моменты. Именно жестокость в отношении всех делала Вторую мировую войну уникальной войной в эпоху мировых войн. В записи от 28 февраля 1943 г. он сделал исчерпывающее объяснение этого: «В этом смысле война на Востоке приняла тот абсолютный масштаб, который Клаузевиц после опыта 1812 года не мог себе и представить, - это война между государствами и народами, война гражданская и религиозная с зоологическим уклоном» [1.С.303].

Ожесточенность войны влияла на поведение в отношении военнопленных. Еще в Париже Э. Юнгер услышал от парикмахера характеристику советским пленным, присланным на работы из лагеря: «Сволочи они все. Отнимают пищу у собак» [3.С.120]. Нахождение на Восточном фронте представило ему более ужасающую картину. В Кутаисе он пишет о Майвеге с его «минералогической бригадой», в которую он отобрал из лагерей русских пленных для восстановительных работ: «бурильщики, геологи, местные рабочие-нефтяники одной воюющей частью использовались на вокзале в качестве грузчиков. Их было пятьсот человек, из которых триста пятьдесят умерло на обочинах. Когда вернули оставшихся, умерло от истощения еще сто двадцать, так что осталось только тридцать» [2.С.273]. В Киеве он записал трагическую судьбу военнопленных киевского лагеря, подчеркивающую всю бесчеловечность нацистского отношения к военнопленным. «Обитатели большого лагеря заключенных, запертые там, питались вначале кониной, затем занимались каннибализмом и в конце концов умерли от голода» [2.С.286]. Возвращаясь с прогулки по Ворошиловску, Э. Юнгер сам увидел советских военнопленных, что в целом подтвердило ту картину, которую он себе представлял по рассказам других людей. Они расходились в деталях, но общий подход просматривался достаточно четко. Вот что он записал 7 декабря 1942 г.: «На обратном пути я проходил мимо группы пленных, работавших под присмотром на дороге. Они расстелили на обочине шинели, и проходящие клали туда иногда свои малые дары. Я видел бумажные деньги, куски хлеба, луковицы и помидоры, из тех, что здесь готовят зелеными в уксусе. Это была первая черточка человечности, увиденная мною в этих местах, если не считать нескольких детских игр и прекрасного товарищества среди немецких солдат. Но в этом эпизоде соединились все: жители в роли дающих, закрывающая на это глаза охрана и несчастные пленные» [2.С.237].

С началом подготовки отступления активизировалась антидиверсионная деятельность немецких войск и в плен попали бойцы диверсионных отрядов. Э. Юнгер не уточняет их судьбу, но для него важнее понять их природу, мотивацию действий. Действия диверсантов играли важную роль в усилении репрессий оккупационной администрации, с чем он сталки-

вался в Париже, поэтому стремление сравнить действия и природу этого явления в двух различных странах должно было помочь ему понять сущность самого явления. Э. Юнгер приводит рассказ офицера абвера армейской группировки о задержании одной из таких групп. «Офицер абвера армейской группы войск рассказал мне подробности об одном таком отряде, состоящем из шести человек: трех мужчин и трех женщин. Из мужчин двое были офицеры Красной Армии и один – радист; из женщин – одна радистка, другая – разведчица и стряпуха, третья – медсестра. Их захватили, когда они ночевали в стогу. Они не смогли выполнить задание по взрыву моста, так как парашют с взрывчаткой приземлился в деревне. Женщины-гимназистки служили в Красной Армии и были направлены на курсы диверсантов. После окончания курсов их посадили в самолет и вытолкнули за немецкой линией фронта, не ознакомив с заданием. Экипировка состояла из автоматов – один из них был и у медсестры, – а также рации, консервов, динамита и санитарной сумки. Человеческая черта: при аресте одна из девушек кинулась к русскому врачу, сопровождавшего бургомистра и немецких солдат, пытаясь его обнять и обращалась к нему как к отцу. Затем она заплакала и сказала, что он похож на ее отца. В этих людях оживают старые негиллисты 1905 года, разумеется в других обстоятельствах. Те же средства, те же задачи, тот же стиль жизни. Только взрывчатые материалы им теперь предоставляет государство» [2.С.284].

Жестокость выражалась в серии массовых убийств гражданского населения, о которых ему доводилось слышать. Причастность к ним айзацгрупп СС упоминается достаточно часто, но не единожды в его дневниках нет свидетельств об участии в этих акциях солдат вермахта. Его отношение к данным действиям исключительно отрицательное. Эта территория смерти табуирована для него, и к ним он относил «все те места, где поднимают руку на беззащитных и где пытаются действовать путем репрессий и акций массового уничтожения. Я, впрочем, не жду изменений. Все это в духе времени, хотя бы потому, что стало своего рода эпидемией. Противники в этом недалеко ушли друг от друга. Но, может, надо было бы исследовать эти места ужаса, в качестве свидетеля увидеть все и понять, кто они – участники или жертвы» [2.С.244]. Круг общения Э. Юнгера позволял ему фиксировать различную информацию, и в отличие от зарисовок о СССР, они сопровождались комментариями и оценками. Это вызвано тем, что тема массовых убийств волновала его в контексте преступлений политического режима, которые становятся чертой современности. «Так, генерал Мюллер рассказывал о чудовищных позорных акциях службы безопасности после взятия Киева. Снова упоминался туннель с отравляющим газом, куда завозили поезда с евреями. Эти слухи, и я записываю их в качестве таковых, но наверняка массовые убийства в огромных количествах имеют место» [2.С.273]. Портрет массового убийцы он приводит в записи от 30 марта 1942 г., в которой отражается кровавый путь айзацгрупп в Прибалтике. «Клаус Валентинер вернулся из Берлина. Он рассказал о жутком поддонке, бывшем учителе рисования, за кем тянулась зловещая слава руководителя команды убийц в Литве и других приграничных районах, ими было уничтожено бесчисленное множество людей. Согнав жертвы, их заставляли выкапывать массовые могилы и укладываться туда, затем расстреливали их слоями. До этого их обирали, оставляя на теле только рубахи» [3.С.115]. Юнгеровская оценка этих массовых убийств на территории СССР, совершенных нацистскими карательными отрядами, выглядит крайне осуждающей. Здесь можно отметить, что он проводил разделительную черту между солдатами и политическими убийцами, считая последних выразителями партийной политики. Для него эта была одна из отличительных черт Второй мировой войны, на которую следовало обратить внимание. Её разрушительное воздействие на человеческую природу огромно. «Дыхание этого мира палачей столь ощутимо, что умирает всякое желание работать, писать и размышлять. Злодеяния уничтожают все, людское пространство становится

нежилым, будто из-за припрятанной падали. При таком соседстве вещи теряют свою душу, вкус и аромат. Дух изнемогает на задачах, которые он ставит перед собой и которые могли бы его увлечь. Но именно вопреки этому он обязан бороться» [2.С.232-233].

Учитывая то, что одной из задач кавказской миссии Э. Юнгера было прощупывание позиции генералитета на предмет возможного вовлечения в антигитлеровский заговор, и он должен был составить стороннее впечатление об этом, представляет интерес его вывод, сделанный в ходе поездки. Наблюдения привели его к умозаключению о том, что офицерский корпус постигло «всеобщее оупение», превратившее их в пассивных наблюдателей или исполнителей государственной воли. Они лишены самостоятельности и политической решительности. Поэтому его поездка с этой стороны не внушала какой-то надежды на положительное решение. Видимо не случайно он сравнивал себя с Чичиковым. «Как Чичиков в <Мертвых душах> объезжал помещиков, так разъезжаю я здесь среди генералов и наблюдаю их превращение в рабочих-исполнителей. Надежды, что среди них появятся Сулла или хотя бы Наполеон, следует оставить. Они умеют только приказывать, их можно переставлять и заменять, как части в машине, используя любую деталь, которая поможет лучше» [2. С.256-257].

Чем же являлась кавказская поездка Э. Юнгера? Её странность и загадочность не объясняются Э. Юнгером напрямую. С учетом его служебного положения можно предполагать, что он был командирован туда как человек, которого кое-кто знал лично, но большинство знали, прежде всего, как писателя и хрониста Великой войны. Вполне допустимо, что он мог лично обсуждать сложное положение армии и вероятность какой-то военной диктатуры, но об этом он упоминает только раз. Нельзя исключать того, что в этой поездке была и туристическая составляющая, позволившая бы ему увидеть советский «рай». Несмотря на различные факторы, эта поездка сохраняет свою странность. Э. Юнгер старается посетить не только генералов, а рвется на передний край и попадает под артиллерийский удар. Его посещение передовой уже не связано с генеральскими проблемами. В этом было что-то личное, желание вновь почувствовать дыхание войны. Самым ценным в кавказской поездке были наблюдения, которые он с нее вынес. Поэтому нам представляется, что он был отправлен туда как наблюдатель. В дневнике нет никакого упоминания о реакции на его поездку. Вернувшись в Париж, он очутился в сердце военного заговора, так как разместить его на Востоке не представлялось возможным. И наверное какую-то роль в этом сыграла и его кавказская поездка. Но это лишь предположение, о котором сам Э. Юнгер предпочитает молчать.

Библиографический список

1. *Юнгер Э.* Второй Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/ Пер. с нем. – СПб., 2002.
2. *Юнгер Э.* Кавказские заметки// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/ Пер. с нем. – СПб., 2002.
3. *Юнгер Э.* Первый Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945)/ Пер. с нем. – СПб., 2002.
4. *Юнгер Э.* Семьдесят минуло: дневники 1965-1970/ Пер. с нем. – М., 2011.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

ПРАКТИКА ВИЗУАЛИЗАЦИИ В МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЕЗУИТОВ В НОВОЙ ФРАНЦИИ В XVII в.

Аннотация. Практика визуализации, т. е. использования зрительных (визуальных) образов в проповеднической и катехизаторской деятельности иезуитских миссионеров в Новой Франции XVII в., стала одним из основных способов передачи христианского послания ее туземным обитателям. Она показала себя наиболее эффективной на первых этапах контакта, когда знания языков и ключевых понятий аборигенных культур иезуитами были недостаточны. Но впоследствии миссионеры не оставляли этой практики, служащей, с одной стороны, укреплению христианского образа жизни неопытов, с другой – отвечая образности индейской ораторской традиции.

Ключевые слова: иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, визуализация, наглядность, проповедь, катехизис.

Fedin A. V. The practice of visualisation in Jesuit missionary work in New France in the 17th century.

Abstract: The practice of visualisation, i.e. the use of visual images in the preaching and catechetical activities of Jesuit missionaries in 17th century New France was one of the main ways of communicating the Christian message to its indigenous inhabitants. It proved most effective in the early stages of contact, when the Jesuits had little knowledge of the languages and key concepts of aboriginal cultures. But even later missionaries did not abandon this practice, serving, on the one hand, to strengthen the Christian lifestyle of neophytes, and on the other, to respond to the imagery of the Indian oratorical tradition.

Keywords: Jesuits, missionary activity, New France, visualization, visibility, preaching, catechism.

Когда иезуитские миссионеры прибыли в Новую Францию в семнадцатом столетии, они имели разработанную и эффективную стратегию культурного контакта – стратегию аккомодации (приспособления). Они полагали, что для успеха в донесении христианского послания коренным американцам, было необходимо изучить и использовать туземные языки и инкорпорировать в миссионерское учение достаточно туземных культурных концепций, доступных для интерпретации в христианском дискурсе. [1, p. 50-51] Чтобы достичь этих целей, иезуиты проводили интенсивные лингвистические и этнографические исследования [2, vol. V, p. 63; vol. XIV, p. 125; vol. XXXIX, p. 49; 3, p. 54], в то же время, одним из важнейших способов донесения христианского послания стало использование образов, обращенных ко всем чувствам туземцев и их воображению (практика визуализации).

В их руки миссионер вкладывал привлекательные серебряные и медные медали, кольца, распятия и четки как мнемонические устройства, наглядно иллюстрирующие и закрепляющие в их памяти его устное выступление, выполняя тем самым аналогичную их собственным вампунам, целительным палочкам и проч. функцию. Их носы ощущали таинственный аромат ладана. Их губы касались освященных лепешек. Их глаза созерцали огромные кресты, освещенные свечами алтари, богато декорированные шелком и серебром, украшенные парчой ризы и образы главных деяний в драме христианства. Их уши внимали звучным гимнам и пению, звону колоколов и бесконечному потоку индейских слов, звучащих быстро и ритмично на туземный манер. [4, p. 70-71] Будучи убежден, что «чтобы обратить эти народы, нужно начинать, касаясь их сердец прежде, чем он сможет убедить их разум», иезуитский миссионер стремился добиться их расположения, ловко используя лесть, подарки, насмешки, оскорбления, «мягкость и силу, угрозы и молитвы, труды и слезы» [3, vol. LIII, p. 203-205], т. е. стремясь вызвать эмоции, пробудить интерес, как основу дальнейшего планомерного наставления уже в сфере разума.

Итак, иезуиты использовали визуальные образы, чтобы наставлять в вере. Обращение образом имеет корни в *Духовных Упражнениях* Лойолы. Иезуитский основатель поощрял новициев к практике умственного представления (визуализации) центральных библейских тем, реликвий, изображений и украшений, выступавших сенсорными пособиями для духовного обуче-

ния. Римский католицизм, особенно контрреформационный, очень визуален, и иезуитские педагоги стремились наставлять своих учеников, обращаясь к полному диапазону *sensorium*.

Иезуитские миссионеры использовали картины, чтобы инструктировать индейцев с самого начала миссии в Акадии в 1611 г.: «Дикари видели нас молящимися, отправляющими мессу и проповедывающими; посредством наших бесед, картин и крестов, нашего образа жизни и других подобных вещей, но и восприняли первые смутные идеи и элементы нашей святой веры...», - сообщал первый настоятель акадийской миссии о. Пьер Бьяр. [3, vol. II, p. 51] Эту же практику продолжили и в Квебекской миссии с 1625 г. [3, vol. V, p. 225; Vol. VII, p. 149] Иезуиты наставляли местных индейцев-монтанье первоначально «посредством глаз и ушей,... показывая им наши обычаи и церемонии и приучая их к этому». [3, vol. IV, p. 87]

Только то, что миссионеры подразумевали под «верой», оказалось объяснить труднее, чем они ожидали, частично, потому что у них самих было несколько двойственное отношение к ней. С одной стороны, иезуиты были убеждены, что основных статей христианской веры было немного и они были просты, «так как Бог повелел нам не делать ничего, что не было бы абсолютно разумным». С другой стороны, они характеризовали эти статьи почти все как «тайнства», которые не могли быть полностью объяснены туземцам без искушенного знания их языков. И даже в этом случае это почти невозможно, ибо «наши истины», говорил отец Лежён, «более новы для этих варваров, чем алгебраические вычисления для человека, который может считать только до десяти». В интеллектуальных способностях индейцев, однако, никогда не сомневались; лишь новизна и сложность христианского кредо ставили барьеры туземному пониманию. [5, p. 105] Здесь и должна была помочь наглядность, ибо, как отмечал иезуитский писатель Ф. Дюкре: «Индейцы не могут воспринять ничего бестелесного». [6, vol. I, p. 118]

Наглядность очень помогала при катехизисе и в проповеди: «Когда Отец объяснял какой-либо пункт, все загибали соответственно свои пальцы. Приятно видеть, как они разом поднимают руки вверх и сгибают пальцы, согласно числу суждений, которые он сделал; и поскольку их не всегда хватало, чтобы помочь памяти, большинство из них рисовали знаки на кусках коры красной краской. Наконец, они убедили Отца самому представить на бумаге то, что он объяснял им. Каждый, видя бумагу, прикрепленную наверху в хижине, пожирал ее глазами; Отец палкой показывал им, что означали каждый знак или фигура. Этот метод, соединенный с их пылом и доброй волей, заставил их понять тайны нашей святой Веры». [3, vol. XXIV, p. 95-99]

После нескольких лет среди гуронов Шарль Гарнье оказался весьма чувствительным к эстетическим предпочтениям туземцев. В 1645 г. он представил длинный список картин, крайне нужных миссионерам, включая красивого, 18-летнего безбородого Иисуса, Иисуса на кресте, проклятой души, блаженной души. Поскольку это очень нравилось индейцам, он просил несколько изображений ребенка Иисуса, обнимающего колени Девы, которая носит корону на голове, держит скипетр в правой руке и Землю в левой.

При этом, самым важным для Гарнье были культурные детали картин. Поскольку многие индейцы долго считали, что нарисованные люди были живыми, способными, следя за ними глазами, порицать вероотступников, портреты должны были быть нарисованы в фас с открытыми глазами. Тела должны были быть только полуприкрыты, головы обнажены, волосы прямые и хорошо расчесаны, бороды отсутствовать. Отвлекающий пейзаж должен быть минимальным. Иисус, Мария и блаженные души должны все быть белыми; другие должны быть одеты в ярко красный или синий цвета, любимые туземцами цвета европейских тканей, но не в зеленый или желтый. Проклятая душа должна быть «горелой и черной» от огня, ее волосы растрепаны, глаза бесцветны, а рот широко раскрыт в агонии, ее руки, ноги и тело опутаны раскаленными цепями. Ужасный, чешуйчатый дракон должен переплести ее тело, в то время как два сильных и страшных демона бьют ее железными гарпунами, а третий снимает скальп. [7, vol. VI, p. 264-266]

Одновременно, вместо того чтобы сетовать на редкие и часто неадекватные поставки из Франции, иезуиты взяли артистические дела в собственные руки, рисуя и раскрашивая собственные дидактические образы. Жан Пьеррон, миссионер у могауков в конце 1660-ых, писал, что в серии нарисованных им картин, «наши индейцы видят выразительное представление того, чему я учу их, чем они более сильно впечатлены». Одна картина в особенности привлекла любопытную толпу: «смерти набожного и безбожника», предназначенную, прежде всего, тем, кто отказывался общаться и слушать миссионеров. В одной части картины иезуит поместил набожного христианина, который, сжимая крест и четки, поднимается ввысь с помощью ангела. В нижней части он нарисовал старуху, согнутую возрастом, которая затыкает свои уши перед миссионером, пытающимся показать ей Рай. «Но там выходит из Ада Демон, который хватает ее руки, и помещает свои собственные пальцы в уши этой умирающей женщины, душа которой унесена тремя Демонами; в то время как Ангел, выходя из облака, с мечом в руке, сбрасывает их в бездну». После того, как священник объяснил свою картину жителям, утверждал он, «не нашлось ни одного человека, кто посмел бы сказать, "я не слышу"». [5, p. 114-116]

Важнейшей частью христианского миссионерского послания было предупреждение о гонимой огненной, адском наказании для всех нераскаявшихся грешников. Иезуитский суперитор о. П. Лежён отмечал: «Страх - предшественник веры в этих варварских умах». [3, vol. XI, p. 89] По сравнению с эмоциональной драмой Ада, вечные райские блаженства занимали относительно меньшую часть в иезуитском наставлении, возможно и потому, что индейцы расценивали свою традиционную «землю мертвых» как более привлекательную в чувственном и физическом планах. Цель иезуитов состояла в том, чтобы отвратить туземцев от их языческих религиозных и культурных традиций, угрожая им более ужасной судьбой, нежели они когда-либо могли себе вообразить. Как убеждал Лойола, грешникам нужно было преподавать «рабский страх» перед Божественным Величием прежде, чем они будут способны к «благодарному» или «сыновнему» страху, основанному на «реальном и святом ужасе» перед грехом [8, с. 120]. Иезуиты считали, что их цель была достигнута, когда туземцы заканчивали молитвы словами, «Не дай мне гореть вечно в Аду».

Лойола также наставлял новичков в их первой неделе духовных упражнений рисовать умственную картину «длины, широты, и глубины ада», в котором они могли видеть «огромные языки пламени, и души [осужденных], как бы заключенные в раскаленные тела», услышать «упреки, плач и вопли, предание проклятию Иисуса Христа и святых Его. Почувствовать запах дыма, серы, разложения и гнили. Внутренне ощутить горькое – слезы, скорбь и угрызение совести. Представить, что мы сами осязаем этот огонь, как он прикасается к душам и сожигает их». [8, с. 38-39] Канадские протезы Лойолы, справившись с этим методом в семинарии, призывали индейских новообращенных делать то же самое, представляя перед ними незабываемые образы подземного мира, выполненные по всем канонам барочного искусства.

Согласно иезуитскому историку XVIII столетия, многие индейцы первоначально отказывались в вере евангелию, потому что думали, что такой сильный огонь как в Аду потребует невероятного количества дров, и отцы заявляли, что нижний мир не имел леса, и горел сам по себе. Чтобы остановить их насмешки, изобретательный священник предложил продемонстрировать перед всеми, что сама земля могла гореть. Он показал глыбу серы назначенным судьям, которые объявили, что это была, конечно, земля. Затем он бросил немного кусочков от глыбы в котелок тлеющих углей. Каждый раз сера взрывалась в пламени, и «наполняла любопытные носы душистым запахом». Впредь они «верили слову Божьему, что есть подземный мир».

Миссионеры тренировали туземные уши так же, как туземные носы. В 1640 г. в Квебеке была поставлена пьеса в честь рождения дофина. Чтобы местные индейцы могли извлечь некоторую выгоду из этого, губернатор пригласил иезуитов вставить то, что могло «поразить их гла-

за и уши». Священники добавили сцену преследования души неверующего двумя полгонкински говорящими демонами, которые, наконец, швырнули ее, «бичуя и вопя», в «ад, из которого вырывалось пламя». Как с удовлетворением отметили священники, туземные зрители отправились домой навстречу «ужасающим кошмарам». [3, vol. XVIII, p. 85-87]

Все эти действия были эффективны, но не всегда применимы в полевых условиях, в которых работало большинство миссионеров. Иезуиты поэтому разработали методику использования гравированных или нарисованных картин, иллюстрирующих главные христианские персонажи и события. Ад был особенно подходящим сюжетом для такой методики из-за ярких цветов и сильных эмоций, которые он вызвал в воображении. [9, p. 85-87: plates 2, 10, 12, 23 и 24] И картины Ада заполнили договоры с индейскими союзниками Новой Франции, потому что пробуждали воспоминания о пламенной пытке в руках ирокезов. Когда туземцы поймали ирокеза и подвергли его подобной пытке, иезуиты не замедлили сказать, что все то, что переносил ирокез, было лишь «очень грубой картиной муки, переносимой погибшими душами в Аду».

В 1637 г. отец Лежён использовал картины Ада, которые изображали скованные души, «обезумевшие от боли»: «Еретики [протестанты] очень заблуждаются, осуждая и уничтожая образы, которые имеют столь хороший эффект», писал он. «Эти священные картины - половина наставления, которое любой может дать индейцам». Заказав некоторые картины Ада и погибших душ, он был, однако разочарован, что посланные были на бумаге, а не на ткани, и слишком запутаны. «Черты настолько смешаны с людьми, что ничего нельзя толком разглядеть, если не изучать очень внимательно. Если бы кто-нибудь изобразил три, четыре или пять демонов, мучающих одну душу различными видами пыток, - один подносит к ней факел, другой змей, еще один сжимает ее раскаленными клещами, другой опутывает ее цепями, - это имело бы хороший эффект, особенно если бы все было очень четко видно, и если бы гнев и страдание были явно проявлены на лице погибшей души». На практике это реализовывалось чрезвычайно просто: Лежён принес несколько картин одному из язычников: «Смотри», сказал он, «вот - изображение тех, кто не верил; видишь, как они закованы в железо, как они находятся в огне, как обезумели от боли; вот другие, которые идут на небо, те, кто поверил и повиновался тому, кто сотворил все». [3, vol. XI, p. 87-89]

Иезуиты создавали и пугающие ментальные картины, исходя из их знания индейских культур. Вообразите, например, эффект следующего пассажа на родителей, препятствующих крещению своих детей: «У человека есть несколько детей. Его дети красивы и все выросли. Возможно, он не смог их защитить, и они убиты. Не осталось никого. Увы, он - старик. Каковы будут его мысли? Будет ли он сожалеть о своих детях? Вы вынудили их навсегда потерять возможность попасть на небо, где они могли иметь все, что пожелают. Сравните... вы не причинили бы ущерба старику, если бы убили детей, которых он родил. Лишь одно может быть названо великой жестокостью, когда вы жестоки к своим детям, удерживая их вдали от неба, отвергая желание Господа их крещения». [10, p. 674-675]

Главным источником иезуитов для их пугающих образов было их знание туземных верований и практик, связанных с войной и пыткой, миром война. Они достигли этого в значительной степени, превращая христианских духовных персонажей, таких как Бог, Иисус, Дьявол и его демоны, в настоящих воинов, превосходящих в силе и жестокости своих индейских коллег. Эти милитаристские образы типичны для иезуитов, поскольку также были частью Духовных Упражнений. Одним из самых важных из духовных упражнений было Два Штандарта, в котором новичий был призван вообразить армии Христа и Сатаны в смертельном бою и идентифицировать себя в воображении, и стать одним из призванных под знамя Христа. [11, p. 32]

Христианство семнадцатого столетия не было пацифистским, и иезуиты не прививали подобного своим новообращенным; они гордились доблестью своих индейских неофитов. Мис-

сионеры осуждали убийство детей, пытки и каннибализм, но без особого успеха, кроме того, что смогли ограничить участие своих новообращённых в таких деяниях. [12, p. 160-161] Вся христианская история разворачивалась как сражение между противостоящими сторонами: Бог против Дьявола, иезуит против шамана, обращенные против язычников. Но в отличие от иезуитских образов в самой Франции, военные метафоры в Канаде заимствовались не из европейских источников. Для главных тем пытки, мести и т. д. миссионеры демонстрировали прекрасное знание туземной войны. То, что их аналогии сознательно использовали знакомые туземцам события, особенно те, которые имели большой престиж, были одним из факторов превосходства иезуитов, как трансляторов новой веры. [5, p. 110]

Но иезуиты должны были создать четкую дистанцию между индейскими и христианскими концепциями пытки, как иллюстрации адских мучений. Индейские воины приучались с юности противостоять боли и готовиться к возможности быть когда-нибудь сожженным и искромсанным их врагами. Их культурный идеал не позволял молить о пощаде во время пытки, но петь свою песнь смерти и проклинать врагов. [13, p. 158-159; 3, vol. X, p. 57; vol. XVIII, p. 31] Тот, кто поступал так, получал восхищение своего племени и признание и уважение своих мучителей. Иезуиты не хотели, чтобы туземцы думали, что адские пытки могли быть преодолены храбростью, или что теми, кто оказался неустрашим в аду, будут восхищаться. Они подчеркивали, что огонь в аду и тот огонь, который используется для пытки пленников на земле, были весьма различны, и они подчеркивали, что не могло быть никакого восхищения храбростью в аду: «Огонь в земле не походит на огонь, на котором вы сжигаете пленников. Ваш огонь горит сильно только там, где он разожжен. Тот огонь, который горит в земле, не таков. Это - проникающий огонь. Ваш огонь медленно ест плоть, сначала съедая кожу снаружи. Вскоре после этого, огонь проникает во внутреннюю часть тела. Часть за частью он продвигается, этот огонь. Сначала он готовит плоть, затем прогрызается сквозь нее. Огонь покрывает все, и затем медленно продвигается, постепенно проникая внутрь. Но огонь, который горит в земле сразу распространяется по всему телу и в каждую кость. В тот момент, когда огонь возникает где-нибудь, он распространяется повсюду и остается там. Внутри никакое место не будет пропущено. Вы горите повсюду одинаково, и снаружи, и внутри». [10, p. 641-642]

Иногда подчеркивается проникающая способность огня, развивая туземную практику использования кипящей воды в пытке [3, vol. XXXIV, p. 27-29, 145]: «Горячая кипящая вода будет влита в их уста. Немедленно они загорятся во многих местах: в чреве, кишечнике, печени, сердце, легких, всюду... Пламя проникнет через все их тела, включая их внутренние органы. Кровь закипит в их венах. Их мозги закипят в головах. Кипение никогда не закончится». [10, p. 614]

Иезуиты говорили о двух других аспектах огня в аду, которые делали его более страшным, чем огонь, которым индейцы обыкновенно пытали пленников. Адский огонь не мог быть погашен, и он полностью уничтожал то, что жег. Горение и боль, которую он производил, никогда не заканчивались: «Огонь, на котором мы горим, гаснет. Даже если пламя высоко, оно исчезнет, если мы выльем много воды на него. Но когда оно горит под землей, даже если мы выльем вниз столько воды, сколько хватило бы для целого озера, горело бы оно еще? И если бы несколько гор снега упали под землю, то уменьшили бы они горение? Оно не было бы погашено. Оставьте любые подобные надежды. Гора снега сгорела бы. Озеро сгорело бы... Когда мы сжигаем мертвых, пламя гаснет, когда огонь наедается. Без дров огонь умирает. Будет также с огнем в земле? Огонь ненасытен там. Вам не нужно подкидывать дрова для него снова. Этот огонь удивительной природы. Если вы бросите палки в него, они будут гореть вечно и не сгорят. И люди, они горят во всех местах, когда попадают в огонь. Это - ужасная вещь, этот огонь. Они даже не сгорят в нем. Они будут гореть во всех местах в отчаянии. Это похоже на то, когда в

огонь бросают топор. Немедленно топор раскаляется; он горит и находится в огне. Однако он не сгорит. Несколько лет могут пройти и когда вы возьмете топор из огня, он даже не будет слегка испорчен». [10, p. 642-643]

Эффект такого рода посланий и образов не мог не вызвать аффекта в состоянии туземца, который миссионеры профессионально конвертировали в обращение: «Дикарь был поражен вещью, которая почти отняла его речь. Он увидел картину Нашего Господа,двигающегося на него, смотрящего гневно на него, и шевелящего губами так, что ужасал его. Этот варвар быстро остановился, и не мог продолжать свою молитву. ‘Я желаю быть христианином’, продолжает этот Катехумен; ‘крестите меня; почему отсрочивают так долго? Пока я не буду в милости у Бога, я боюсь, что он накажет меня’. Он был торжественно крещён». [3, vol. XIX, p. 203-205]

Но первоначальная реакция на наглядные пособия иезуитов со стороны индейцев могла быть и обратной ожидаемому эффекту. В Гуронии в период массовой смертности из-за эпидемий (1630-е гг.) миссионеры, крестившие только умирающих, прочно ассоциировались со смертью, вредоносной магией, и образы, которые они использовали в своих проповедях, весьма способствовали этому: «Ходят слухи, что для колдовства мы используем образы наших Святых, - сообщил настоятель Гуронской миссии Лемерсье, - что, когда мы показываем их, некая заразная сила исходит оттуда, проникая в грудь тех, кто смотрит на них, и поэтому они не должны удивляться, заболев впоследствии». [3, vol. XIV, p. 53; ср. vol. XII, p. 237] «Мы показали превосходное представление суда, где были изображены проклятые, - продолжал он, - некоторые со змеями и драконами, разрывающими их внутренности, и многие с разными орудиями их наказания. Многие получили некоторую пользу от этого зрелища; но некоторые убедились, что это множество людей, отчаянных, и нагроможденных один на другого, были все те, кого мы умертвили в течение этой Зимы; что этот огонь представлял высокие температуры этой пагубной лихорадки, а эти драконы и змеи - ядовитые звери, которых мы использовали, чтобы отравить их». [3, vol. XIV, p. 103]

Позднее, обращенные индейцы часто сами вставали на путь прозелитизма среди своих соплеменников и соседей, используя те же самые методы визуализации: один из первых гуронских неофитов Амантача просил у иезуитов «дать ему маленькую книгу с картинками тайн нашей Веры, чтобы он мог показать их людям своего племени и таким образом получить возможность учить их». [3, vol. V, p. 245]

Опыт иезуитской миссии в Новой Франции показал, что визуализация миссионерского послания посредством наглядности (прежде всего, картин) и иных чувственных раздражителей (включая слух, обоняние и проч.), особенно на ранних этапах этнокультурного контакта, является эффективным средством воздействия на традиционные религиозные представления, от простого удержания внимания потенциальных новообращенных до попыток объяснения сложных концепций христианского вероучения.

Библиографический список

1. *Jaenen C.J.* Friend and Foe: Aspects of the French-Amerindian Cultural contact in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Toronto, McClelland and Stewart, 1976. 201 p.
2. *The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R.G. Thwaites. Vol. I-LXXIII. Cleveland, The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901.*
3. *Dickason O.P.* The Myth of the Savage: And the Beginnings of French Colonization in the Americas. Edmonton, University of Alberta Press, 1984. 372 p.
4. *Axtell James.* The European and the Indian: Essays in the Ethnohistory of Colonial North America. New York, Oxford University Press, 1981.

5. *Axtell J.* The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. N. Y., Oxford University Press, 1985. 389 p.
6. *Du Creux F., SJ.* The history of Canada or New France / ed. by J.B. Conacher. Vol. I-II. Toronto, Champlain Society, 1951-1952.
7. *Monumenta Novæ Franciæ* / ed. par L. Campeau, SJ. Vol. I-IX. Roma, Québec, Montréal, Bellarmin, 1967-2003.
8. *Лойола Игнатий*, Св. Духовные Упражнения // Символ. Париж, декабрь 1991. № 26. С. 15-122.
9. *Gagnon François-Marc.* La conversion par l'image. Un aspect de la mission des Jésuites auprès des Indiens du Canada au XVIIe siècle. – Montreal, Les editions Bellarmin, 1975.
10. *Potier P.* Manuscripts: Rev. Fr. Pierre Potier. MS. III, Extraits de l'Évangile // The Fifteenth Report of the Bureau of Archives for the Province of Ontario for the Years 1918-1919. Toronto, The Ryerson Press, 1920. P. 457-688.
11. *Grant J.W.* Moon of Wintertime: Missionaries and the Indians of Canada in Encounter since 1534. Toronto, University of Toronto Press, 1984. 315 p.
12. *Moore J. T.* Indian and Jesuit: A Seventeenth Century Encounter. Chicago, Loyola University Press, 1982. 267 p.
13. *Sagard G.T.* The Long Journey to the Country of the Hurons / ed. by G.M. Wrong. Toronto, The Champlain Society, 1939. 480 p.

Сведения об авторе:

Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и международных отношений Брянского Государственного университета им. академика И.Г. Петровского доцент, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. E-mail: avfedin@yandex.ru

Социальная история

УДК 944.04.1.

С. Ф. Блуменау

СОСЛОВНЫЙ СТРОЙ, СЕНЬОРИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НИХ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: Данная статья посвящена изменению восприятия двух опор традиционного французского общества – сословного строя и сеньориального режима. Критика Старого порядка и его институтов сетью неформальных объединений ориентировалась на идеи Просвещения.

Ключевые слова: сословный строй, сеньориальный режим, третье сословие, привилегированные, Просвещение, общественное мнение.

Blumenau S.F. Estates system, seigneurialism and ideas about them in pre-revolutionary French society

Abstract: The article deals with the changes in the perception of the two pillars of the traditional French society - the estates system and the seigneurialism. Criticism of the Old Regime and its institutions by a network of informal associations was guided by the ideas of the Enlightenment.

Key words: estates system, seigneurialism, Third Estate, the privileged, Enlightenment, public opinion.

Сословный строй и сеньориальный режим оставались на протяжении веков фундаментальными основами традиционного французского общества. Идеологи Просвещения поставили под вопрос само их существование. Но были ли заявленные ими перемены достижимы в исторической действительности, либо речь шла об очередной, пусть и интересной утопии? Тому, как в оспаривание институтов Старого порядка вовлекались все новые общественные объединения, как возрастала разрушительная мощь их политической критики, которая подвела Францию к великим преобразованиям конца XVIII века, посвящена данная статья.

Французское общество Старого порядка оставалось строго иерархизированным. Население страны разделялось на три сословия: «молящихся», вобравших в себя духовенство; «сражающихся», олицетворявших собой дворянство; и «работающих», составлявших громадное большинство. Сословный строй при всех его особенностях был в XVIII веке не схемой, а реальностью, охраняемой властью. От него зависел доступ к государственным должностям. Он ставил людей в неодинаковое положение к закону и судебной системе, предполагал разную налоговую нагрузку, освящал неравноправие в повседневной жизни.

Высшие государственные посты почти исключительно доставались представителям привилегированных сословий - духовенству и дворянству. В течение последних 70 лет до Французской революции только три выходца из разночинной среды (ротюрье) становились министрами [8. С.60]. Ведущие сановники на местах, коими фактически являлись главнокомандующие провинций, поголовно принадлежали к дворянству. Наместниками монарха - интендантами - за весь предреволюционный период правления Людовика XVI делались только дворяне. По большей части это были магистраты, чьи предки анноблировались (одворянивались) в разные времена. Любопытно, что сравнительно давно вошедшей во второе сословие стала семья интенданта Лимузена, а позднее генерального контролера финансов страны известного реформатора Тюрго – маркиза д Ольн. [2. Т.2. С36-3].

Доминируя в государственном аппарате, дворянство господствовало и среди прелатов церкви. Из 130 епископов кануна революции лишь один вышел из разночинцев [14. Р.25].

Казалось, что в армии шансы на продвижение были у простолюдинов большими, чем в других сферах. Но французский генералитет на три четверти состоял из титулованных лиц. Со временем все труднее становилось пробиться в офицерский корпус. Начинаясь рядовыми после долгих лет усердной службы простолюдины могли сделаться унтер-офицерами и даже офицерами, но не поднимаясь, как правило, выше капитанского чина.

Один из королевских эдиктов XVIII в. предусматривал возведение за военные заслуги даровитых и энергичных плебеев в личное и потомственное дворянство. Но «аристократическая реакция», проявившаяся в армии в связи с законом Сегюра от 1781 г., поставила крест на карьерных амбициях молодых простолюдинов. Согласно ему, офицерами впредь могли стать лишь дворяне, как минимум, в четвертом поколении.

Сословный строй и проистекавшие из него особенности парадоксальным образом дискриминировали и дворянство. Нельзя было предаваться занятиям, порочащим соответствующий статус. К ним изначально относилась вся торгово-предпринимательская деятельность. Но с 1669г. дворянам разрешили морскую торговлю, с 1681- отрасль вооружений и судостроение, с 1701- оптовую торговлю, и наконец, с 1767- банковское дело и мануфактурное производство [24. Р. 18]. Принадлежность ко второму сословию оставалась несовместимой с мелкой торговлей, ремеслом и обработкой чужой земли. В Бретани подобный разрыв с сословными предписаниями влек за собой временное «отстранение» от высокого положения. В таком случае дворянство считалось «уснувшим». Часть дворянского «плебса» выступала даже в роли сельского пролетариата [22.Т.2 .Р.1251].

Конечно, преимуществ от дворянского звания было намного больше. Правосудие применялось к выходцам из второго сословия иначе. Дворян не подвергали телесным наказаниям. Их уголовные дела не рассматривались в низших судах, а уже в первой инстанции передавались в судебные округа. Более серьезные правонарушения и апелляции разбирались парламентами – высокими суверенными судами. Да и наказания за схожие преступления не были одинаковыми. Дворян не приговаривали к повешению, считавшемуся позорным, а обезглавливали.

Дискриминационные порядки в отношении третьего сословия вырисовывались и в фискальной сфере. Главный и наиболее тяжелый из прямых налогов - талья - падал почти исключительно на простолюдинов. В разное время по монаршей милости от него избавилась часть буржуа и ряд городов, но требуемая государством общая сумма не уменьшалась. Налог ложился в основном на плечи многострадального крестьянства. Оно же в составе третьего сословия несло государственную дорожную барщину и расходы на постой войск, от чего привилегированные были избавлены.

Но это не означало, что дворянство вовсе не платило налогов. В 1695 г. «Король-Солнце» ввел подушный налог - капитацию, уплачиваемую и вторым сословием. Война за Испанское наследство в начале нового столетия вызвала к жизни десятину, которую вносили разночинцы и дворяне. В середине века генеральный контролер финансов при Людовике XV Машо заменил этот налог военного времени на постоянный и всесословный - двадцатину. Духовенству при поддержке придворной «партии набожных» удалось отбиться от нового налога, но дворянство подпало под его действие. Благодаря тому, что декларации дворян практически не проверялись, они приуменьшали свои доходы и сэкономили немало средств. Особенно преуспела знать: принцы крови вносили ежегодно в качестве двадцатины 180 тыс. ливров вместо причитавшихся 2,4 млн.[10.С. 25]. Впрочем, на юге страны дворянам приходилось отдавать государству и реальную талью, которой здесь облагались все земли недворянского статуса независимо от сословной принадлежности их нового владельца.

Особым являлось положение первого сословия, в принципе освобожденного от фискального бремени. Но в действительности оно обязывалось вносить в казну «добровольный дар». Он составлял ежегодно значительную сумму в 4-6 млн. ливров [16.Р.187; 20. Р.225]. Но и годовой доход церкви никак не был ниже 110 млн., зато нередко достигал 170-190 млн.[12. С.168]. Часто опускают важнейший момент: «добровольный дар» платили не напрямую за счет средств, полученных от церковной десятины, а регулярно одалживаясь у короны. Задолженность эта достигла в 1785г. 140млн.[15.Р. 232]. Большие богатства церкви в сочетании с растущим долгом перед казной вызывали не только неприязнь третьего сословия и зависть дворянства. И те и другие ожидали от священнослужителей серьезных экономических уступок перед лицом бедственного положения государства, включая согласие на частичную секуляризацию церковных имуществ. Привыкшие выходить «сухими из воды» высокие духовные лица заняли бескомпромиссную позицию, которая дорого обойдется Церкви в грядущей революции.

Отличия привилегированных от простолюдинов бросались в глаза и в повседневной жизни. Только дворяне могли носить шпагу, имели гербы и титулы. Одежда тоже выдавала статус человека. В торжественных процессиях и церемониях отчетливо прослеживалось положение отдельных групп общества и каждого индивида [5. С.137-147]. В иерархизированном мире Старого порядка знакам почитания уделялось большое место: любое умаление прерогатив способно было вызвать конфликт.

Далеко не всегда внимание к сословным различиям носило естественный и мирный характер. Нередко амбициозные представители дворянства вели себя бесцеремонно в отношении простолюдинов. Они могли «выбросить» из ложи театра людей, законно приобретших места, как это было с известным революционером А. Барнавом и его матерью, а могли и приказать своим слугам избить показавшегося недостаточно почтительным простолюдина.. Подобные случаи врезались в память оскорбленных и, порой, определяли их поведение в революционных событиях.

Наряду с сословным строем другим системообразующим элементом традиционного французского общества являлся сеньориальный режим.

Крестьяне владели наследственными держаниями от сеньоров и за это были обязаны им повинностями и платежами. Почетным показателем сеньориального достоинства был денежный оброк – ценз. Отсюда - название крестьянского держания - цензива, владелец которого соответственно именовался цензитарием. Будучи лично свободными, цензитарии отличались степенью поземельной зависимости от сеньора.

Более благоприятной для них была обстановка на севере страны. Крестьяне бесплатно передавали свои участки по наследству и обменивали их. Залог земли под коммерческую ссуду требовал внесения сеньором сумм, взимаемых и за продажу участков. В северной Франции они были обычно фиксированными и приносили сеньории 1/12- 1/13 стоимости сделки. Невнесение ежегодных платежей не влекло драматических последствий в виде конфискации земель или ареста имущества. Применялось лишь временное отстранение от работ, причем сеньор не мог завладеть урожаем. Да и сами платы по сеньориальным правам были незначительными: в нормандских областях Ко и Бре они едва достигали 2-3% от крестьянских доходов.[19. С.52; 18. Р.357]. Положение было схожим в Иль – де- Франсе и в ряде районов Пикардии. Владельческие права цензитариев на Севере укреплялись и расширялись; они не только считались собственниками по податным документам, но и сами осознавали себя таковыми.

Ситуация выглядела иной на большей части территории страны: на Юге и в Центре, на Северо-Западе – в Бретани, Пуату и Шаранте, на Востоке- в Бургундии и Франц-Конте.

Продажи держаний сопровождались здесь произвольными платежами в пользу сеньоров, которые, не опускаясь ниже 1/6 этой стоимости этих операций, часто достигали четверти или даже половины ее цены, что делало землю «недвижимой».

Задержки с внесением ежегодных платежей грозили большими неприятностями, а в Ниверне и Бурбонне за долги следовало лишение цензивы. Сами повинности отнимали у держателей от 15 до 20% урожая, а то и больше (1.С. 37). Таким образом, в указанных регионах, в отличие от Севера, цензитарии мало напоминали собственников.

Ко времени революции не все крестьяне оказались лично свободными. Часть из них испытывала сложности со вступлением в брак, не могла свидетельствовать в суде против своего сеньора, облагалась особой сеньориальной тальей. Таких селян было немало в центральной и восточной Франции. Главным признаком личной зависимости являлось право мертвой руки (мэнморт). Подпадавшие под его действие могли передать держание и имущество только прямым потомкам мужского пола, проживавшим вместе с ними. В отсутствие таковых все наследство доставалось сеньору. От личной зависимости избавления не было. Остальные сервы (не мэнмортабли) могли уйти от зависимости: в одних местах, бросив свою землю, в других, - оставив вдобавок еще две трети движимого имущества. Наиболее сурово с ними обходились в Ниверне, где за невнесение регулярных платежей сеньор имел право согнать неплательщика с его держания, даже не обращаясь в суд [11. С.56-58].

При доведении урожая до товарной кондиции различные категории крестьянства опять попадали в зависимость от сеньоров, располагавших монополией на мельницы, печи, виноградные прессы. Они представляли право пользования этим деревенскому люду за определенную плату. Помол зерна чаще всего обходился в 1/16 долю от испеченного хлеба, а за употребление виноградного пресса следовало отдать 1/8 собранного урожая. К тому же виноградарю такая возможность представлялась позже самого сеньора, что было невыгодно из-за роста предложения и упавшей поэтому цены на вино.

Наиболее благоприятным в крестьянской среде было положение владельцев аллодов, являвшихся полными собственниками земельных участков, над которыми не стояли сеньоры. На севере страны аллод почти исчез. Его существование противоречило действовавшей здесь формуле: «Нет земли без сеньора». Зато в центре и на юге Франции аллоды сохранились и составляли 1/10 всего земельного фонда [23.Р. 371].

Но и самые независимые и зажиточные крестьяне, и наиболее обездоленные, лишенные держаний, не избежали воздействия сеньории. Ее орудием являлась сеньориальная юстиция. Правда, к концу Старого порядка судебные возможности сеньоров сузились, как по причине недостатка у них денежных средств, так и в связи с растущим вмешательством государства в деревенский миропорядок. Но сельскому люду часто приходилось сталкиваться с этим институтом сеньории.

Сеньориальная юстиция довлела не только над крестьянами как держателями, но и как арендаторами, ибо ей подлежали дела о несостоятельных должниках, как батраками, поскольку разбирались их споры с крупными фермерами - управлявшими сеньориями, так с сельскими жителями в целом, потому что ее суды рассматривали правонарушения о самовольной порубке леса и недозволенной охоте. Она оставалась эффективным орудием господства сеньориального класса над крестьянской массой.

Камнем преткновения в отношениях сеньоров с крестьянами часто становились общинные земли: пустоши, пастбища, леса, луга. Издревле они принадлежали общине, но сеньор считался их верховным собственником. Впоследствии правовой статус данных земель оказался разным. Если община выкупила эти угодья у сеньора, то тот не мог претендовать на них. Если он раньше уступил общинные земли безвозмездно, то имел право получить одну

их треть, что закреплялось законом о триаже. В наихудшем положении находились общины, не имевшие своих угодий и пользовавшиеся сеньориальными. Они обязывались не только платить за них сеньору, но последний мог выделить 2/3 всего фонда для своих нужд.

Острое противостояние наблюдалось и вокруг коллективных прав пользования (сервитутов), необходимых для крестьянских хозяйств. К ним относились: коллективный выпас скота на поля после уборки урожая, его прогон к пастбищам, право сбора колосков после снятия хлебов (глянаж), сухостоя и бурелома в лесах. Права сельских общин, как и права отдельных держателей, лучше защищались на севере Франции. Этому способствовала сама структура землевладения в регионе. Дробление земли и чересполосица делали необходимым принудительный севооборот, единые для всех сроки посева и жатвы, выпас скота по убранным полям и лугам. Преимуществом сельских общин на Севере был широкий и относительно легкий доступ в леса. Здесь пасли скот и откармливали свиней, собирали грибы и ягоды, брали древесину для своих нужд.

Иным было положение общин в деревнях по Луаре и к югу от нее. Здесь действовали нормы римского права, строго охранявшие индивидуальную собственность. Сервитуты входили в противоречие с частнособственническими тенденциями. Это ограничивало действие общинных распоряжений. Так, коллективный выпас скота на пашнях и лугах в одних местах запрещали, а в других – избегали с помощью вырытого рва или поставленной изгороди. Доступ в леса оказывался закрытым или затрудненным [11. С.27-28, 65-66, 91].

Последнее столетие Старого порядка не ознаменовалось «жакериями». Отчасти это вызывалось постепенным приобщением аграриев к системе правового регулирования общественной жизни, которой уже прониклись городские жители. Социальное самочувствие крестьян вовсе не было позитивным. Крепких цензитариев, уже ощущавших себя собственниками, угнетала необходимость сеньориальных платежей и оскорбляло подчинение монополиям и баналитетам господ. Со своей стороны, мэнмортабли горели желанием избавиться от униженного положения, чреватого к тому же большими материальными потерями. Имелись претензии к сеньорам и у остальных селян.

Но пока деревенская масса склонялась к «худому», пусть и напряженному, миру. Представители разночинцев нередко осуждали наличие общественной иерархии, но это не мешало их сословным верхам принимать «правила игры», используя традиционные каналы одворянивания. Таким образом, к середине XVIII в. главные опоры традиционных отношений оставались незыблемыми. Чтобы случилась революция, крестьяне должны были осознать вопиющую несправедливость сеньориального режима и прийти к мысли о невозможности существования в его рамках. Ротюрье следовало решительно порвать с сословными порядками и понять необходимость преобразования общества.

Подобные устремления могли стать лишь результатом глубоких сдвигов в духовной сфере. Это потребовало складывания общественного мнения с его институтами и коммуникациями, передовой идеологии, вылившейся в феномен Просвещения. Свою роль сыграла и социальная практика, многому научившая амбициозных разночинцев и импульсивных крестьян. Общественное мнение, Просвещение и социальная практика тесно увязывались между собой, но сохраняли при этом известную автономию, особые структуры и способы воздействия.

Новые представления об обществе справедливо связывают с философами XVII- XVIII вв. Просвещением был выработан ряд концептов, поставивших под сомнение прежние социально-политические отношения. Идея естественных прав человека подводила к соображениям о равенстве людей, теория общественного договора заставляла считаться с интересами населения, лозунг народного суверенитета ставил нацию выше монарха, а принцип разделе-

ния властей препятствовал концентрации полномочий в одних руках, исключал авторитарное правление. Но идеология Просвещения – плод трудов десятков выдающихся мыслителей – не могла непосредственно воздействовать на широкие слои французов, как из-за неграмотности большей части населения, так и из-за сложности философских текстов.

Изменения в массовом сознании во многом обязаны складывавшемуся общественному пространству и формировавшемуся общественному мнению. Участие в обсуждениях и дискуссиях принимали образованные, подготовленные и обладавшие свободным временем люди. Их общение подпитывалось книгами, брошюрами, газетами, крамольными стишками и песнями, слухами. Повсюду появлялись ячейки общественного пространства: масонские ложи, литературные, философские, агрономические общества, клубы, музеи, провинциальные академии, салоны. Рождалось общественное мнение, оспаривавшее взгляды прежних авторитетов – двора и церкви. Его суд играл все возрастающую роль не только в том, что касалось литературы, искусства, морали и нравов, но и политики.

И сословно-смешанный характер созданных ассоциаций, и способ ведения дискуссий в них совсем не соответствовали отношениям господства-подчинения, свойственным тогдашнему французскому государству. То было, напротив, своеобразное соревнование независимых личностей, свободно и по-дружески выражавших свои воззрения. Так происходило, например, в масонских ложах, адепты которых сочетали интерес к оккультным наукам с вниманием к вопросам морали, философии, политики и не чуждались благотворительности. В их рядах представители высшей аристократии соседствовали и сближались с судейскими, литераторами, негоциантами, называя при этом друг друга братьями. Элитизм и сословная корпоративность не были свойственны и провинциальным академиям, в работе которых принимали участие 20% духовных лиц, 37% дворян и 43% представителей третьего сословия [25. Т.1.С.280]. Члены таких академий проповедовали превосходство « таланта над чином», устраивали конкурсы по актуальной общественной тематике, присуждали премии вольнодумным сочинениям. Даже такая известная умеренностью форма социальности, как салоны, существенно демократизировалась во второй половине XVIII в.

Ситуация во французском обществе и государстве стремительно менялась в 70-80-е гг. Привилегированные повели наступление с целью восстановить свои прерогативы в полном объеме. Эти десятилетия явились периодом неблагоприятной экономической конъюнктуры. На такой почве произошел рост недовольства, и оппозиционные настроения подхватили люди, группы, структуры, не имевшие до тех пор отношения к политике. Неприятие системы быстро проникло во все поры общества, и свой голос возвысили социальные силы, само безнадёжное положение которых толкало к радикализму.

Изменились и формы критической литературы. Сочинения теоретико-философского назначения уступали место другим. В них явно проглядывались конкретность, морализаторство, политизированный характер. Появились новые литературные жанры. Широко распространились острые формы публицистики: памфлеты, пасквили. Возникли «гибридные» произведения, соединявшие философские размышления с обличительными материалами и даже откровенной порнографией.

Экзотическим оппонентом власти стало созданное во Франции последователями австрийского врача Месмера «Общество вселенской гармонии», пропагандировавшее исцеление людей посредством передачи особой энергии – «магнетизма». Интеллектуал Бергасс и предприниматель Корнманн стремились перенаправить недовольство «академической кастой», отвергшей месмеризм, в русло оспаривания сословной иерархии, дворянских привилегий, основанных на праве рождения. Бергасс требовал, чтобы третье сословие обрело равный доступ ко всем высшим постам [7.С.122-127].

Среди любопытных форм оппозиционных произведений выделялись «юридические мемуары», изложенные в виде автобиографий- исповедей в стиле Руссо. Они были выполнены на хорошем литературном уровне адвокатами, участвовавшими в процессе. В одной из таких историй друг другу противопоставлялись семья Верон и граф Моранжье из « дворянства шпаги». Суть конфликта состояла в том, что граф взял займы у буржуа 300 тыс. ливров и не только не вернул долг, но и , используя свое высокое положение, добился ареста и заключения кредиторов в тюрьму. Даже неподготовленные к усвоению идей естественных прав и общественного договора читатели через сопереживание обманутому и безвинному семейству простолюдинов подводились к мысли о необходимости равенства людей перед законом и ,увы, отсутствия такого в жизни [21.С.82-87].

Возросшие атаки на сословный строй объяснялись, отчасти положением вещей среди литераторов и адвокатов. Сотни честолюбцев, отправлявшихся на завоевание столицы, ослеплялись примером блистательного восхождения из плебейских рядов Руссо и Дидро. Но узкий книжный рынок и отсутствие нужды в адвокатах из- за их переизбытка оставляли образованную молодежь без мест и средств к существованию. Эта армия невостребованных, ютившаяся по мансардам и подвалам, вынуждена была заниматься литературной поденщиной, а в худшем случае - доношением и темными делами, связанными с уголовщиной. Отсюда - «звериная ненависть к старому режиму», который «литературное дно» отождествлял с сословными верхами: политиками и придворными. [6; 13.С.203-206]. «Люди без места» воздействовали на общественное мнение и благодаря крайне эмоциональному окрасу своих пасквилей.

Но, возвращаясь к Просвещению и напоминая о революционной миссии его корифеев, не следует ли скорректировать , свойственную научной литературе [6.С.15], категоричную и отрицательную оценку деятельности их наследников? Часть из тех, подобно академику Сюару, действительно заняла конформистскую позицию , добивалась покровительства влиятельных и знатных, дабы извлечь выгоду в виде пенсий и sinecur. Но иначе вели себя другие, перенявшие у великих просветителей и энциклопедистов, стремление к кардинальным переменам. Речь идет прежде всего о маркизе Кондорсе, не утратившем ни глубины мысли, ни оппозиционного духа. В сочинении, написанном в мае- июне 1788г., когда еще действовала широкая коалиция сил против абсолютизма во главе с парламентами, обладавшими полномочиями по одобрению законов, он справедливо осудил их за аристократизм. Кондорсе скептически отозвался даже о созыве Генеральных штатов, ссылаясь на их регламент работы по сословным палатам [3.С.141-142].

Впрочем, третье сословие под влиянием оппозиционного «Комитета тридцати» и возглавленной им « патриотической партии» быстро осознало свои политические интересы. Оно « раскусило» ,наконец, социальный эгоизм парламентов, отстаивавших потребности привилегированных. Разночинцы поддержали идею удвоения своего представительства в Генеральных штатах и поголовного голосования в них, что должно было обеспечить большинство мест сторонникам нововведений. Но Кондорсе не останавливался на этом, заявляя о предпочтительности Национального собрания, избранного не по сословным куриям, а в результате общего голосования населения.

Дальше маркиза по пути разрушения сословного строя пошел даровитый политический мыслитель аббат Сийес, обнародовавший в январе 1789г. брошюру

«Что такое третье сословие?» Он отождествлял последнее, спаянное общим интересом, с нацией, а за привилегированными, привязанными к своим преимуществам и объединенными корпоративным духом, не усматривал никаких полезных общественных функций [9. С.70]. Аббат предвидел их обструкционистскую тактику в Генеральных штатах и советовал

разночинной палате объявить себя Национальным собранием, поскольку оно выражало общую волю 25-26 млн. французов. Его смелое сочинение и судьбоносные действия в июне 1789 г. быстро привели к разрушению сословных перегородок в депутатском корпусе. Вместе с тем лозунг Сийеса: «Долой аристократию!» и мысль о лишении избирательных прав за приверженность привилегиям проникли в умы народа и законодателей, которые в ходе революции не раз принимали решения об исключении «бывших» (то есть представителей двух первых сословий) из политической жизни Франции.

Развенчание со всех сторон сословной иерархии споспешествовало неприятию сеньориального режима. Оно резко усилилось в связи с «феодалной реакцией» последних десятилетий Старого порядка. Сеньоры настаивали на скрупулезном соблюдении своих привилегий, добываясь, в частности, от прихожан и местных кюре особого отношения к ним. Подобное неравноправие сельской массы выводило ее из себя, плодило конфликты. Но подлинное негодование последовало за извлечением из сеньориальных архивов свидетельств о давно забытых правах, по которым крестьяне обязывались платить. Самое серьезное нарушение хрупкого мира между держателями и господами вызвало наступление последних на угодья сельских общин и коллективные права пользования.

Оно облегчалось теперь поддержкой государства, ранее благоволившего общинникам. Причин для изменения правительственного курса было много: рост населения, требовавший увеличения сельскохозяйственной продукции; высокий спрос на рынке, подталкивавший к введению в оборот новых земель; аграрный индивидуализм; успехи агрономии; перенос на французскую почву иностранного опыта. Отсюда - необходимость других методов хозяйствования. В 1760-1770-х гг. принималась серия решений о свободе огораживаний в ряде регионов. Новые королевские постановления о триажах разрешали сеньорам выделять себе дополнительные земли из общинных угодий и огораживать их. Имелись и другие способы расширения сеньориального домена за счет общин [17. Р.76].

Общинники отчаянно боролись с захватчиками пустошей, огораживателями. Они разрушали изгороди, уводили скот, скашивали хлеба, а иногда сжигали хозяйственные постройки и даже дома. Но масштабные насильственные выступления крестьян по-прежнему оставались исключениями. Таким было движение «вооруженных масок» в Севеннах, но и оно по масштабам не дотягивало до настоящих «жакерий» прошлого или Французской революции. Крестьянство все больше втягивалось в правовые формы решения конфликтов, характерные для предреволюционного общества.

Главной ареной их борьбы становились суды, а ее формой - судебные процессы против сеньоров. Тяжбы тянулись годами. Адвокаты сельских общин поднимали отдельные факты сеньориального давления до уровня широких обобщений [4.С.178]. Судебные процессы чаще заканчивались поражениями, но это еще больше убеждало деревенских жителей в неправомерности сеньориального режима, против различных сторон которого они протестовали в приходских наказах.

Оттягивание Генеральными штатами, преобразованными в Национальное собрание, решения крестьянского вопроса вызвало с революцией мощную «жакерию». Результатом стало объявление в августе депутатским корпусом падения феодального (сеньориального) режима. Но ставить точку в этом сложнейшем деле было еще рано, поскольку предусматривался выкуп основных повинностей, отвергнутый большинством крестьян. Непрекращавшийся натиск деревенской массы привел к окончательному разрешению проблемы: через несколько лет вчерашние держатели стали полноправными собственниками земли.

Что же касается сословного строя, то его скорый крах облегчался враждебным единодушным подавляющим большинством нации. Его отменили еще 11 августа 1789г., а через две

недели гражданское равенство французов провозглашалось в первой статье «Декларации прав человека и гражданина».

Библиографический список:

1. Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. - М. 1987.
2. Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774- 1789. Провинциальные интенданты. Т.1-2.- СПб., 1900 – 1906.
3. Бадентэр Э. и Бадентэр Р. Кондорсе (1743- 1794). Ученый в политике.- М., 2001.
4. Блуменау С.Ф. Проблема сеньориальных прав в начале Французской революции: закон 3 мая 1790 г. // Французский ежегодник . 2015.-М.,2015.
5. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры.- М.,2002.
6. Дарнтон Р. Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции // Новое литературное обозрение. 1999.№37(3).
7. Дарнтон Р. Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции. -М., 2021.
8. Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой Французской революции. - М., 1986.
9. Тырсенко А.В. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. - М., 2005.
10. Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 1.- СПб. 1907;
11. Червоная Т. М. Французская деревня по юридическим источникам XVI века.- Саратов, 1992.
12. Шампён Э. Франция накануне революции по наказам 1789 г. - СПб., 1906.
13. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. - М., 2001.
14. Bien D. La réaction aristocratique avant 1789: l'exemple de l'armée // Annales.Économies.Sociétés.Civilisations. 1974. N1 (Далее- Annales. E. S. C.).
15. Chopelin P. Compte-rendu. Le Bray (red.). Procès verbal de l'Assemblée générale extraordinaire du clergé de France tenue à Paris, en l'année 1788. Genève. 2017. // Annales Historique de la Révolution Française. 2020. N1 (Далее- AHRF).
16. Emmanuelli F. X. État et Pouvoirs dans la France des XVII-XVIII siècles. La métamorphose inachevée.- P. , 1992.
17. Gauthier F. La voie paysanne dans la Révolution française: L'exemple picard. -P., 1977.
18. Goujard Ph. L'abolition de la féodalité dans le district de Neufchâtel (Seine- Inférieure) //Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française.-P., 1977.
19. Lemarchand G. La Fin du féodalisme dans le pays de Caux. -P., 1989.
20. Marion M. Machault d'Arnouville. Étude sur l'histoire du contrôle générale de finance de 1749 à 1754. - Genève. 1978.
21. Maza S. Le tribunal de la Nation : Les mémoires judiciaires et l'opinion publique à la fin de l'Ancien Régime // Annales.É.S. C. 1987. №1.
22. Meyer J. La noblesse bretonne au XVIII siècle . T1-2.-P.1966.
23. Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. T.1.-P., 1974.
24. Richard G. Noblesse d'affaires au XVIII siècle. -P.,1974.
25. Roche D. Le siècle des lumières en province: Académies et académiciens provinciaux :1680-1789. T.1-2.-P.,1978.

Сведения об авторе:

Блуменау Семён Фёдорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: blumenausf@mail.ru

УДК 378(091)+94(470)

Н. В. Гришук

«ПРОЛЕТАРСКОЕ СОЗНАНИЕ» ИЛИ «ПРОЛЕТАРСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ»: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА 1920-Х ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования и регулирования социального состава студенчества высшей школы в СССР в 1920-е годы.

Ключевые слова: «красное студенчество», пролетаризация высшей школы.

Grishuk N. V. "Proletarian consciousness" or "proletarian origin": to the problem of the formation of the Soviet student of the 1920s.

Abstract: The article deals with the problem of formation and regulation of the social composition of students of higher education in the USSR in the 1920s.

Keywords: "red students", proletarianization of higher education.

Одной из главнейших задач Советского государства с самого начала своего существования было создать свою, новую, пролетарскую интеллигенцию. «Старая» интеллигенция в большинстве своём не разделяла марксистскую, большевистскую идеологию и не принимала «власть рабочих и крестьян». Поэтому уже в 1920 г. началась подготовка кадров высшей квалификации из числа рабочих и крестьян, так называемая «пролетаризация» высшей школы. Всё это повлекло серьёзные изменения порядка комплектации вузов и распределения материального довольствия среди студентов высшей школы в пользу студенчества рабочего и крестьянского происхождения. Однако крестьяне в высшую школу особенно не стремились, да и у рабочих не было большого желания получать высшее образование: преградой часто служила недостаточная подготовленность. И государство пошло по пути направления, иногда даже принудительного «пролетарской молодёжи» в вузы. Главным при приёме в вузы стал фактор социального (пролетарского) происхождения. В советской прессе, публицистике этого периода появляется понятие «красное студенчество» [1, С.156].

Идея о необходимости создания пролетарского студенчества появилась ещё до революции большевиков. Её выдвинул учёный, большевик А.А. Богданов. Впервые в своих трудах он развивает мысль о т.н. «пролетарском университете» [2, С.255]. Говоря об особом, классовом высшем учебном заведении, А.А. Богданов подчёркивал необходимость не только контроля за его социальным составом, но и коренного изменения академических программ. Мнение о невозможности окончательной победы «социалистической революции» без создания «интеллигенции из рабочих и крестьян» разделяло и большевистское руководство, хотя нередко оно выступало против «крайностей» позиции А.А. Богданова. Это мнение отразилось в одном из первых образовательных декретов СНК РСФСР – декрете «О правилах приёма в высшие учебные заведения» (от 2 августа 1918 г.), который отменил вступительные испытания, плату за обучение и социальные ограничения для поступающих в вуз. Также в нём было объявлено, что приоритетным направлением советской образовательной политики является привлечение в стены высшей школы пролетарского контингента учащихся. Доля рабочих и крестьян в составе студенчества в эти годы была, тем не менее, незначительна: большая часть из них была не в состоянии учиться там, в первую очередь из-за отсутствия школьного образования. С целью подготовки «пролетаризации» к обучению в вузах с 1919 г. стали открываться рабочие факультеты.

Слушатели рабфаков комплектовались по направлениям (командировкам) от партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Они принимались в первую очередь, однако должны были иметь уровень подготовки, предъявляемый к выпускникам школ II ступени и рабочих факультетов. Согласно постановлению СНК от 17 сентября 1920 г. слушатели

рабфаков получали льготы в виде освобождения от работы на производстве – полного или частичного. При частичном освобождении рабочий день учащегося рабфака сокращался не менее чем на два часа. Слушатели же, направляемые от партийных и профсоюзных организаций имели полное освобождение от работы. На июнь 1921 г. полностью освобождённые от работы составляли 52% от общего состава рабфаковцев [3, С. 21]. Но многие выдвиженцы, формально числящиеся студентами, учиться или не хотели, или не могли – иногда по отсутствию способностей к учёбе, иногда по материальным условиям (в начале 1920-х гг. был голод).

С 1922 года поступление без командировок, согласно правилам приёма, в советские вузы было сильно ограничено, а в некоторые – полностью закрыто. Общее количество вакантных мест распределялось между командировавшими организациями: рабочими факультетами. ЦК РКП, ВЦСПС, ЦК РКСМ, ПУР, которые должны были направлять на учёбу кандидатов, имеющих пролетарское или крестьянское происхождение. Происхождение абитуриента стало решающим фактором при приёме в высшую школу. В «Положении о высших учебных заведениях» 1922 года, принятом СНК РСФСР, указывалось, что вузы «имеют цель... распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане». Так законодательно были оформлены классовые цели деятельности вузов [4, С. 153].

Противником тотальной «пролетаризации» вузов выступила в 1923 г. руководитель Главполитпросвета Н.К. Крупская. Её полемика с представителем Главпрофобра В.Н. Яковлевой была опубликована на страницах газеты «Правда». Крупская Н. К назвала классовую политику Наркомпроса «дворянской навыворот», так как право обучения в советских вузах стало «классовой привилегией». Она выступала за активную помощь рабочим и крестьянам при поступлении в высшую школу, но при сохранении возможности поступления туда «талантливых» детей из «нетрудовых элементов». В то же время Н. К. Крупская отмечала, что «люди не пролетарского происхождения прекрасно могут стать на точку зрения пролетарской идеологии», тогда как «люди пролетарского происхождения могут стать форменными буржуями» [5, С. 78].

1924 год стал переломным в советской образовательной политике в области высшей школы: критика идей тотальной «пролетаризации» советских вузов со стороны властей и принятие в качестве определяющей идеи политического воспитания учащихся вне зависимости от их социального происхождения привели к изменениям в понятии «советский студент». Наиболее важное из них заключалось в том, что происхождение из рабочих или крестьян, первоначально обязательное для «красного студента», стало к 1924 г., скорее желательным, но вполне заменимым другими характеристиками в биографии. Объявление «пролетарской сознательности» главным качеством советского студента сделало возможным включение в эту группу учащихся в зависимости от личной стратегии поведения. Не только правильное происхождение, но и нормативное поведение давало студенту право быть «красным». «Красным студентом» мог стать даже не-пролетарий по социальному происхождению. Важнее было т.н. «пролетарское сознание», то есть понимание задач, поставленных партией, общественная активность и другие особенности поведения, нейтрализующие «непролетарское» происхождение. Так, служба в РККА в период гражданской войны, как следовало из официальных текстов, являлась неопровержимым доказательством «классового сознания» учащегося, делавшего его «красным студентом» даже при отсутствии рабочего или крестьянского происхождения.

Ослабление «пролетаризации» высшей школы проявилось и в изменении процента мест, распределяемых между командировавшими организациями. Прослеживается тенденция к постепенному возвращению к конкурсной системе и ограничению принципа приёма исключительно по классовому отбору (пока ещё при сохранении лозунга о «пролетаризации»

высшей школы). Если в 1922 году 85% мест было выделено для членов профсоюзов (в основном рабочих), партии и комсомола, то к 1934-1925 учебному году эта цифра уменьшилась до 45%. При этом с 2% до 25% повысился процент командировок, выделяемых для «талантливых» и «успешно закончивших» средние школы.[6 С. 3]. Более того, появилась новая категория командиремых – «трудовая интеллигенция».

Одной из причин «отступления» стала невозможность в короткие сроки подготовить в вузах специалистов, необходимых государству. Ещё в 1922 году об этом писали в прессе (в частности в таком ключе, высказывался и нарком просвещения А. В. Луначарский). Другой причиной, которая привела к ограничению «пролетаризации», была неэффективность существовавшей системы комплектования вузов. В 1923 году ЦК РКП(б) и ЦК РЛКСМ заполнили своими командированными меньше вузовских мест, чем это требовалось согласно развёрстке [6. С.4]. Проблемой было и само установление рабочего или крестьянского происхождения учащихся.

Происхождение из ранее эксплуатируемых и материально необеспеченных классов, приписываемое новому студенчеству, породило ещё одну характеристику в его биографии – неграмотность как следствие невозможности получить какое-либо образование в царской России. Школьное образование, полученное в царской России, было, по крайней мере, в начале 1920-х годов политически невыгодным сюжетом студенческой биографии. Как отмечалось в советских агитационных текстах начала 1920-х гг., именно Октябрьская революция «открыла» для народа двери учебных заведений. До 1923 года к низкому уровню поступающих в вузы «пролетариям» приёмные комиссии относились как к должному, списывая это на «пролетарское» прошлое. К 1924 году ситуация изменилась. В первую очередь это было связано как с увеличением доли рабочих в составе студенчества, так и с окончанием «пролетаризации» высшей школы. В постановлении СНК РСФСР от 26 июня 1924 года «О порядке направления в ВУЗы» был сделан акцент на том, что командирующие организации должны посылать в вузы только «тех, кто по своим способностям и подготовке может с успехом обучаться в высшей школе» [7, С.235].

«Пролетарское» происхождение в 1921-1923 гг. было не только залогом успешного поступления в вузы. Законодательно оно давало возможность избежать отчисления за академическую неуспеваемость. Зачисление студента в ту или иную классовую категорию, тем не менее, зависело как от отметки в его командировочном удостоверении и личной стратегии поведения, так и от представлений членов приёмных, стипендиальных, проверочных и иных комиссий о классовых статусах. В 1924 году была проведена так называемая академическая проверка (чистка) студенческих рядов с целью, с одной стороны избавиться от тех, кто фактически не учился, а с другой – увеличить «пролетарскую» прослойку в высшей школе. Задачи проверки были сформулированы так: ликвидировать «балласт во всех отношениях-и в академическом, и в социальном.» По итогам проверки к середине 1920-х гг. из вузов страны было исключено 18 тысяч студентов, из них три четверти – по ничем не оправданной «малоуспешности». Общее число учащихся в вузах по стране было сокращено на 13-24%. Больше всего студентов исключили из «засорённых и перегруженных» художественных, социально-экономических и педагогических вузов. Не подвергались чистке студенты последних курсов.

Существенной проблемой властей было установление чётких критериев того, кого считать «пролетарием», а кого «чуждым элементом». Об этой проблеме свидетельствует как наличие графы «прочие» в официальных документах вузов, рассматривающих социальный состав учащихся, так и дискуссии по ряду вопросов, в частности о том, что считать «физическим трудом». Это было связано с тем, что нормативные документы не давали чётких и однозначных критериев этого деления. Тяжёлые условия повседневной жизни и связанная с

этим необходимость поиска подработок для учащихся, рабоче-крестьянский гардероб также рассматривались как признаки, обязательные черты «красного студенчества».

Относительное материальное благополучие, «буржуазная» одежда и манеры поведения, желание заниматься только учёбой и отказ от физического труда могли повлечь за собой исключение из категории «красного студенчества» [1, С.158]. Это лишало учащегося не только ряда материальных льгот, но и могло поставить под угрозу само его пребывание в высшей школе. Бедность была подтверждением статуса «красного студента», и учащиеся нередко прибегали к доказательству своей финансовой несостоятельности. Не менее важно и другое – в этот период продолжалось осуждение тех студентов, кто проявлял недовольство своими условиями жизни. Проблемы с определением социального статуса возникали также из-за высокой социальной мобильности в период НЭПа.

Менялся состав студентов и по полу. Государство открывало широкую дорогу женщинам. Директива Наркомпроса от 12 апреля 1930 г., констатирующая «ежегодное невыполнение распоряжений о приёме женщин в определённо установленных процентах для вузов», требовала иметь не менее 30% женщин среди студентов [8. С.185].

Таким образом, идеальный тип советского студента, которого власти желали видеть в стенах высшей школы – «красный студент» должен был стать основой интеллигенции нового типа. Социальное происхождение (пролетарское), партийность, общественная активность, «идеологическая устойчивость» в начале 1920-х гг. были главными характеристиками советского студента, но уже с середины 1920-х гг. здоровый прагматизм (знания и умения) также находит свое место среди признаков, критериев отбора и формирования студенчества советского государства.

Библиографический список

1. Андреев Д.А. Советский студент первой половины 1920-х гг.: особенности самопрезентации// Социологический журнал. 2007. №2.
2. Богданов А.Д. О пролетарской культуре.1904-1928 гг. – Л., 1924.
3. Народное просвещение. 1921. № 89-90.
4. Положение о высших учебных заведениях.1922г. СНК РСФСР. Декрет от 03.07.1922 // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства. Сб. документов за 1917-1947 гг. – М., 1947. С.153.
5. Крупская Н.К. Педагогические сочинения. В 10 т. – М., 1959. т. 3.
6. Коммунистическое студенчество. (По материалам учраспреда ЦК) // Правда.1924.10 мая.
7. «О порядке направления в ВУЗы» // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства. Сб. документов за 1917-1947 гг. М, 1947. С.235.
8. Бюллетень Народного комиссариата просвещения РСФСР.1924. №3. С.386.
9. Бюллетень Народного комиссариата просвещения РСФСР. 1924. №3. С.185.

Сведения об авторе:

Гришук Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, E-mail: natalia.ivako@yandex.ru

Историческое краеведение

УДК94(470)

Е. М. Яненко

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ СВЯЩЕННИКИ БРЯНСКОЙ ЗЕМЛИ: ИСТОРИЯ ЛЬВА ПАВЛОВИЧА ТОПАЛЯ

Аннотация: рассматриваются биографические сведения о репрессированном сталинским режимом новомученике Русской Православной Церкви священнослужителе Льве Павловиче Топале (1882-1937/1944?) и его семье.

Ключевые слова: новомученики, сталинские репрессии, Лев Топаль.

Yanenko E.M. Repressed priests of the Bryansk Earth: History of Lev Pavlovich Topal

Abstract: There are biographical information about the repressed Stalinist regime of the new martyr of the Russian Orthodox Church of the clergy of Lev Pavlovich Topal (1882-1937/1944?) and about his family.

Keywords: new martyrs, Stalinist repressions, Lev Topal.

З ахлестнувшая страну в 1937-1938 гг. репрессивная волна оказалась несравнимой с предшествующим временем ни по масштабам (число осужденных по «контрреволюционным делам», большей частью сфабрикованным, превысило 1.350.000, а по некоторым данным 1.570.000), ни по жестокости (к высшей мере было приговорено свыше 680 тыс. чел.) [2, с.125]. Массовые политические репрессии шли во всех регионах СССР. Их теоретическим базисом стала выдвинутая И.В.Сталиным развёрнуто на февральско - мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. концепция обострения классовой борьбы по мере укрепления позиций социализма. В этой связи беспощадный характер приняли репрессии против верующих и священнослужителей. Так, если брать Брянский край, по данным В.В. Крашениникова, в Стародубе была якобы «раскрыта» надуманная контрреволюционная организация «Истинно-православная вера» из семи местных священников и священника соседнего села Дедово. Другая «контрреволюционная» группа из пяти почепских священников, председателя церковного совета почепской Воскресенской церкви, священников сел Семцы и Красная Слобода была «обезврежена» чекистами в Почепе. Все шестнадцать проходивших по этим делам лиц были расстреляны [2, с.127].

Среди списков репрессированных священнослужителей из Брянского края упоминается имя Льва Павловича Топалья. В частности, информация о нем появилась в срдланной при поддержке РФФИ цифровой базе данных «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» на сайте Православного Свято-Тихоновского гуманитарного Университета [6]. Он же упомянут как Лев Тополь (фамилия оказалась искажена) в газетной публикации краеведа А. Луферова, посвященной истории хора Троицкого храма в Погаре [1]. Сведение разрозненных и порой противоречивых данных из публикаций и архивных источников, а также зафиксированных нами устных воспоминаний матушки П.А.Гуторовой (г. Погар, супруга священнослужителя Троицкого храма) позволило воссоздать яркую и трагическую биографию священномученика Льва Топалья.

Лев Павлович родился с. Берково Козелецкого уезда Черниговской губернии (ныне, с 2020 г. Черниговский район Черниговской области Украины) в 1882 г., недалеко от древнего городка Остер. С детства любил музыку, выучился играть на скрипке. Окончил Черниговскую духовную семинарию. В Погар он приехал в 1902 г., став псаломщиком сначала в храме села Суворово, а затем в церкви Святой Троицы в самом Погаре, где стал и регентом церковного хора, уже имевшего к тому времени более чем вековые традиции. В «Черниговских

епархиальных известиях» сохранилось сообщение: «Псаломщики Рождество-Богородичной церкви села Суворова, Стародубского уезда, Лев Тополь и Троицкой церкви заштатный города Погара, того же уезда, Алексей Дубинский, согласно их прошению, перемещены один на место другого, 18 сентября» [3].

*Рис.1. Хор Троицкого храма в Погаре (~1904 г.). В центре Л.П.Топаль, слева от него - учитель пения Погарского приходского училища Петр Семенович Шаблинский, далее Николай Нестерович Крутько (позже окончил Нежинскую семинарию, став диаконом руководил хором). Справа с сыном на руках – адвокат Михайловский. Крайний справа – Тит Саввич Подобедов, ветеран хора, звонарь и сторож церкви. 1-й ряд слева 1. Иван Грек. Верхний ряд справа налево: 1.Татьяна Рубчевская, 2. Анна Дерунова (Радичева), 3. Анастасия Грек. 4. Татьяна Силич (Яковлева). 5.?. 6. певчая Криксина, 7.?
(Музей «Радогощ», Погар, Брянская обл.)*

Обратимся к снимку хора (Рис.1), сделанному, по предположениям А. Луферова около 1907 г. Как пишет краевед, снимок был передан для музея «Радогощ» Анастасией Варфоломеевной Силич, которой он достался от тети – Татьяны Силич (Яковлевой). Основной фигурой на фотографии является сам регент хора – Лев Павлович Топаль (в центре, с камертоном в руках). А.Луферов смог установить личности и некоторых других жителей Погара, изображенных на фотографии (отражено в подписи к иллюстрации).

В Погаре Лев Павлович женился на Марии Петровне Рубис (Рис.2) и в сентябре 1904 г. был рукоположен в церковный сан. «Принят в духовное звание псаломщик Троицкой церкви заштатный города Погара, Стародубского уезда, Лев Тополь, происходящей из податного сословия» [4], 20-28 сентября.

По некоторым сведениям, службу священником Лев Топаль начал в с. Кистер Стародубского уезда, что в 20 км от Погара. В этом селе до прихода советской власти функционировали два храма – Троицкий и Георгиевский. В первом нес службу о. Николай Преображенский, во втором до 11 августа 1904 г. был священником о. Николай Левицкий, переведенный в Николаевский храм с. Новоселки. «Перемещен священник Георгиевской церкви села Кистра, Стародубского уезда, Николай Левицкий к Николаевской церкви села Новоселок, того же уезда, 11 августа. Открыто вакантное место священническое Стародубского уезда, в селе Кистре, при Георгиевской церкви, дворов 228; душ обоего пола 1769; земли 36 десятин;

дом есть, жалованья 103 рубля 88 копеек, с 11 августа 1904 года» [5]. Вероятно, именно эту должность занял поначалу отец Лев. Учитывая перевод Льва Павловича в относительно удаленное от Погара село Кистёр в конце 1904 года, снимок с церковным хором, по нашему мнению, следует датировать не позднее этого времени, т.е. на 2-3 года ранее по сравнению с предположительной датировкой краеведа А.Луферова. Георгиевский храм в Кистре, судя по сохранившимся описям имущества, функционировал до 1922 г. [ГАБО Ф.255. Оп.1. Д.99] и был упразднен большевиками.

Рис.2. Л.П.Топаль с женой М.П.Рубис и двумя детьми (музей «Радогощ», Погар, Брянская обл.)

Полный текст обвинения выглядел так: «Систематическая антисоветская агитация против проводимых Советской властью мероприятий в деревне, распространение провокационных слухов контрреволюционного содержания о начале войны, близком падении Соввласти. Призывал крестьян отказаться от взноса, собираемого коммунистами. Уговаривал крестьян не подчиняться власти, не слушаться коммунистов, а верить в Бога, молиться. Подрывал авторитет Соввласти в глазах крестьянства» [7].

Где священнослужитель отбывал наказание – установить пока не удалось, однако, по возвращению из лагерей в родной дом в Западной области, он, как человек искренне и твердо верующий, продолжил службу Богу, столь нелюбимую новой властью.

Второй раз отца Льва арестовали 18 августа 1936 г., когда он был уже священником Успенского собора в Погаре (а с 1935 г. – благочинным Погарского благочиния). Был осужден Специальной Коллегией суда Западной области (так называемой «тройкой») 19 мая 1937 г. по статьям 58–10, 58–11 УК РСФСР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Судившая его «тройка» также конфисковала у священника дом и имущество, оставив семью без средств к

После закрытия церкви в Кистре отец Лев продолжил службу в Крестовоздвиженском храме в с. Городише в 10 км от Погара. Не боялся он в беседах с прихожанами и на проповедях высказывать свое мнение о происходящем в стране и о новой безбожной власти, справедливо полагая, что если церковь от государства теперь отделена, то значит и свободна от обязательств перед ним. До «Года великого перелома» так оно и было, но наступили иные времена.

В 1929 г. в Погаре был закрыт храм Живоначальной Троицы, в нем был устроен склад. А сёла власть стала активно зачищать от всех, кто словом или делом мешал политике всеобщей коллективизации. Вероятно в данном случае детонатором стал донос «куда следует» кого-то из местных «активистов» (этого точно мы уже не узнаем), за которым последовал первый арест в начале 1930 г. и 30 января того же года осужден на три года лагерей Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ за «систематическую антисоветскую агитацию» по ст.58-10 УК РСФСР.

существованию. Жена с детьми ходила по людям в поисках приюта и пищи. Позднее Вера Львовна, дочь Льва Павловича, рассказывала, что в СССР долго было нелегко жить с клеймом «дочери попа». Так, по доносу ее исключили, как «дочь врага народа» из Московского медучилища. Она вернулась в Погар и работала на фабрике, проживая в общежитии [8].

По сведениям из архивного дела, опубликованным в базе данных по новомученикам Русской православной церкви [6], Лев Павлович был отправлен отбывать гулаговский срок в Каргопольлаг НКВД (Липовское ЛПО) в Няндомский район Архангельской области, где пребывал по 11 ноября 1944 г. – то есть до официально установленного момента смерти. В лагере, согласно тем же данным, Л.П.Топаль работал завхозом при медицинском стационаре. Однако известный исследователь истории политических репрессий в Брянском крае В.В. Крашенинников пишет: «С особой беспощадностью репрессивная машина ломала жизни священников и других церковников, именуемых обычно в делах «служителями религиозного культа»... Большое количество священнослужителей проходило по делам одиночным или малых групп, и приговоры, как правило, были «расстрельными». Вот некоторые из священников, осужденных к ВМН в последние месяцы 1937 г...» Среди длинного перечня фамилий значится и «о. Лев Тополь – с. Городище Погарского района». Ссылки на архивное дело, увы, нет – хотя работа написана целиком на архивных данных. В том, что Лев Тополь и Лев Топаль – один и тот же человек, сомнений не остается, дело в различном написании редкой фамилии. Склоняться к версии расстрела заставляет и то, что в 1936 г. имел место уже повторный арест, а с политическими «рецидивистами» обычно не церемонились – к примеру, бежицкий краевед Н.И. Лебянов в 1938 г. был расстрелян лишь за то, что был, как член партии «эсеров» политзаключенным и ссыльным еще в 1920-х гг. [10]. Таким образом, до сей поры неясно: был смертный приговор в последний момент заменен 10-летним заключением или же сведения о заключении и смерти в 1944 г. являются фиктивными: такая практика нередко имела место с целью снижения официальных «расстрельных показателей» после развенчания культа личности Сталина. В качестве примера можно привести известного археолога А.Д. Лявданского, расстрелянного чекистами в 1937 г. по сфабрикованным обвинениям о шпионаже. Долгое время в литературе бытовали представленные органами ложные сведения о якобы смерти Лявданского в лагере в 1942 году. И таких случаев множество. До сих пор неизвестно, где находится могила Льва Топалья и есть ли она вообще.

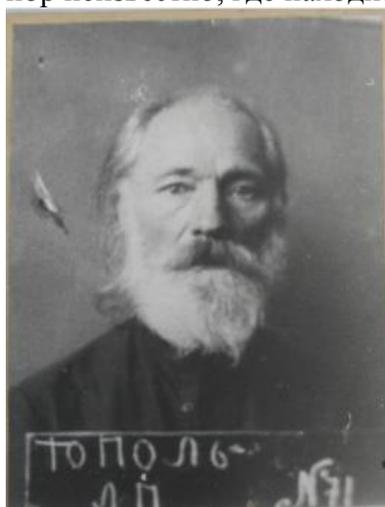

Рис.3. Лев Топаль (1937)

Лишь после краха СССР и принятия новой властью закона о реабилитации жертв политических репрессий, Георгию Евгеньевичу Круглому – внуку Льва Павловича Топалья, живущему в Москве, удалось получить официальный документ о реабилитации его деда. В письме от 07.10.1994 за № 13-300-94 Прокуратуры Брянской области прокурор Л.Ж. Потапова сообщает, что «Тополь Лев Павлович, 1882 года рождения, был осужден постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ 3 января 1930 года по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы. Постановлением Президиума Брянского областного суда от 26 июня 1957 года постановление Особого Совещания при коллегии ОГПУ от 3 января 1930 г. в отношении Топаль Л.П. отменено и дело прекращено за недоказанностью обвинения. 15-19 мая 1937 г. Специальной Коллегией Западного областного суда Топаль Лев Павлович, 1882 г.р. был осужден по ст.58-10 и 58-II УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. 23 октября 1963 года названный приговор специальной коллегии Западного областного суда отменен

и дело прекращено за недоказанностью обвинения». Таким образом, документально подтверждено, что состав преступления не был доказан и Л.П. Топаль осужден несправедливо и незаконно, как и подавляющее большинство жертв сталинского террора.

Г.Е. Круглый передал в Погарский музей «Радогощ» документы, фотографии и вещи реабилитированного деда. Сам он вспоминал, что еще маленьким «под диктовку бабушки я написал письмо Сталину с просьбой сообщить что-либо о судьбе деда и получил ответ за подписью Сталина, что о. Лев посмертно реабилитирован. После этого бабушке выплачивали за мужа нищенское пособие в размере ста пятидесяти рублей вплоть до ее смерти в марте 1959 года» [6]. Здесь мы сталкиваемся с рождением очередного псевдоисторического мифа, порожденного особенностями человеческой памяти. Возможно, письмо Сталину и было отправлено, но вряд ли этот документ попал на стол к диктатору. И уж подавно тот не давал ответ за своей подписью, пусть даже факсимильной, типографской (как это делалось, кстати, на многих наградных грамотах и благодарностях советским солдатам и офицерам, часто искренне веривших, что «товарищ Сталин» помнит о каждом из них лично). Посмертная реабилитация священника и назначение полагающегося после нее пособия вдове были проведены лишь в 1957 г. Президиумом областного суда Брянской области уже после развенчания сталинского культа личности на XX съезде КПСС. Два года Мария Петровна получала пособие за умершего в заключении или расстрелянного супруга.

Только 23 октября 1963 г. репрессированный священник был окончательно посмертно реабилитирован по обоим уголовным делам решением Президиума Верховного Суда РСФСР.

Роковая судьба репрессированных жителей Брянского края должна жить в нашей памяти хотя бы для того, чтобы подобное кровавое беззаконие больше не повторилось. Мы ничтожно мало знаем о жизни и судьбе многих жертв сталинской диктатуры. Данный материал возвращает история сведения о судьбе одного из этих людей – Л.П. Топалья.

Библиографический список:

1. *Луфферов А.* Хор Троицкой церкви // Вперед (газета Погарского района Брянской обл.) от 9 июня 1995 г. С.4.
2. *Крашенинников В.В.* Очерки по истории Брянской земли / Брянская областная научная библиотека им. Ф.И.Тютчева. – Брянск, 2008.
3. Черниговские епархиальные известия, № 19, 1904 г.
4. Черниговские епархиальные известия, № 20, 1904 г.
5. Черниговские епархиальные известия, № 17, 1904 г.
6. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. (цифровая база данных на сайте Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета): http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans
7. Архив УФСБ РФ по Брянской обл. Д.8605-П. (1937)
8. *Гуторова П.* Устные интервью матушки Полины Гуторовой, супруги настоятеля храма Живоначальной Троицы в п.г.т. Погар, Брянская обл. Архив автора.
9. Материалы и документы из муниципального бюджетного учреждения культуры – Музея Погарского района «Радогощ».
10. *Чубур А.А.* Растоптанная наука: археологи Подесенья и политические репрессии // Вестник Брянского государственного университета. 2008. № 2. С. 58-66.

Сведения об авторе:

Яненко Екатерина Михайловна, старший лаборант кафедры всеобщей истории и международных отношений, студентка IV курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Древности и археология

УДК 904+94.36(282.247.324)

А.А. Чубур

О ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ АРЕАЛА ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСНЫХ БАЛТОВ

Аннотация: В статье рассматриваются на базе археологических источников (включая собственные полевые исследования автора) южные границы распространения юхновской археологической культуры, их возможная динамика и максимальное продвижение в лесостепную зону и в Курское и Сумское Посеймье в частности.

Ключевые слова: ранний железный век, юхновская археологическая культура, ареал, историческая география, Сейм, Псёл.

Chubur A.A. On the southern borders of the area of the Yukhnovskaya culture of forest balts

Abstract: The article discusses on the basis of archaeological sources (including their own field studies of the author) Southern borders of the distribution of Yukhnovskaya archaeological culture, their possible dynamics and maximum promotion in the forest-steppe zone and in Kursk and Sumy Poseimye in particular.

Keywords: Early Iron Age, Yukhnovskaya Archaeological Culture, Area, Historical Geography, Seym, Psiol.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 18-45-320001

Долгое время юхновская культура раннего железного века была досадно обойдена фундаментальными обобщающими публикациями, хотя десятки поселенческих памятников были исследованы раскопками Е.А. Калитиной, А.Е.Алиховой [1], О.Н. Мельниковской, А.И. Пузиковой [22, 23], В.А. Падина, Л.В. Артишевской, Ф.М. Заверняева и ряда других археологов, а результаты раскопок были опубликованы тезисно или монографически. При этом единственной обобщающей работой по данной тематике долгое время была только фундаментальная статья В.П. Левенка в «Советской археологии» [18]. После защиты посвященной юхновским памятникам диссертации украинского археолога Д.В. Каравайко, ситуация стала меняться, в Киеве увидели свет две монографии и большая серия статей [6; 12, 13; 14]. Активней стали освещать юхновскую тематику и специалисты, занимающиеся скифоидной лесостепной культурой [4]. Наконец, нашла юхновская культура место и в научно-популярных просветительских изданиях [34: 35]. Замечу, недостаток многих современных археологических трудов (включая названную диссертацию) в том, что материалы рассматривается преимущественно в пределах государственных границ или административных регионов, которые не имеют никакого отношения к культурным ареалам раннего железного века (как, впрочем, и иных ушедших эпох).

Слабым местом всех публикаций, касавшихся юхновской культуры стали и описания – текстовые и иллюстративные – её ареала. Между тем, только четко обозначенные границы распространения определенных групп памятников, культурных традиций позволяют заниматься достоверной реконструкцией миграционных процессов и хозяйственно-культурных типов с их ландшафтно-зональной привязкой.

В монографии Д.В. Каравайко и С.А. Горбаненко, посвященная хозяйству носителей юхновской культуры, впервые была сделана попытка создания полной карты её памятников и, соответственно, обозначения ареала [6, Рис.1.2, С.15]. Северные и северо-восточные границы его, согласно этой карте, включают в себя весь бассейн Верхней Оки, включая течение Угры и Жиздры, что вызывает закономерные возражения. Но рассмотрение этого пограничья – тема особого разговора, особенно в свете диссертационного исследования и растущей се-

рии публикаций Е.В. Столярова, активно разрабатывающего тему верхнеокской культуры эпохи раннего железа [25]. Здесь же речь пойдет о южном и юго-восточном крае ареала распространения юхновских памятников.

Нельзя не обратить внимания и на работу О. Билинского и К. Яхимовича [4], где предложена еще одна составленная с использованием ГИС-технологий карта культурного пограничья, которая отражает общие закономерности, но, ввиду акцента на расселение скифоидных племён, имеет ряд лагун и неточностей в отношении памятников юхновской культуры.

В середине-конце V в. до н.э. юхновское население постепенно продвигается из Среднего Подесенья на юго-восток, в Посеймье, заселенное племенами скифоидной лесостепной культуры. А.Н. Апальков относит появление первого юхновского городища на Сейме (Кузина гора) к VI веку до н.э., апеллируя к датировке найденных там осколков ионийских амфор и чернофигурного килика начала VI в. и к отсутствию сооружений, типичных для скифоидных лесостепных культур [2]. Однако площадка городища могла быть частично сnivelирована юхновским населением при заселении, что уничтожило бы следы прежних наземных построек. Остатки жилищ могли быть и переработаны формирующимся культурным слоем. При этом неоспоримо присутствие в керамическом комплексе городища скифоидного компонента, с которым могут быть связаны и фрагменты амфор и килика. Д.А. Каравайко относит их не к началу VI, а к рубежу V-VI вв. [8, Рис.2]. Столь ранние даты прихода юхновской культуры в Посеймье приходится считать сомнительными и принять датировку V в. до н.э.

Причиной такого расширения ареала мог быть финал суббореала – пик так называемого «Похолодания раннего железного века», начавшийся около 450 г. до н.э. Похолодание вызвало продвижение на юг границы зоны широколиственных лесов, с которыми было связано хозяйство носителей юхновской культуры. Финал же пребывания юхновского населения в Посеймье может быть связан с римским климатическим оптимумом на ранних этапах начавшегося около 300 г. субатлантического периода. Постепенное потепление привело климатическую и природно-зональную ситуацию в состояние, близкое к современному. Граница лесостепи вновь сместилась к северу, потеснив широколиственные леса [17; 27; 33]. Не случайно в Посеймье нет ни одного памятника юхновской культуры, надежно датирующегося позднее III в.н.э. [21].

Во время максимального продвижения на юг бесспорно освоение юхновским населением части правобережья р. Сейм, а также ее правых притоков – на восток вплоть до впадения р. Рать. В среднем течении этой реки, в Щигровском районе Курской обл. отмечены селища Титово и Старая Слободка (урочище Чупутово) [16, с.171-172]. Было заселено носителями юхновской культуры и среднее течение р. Тускарь с локальным «ядром» в районе многослойного городища Переверзево [23]. Городище Шестопалово выше по течению Тускари [19], как и селища на Рати, фиксирует наиболее восточные границы юхновского ареала. Представляется, что заселение среднего течения Рати происходило не по долине Сейма и затем Рати, а через водораздел – с Тускари, из района Шестопаловского городища. Дело в том, что ни в самых низовьях Тускари (самым близким к Сейму юхновским пунктом является городище Шуклинка, 12 км к северу от устья), ни в нижнем течении Рати, ни вдоль участка долины Сейма между ними, несмотря на высокую археологическую изученность региона, не выявлено ни одного юхновского поселения. С пунктом Титово связан и наиболее восточный в Посеймье памятник Сеймского варианта скифоидной лесостепной культуры. К востоку от Титово и Шестопалово лежит незаселенное оседлым населением степное пространство Днепро-Донского водораздела с редкими курганами кочевников бронзового и раннего железного веков.

В среднее течение Тускари юхновское население проникло, по всей вероятности не из низовьев реки, где на территории Курска вплоть до Шуклинки (12 км от устья) и по Сейму

нет памятников этого типа, а из района Переверзевской локальной агломерации. В Переверзеве же носители юхновской культуры, в свою очередь, могли попасть, двигаясь на восток в широтном направлении – со стороны городища Нартово (промежуточный пункт, где зафиксировано непродолжительное их пребывание) [22] и из основной Кузиногорской мегаагломерации юхновских памятников, имеющей весьма интересную пространственную структуру.

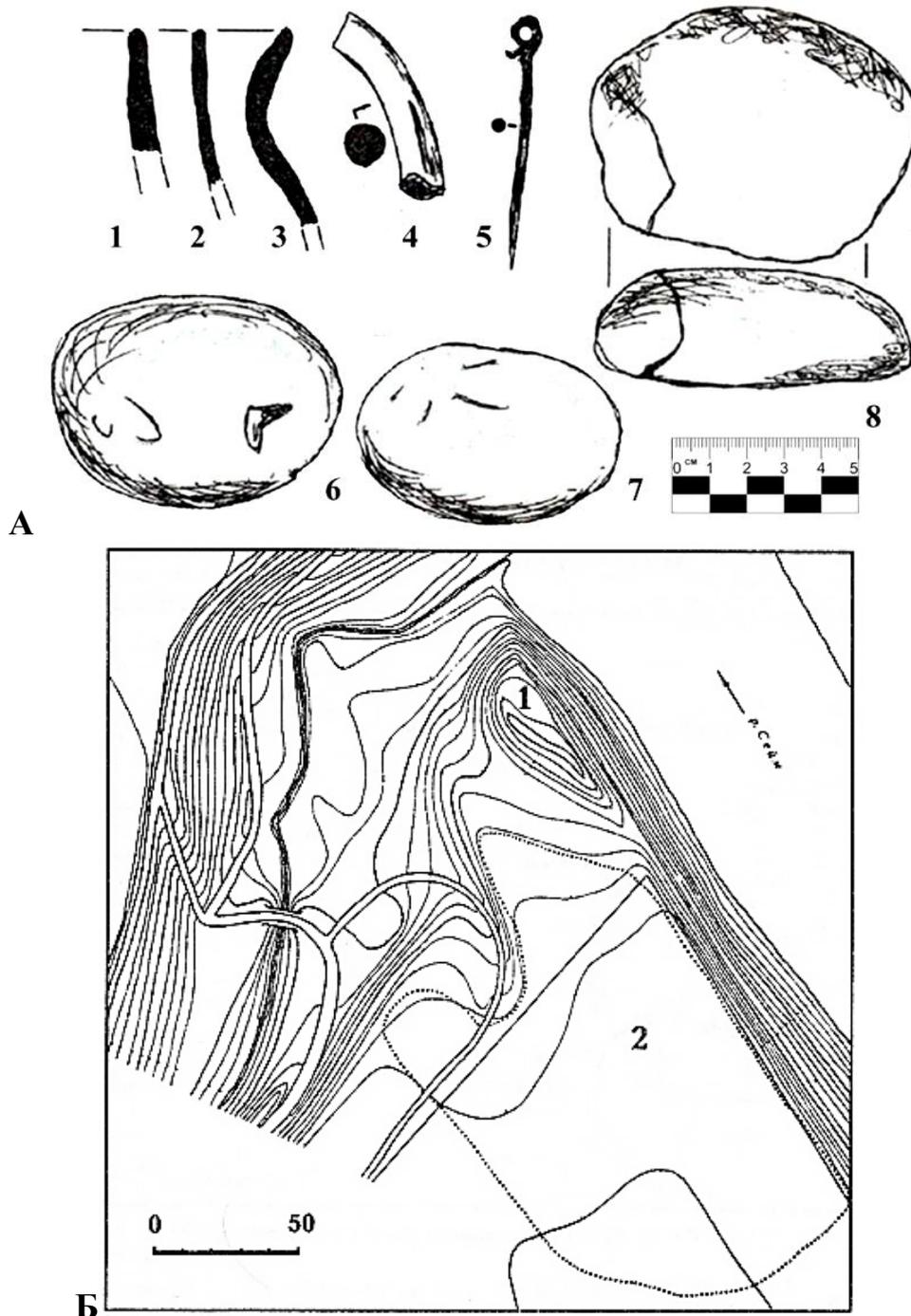
Ядром этой мегаагломерации является достаточно плотная (с расстояниями между памятниками от сотен метров до нескольких км) группа городищ, связанных с правобережным течением Сейма в основном между притоками Ломна и Дёмина. Это Кузина гора (наиболее укрепленное и самое древнее), Александровское, Плаксинское, Березуцкое, Быкановское, Чечевизня, Косой хутор, Дроняевское 1 и 2, Восточно-Макаровское. Если Кузина гора, Плаксино и Чечевизня – двухслойные (юхновский слой лежит над скифоидным горизонтом), то Дроняево, Александровский, Березуцкое, Косой хутор, Восточно-Макаровское, Быкановское, Дроняевское – однослойные юхновские. Конечно, не все перечисленные городища существовали синхронно, но наличие куста синхронных поселений возражений не вызывает. Перечисленные городища окружены многочисленными небольшими неукрепленными селищами с юхновской керамикой. Особенно много их встречено у городищ Чечевизня-Косой Хутор (17) [29], группы селищ имеются у городищ Кузина гора (1 – Золотухино), Александровского (5), Березуцкого (3 – Березуцкое 1, 2 и Нижнее Сосково), Дроняевских 1 и 2 (2), Восточно-Макаровского (1). Несколько неукрепленных селищ – Рассолово, Успенское 1, 2, Авдеево 1 и 5 – оказались здесь даже на пойменных дюнах и мысах первой надпойменной террасы уже на левобережье Сейма. Протяженность ядра мегаагломерации с востока на запад составляет 12 км.

Выше и ниже по течению с разрывом от основной группы в 6-8 км располагаются соответственно правобережные Липинское городище с востока и городища Кудеярова гора и Лысая гора с запада. У всех городищ юхновский слой подстилается скифоидным.

А вот на самых краях – восточном и западном – наблюдаемой структуры юхновские городища «выбираются» на левобережье Сейма, как бы замыкая группу. С востока это городище Маслово с сопутствующими селищами [16, С.72] в 7,5 км от Липинского, а с запада – городище Сугрово с двумя сопутствующими селищами (Рис. 1) [28] почти в 11 км от Кудеяровой горы. И в Маслово и в Сугрово слои раннего железного века содержат исключительно юхновский материал. Чем не «форпосты»? Несколько восточней Маслово расположен самый крайний восточный из известных в долине Сейма пункт находок юхновской керамики – селище Ворошнево, тоже левобережный [15, С.87].

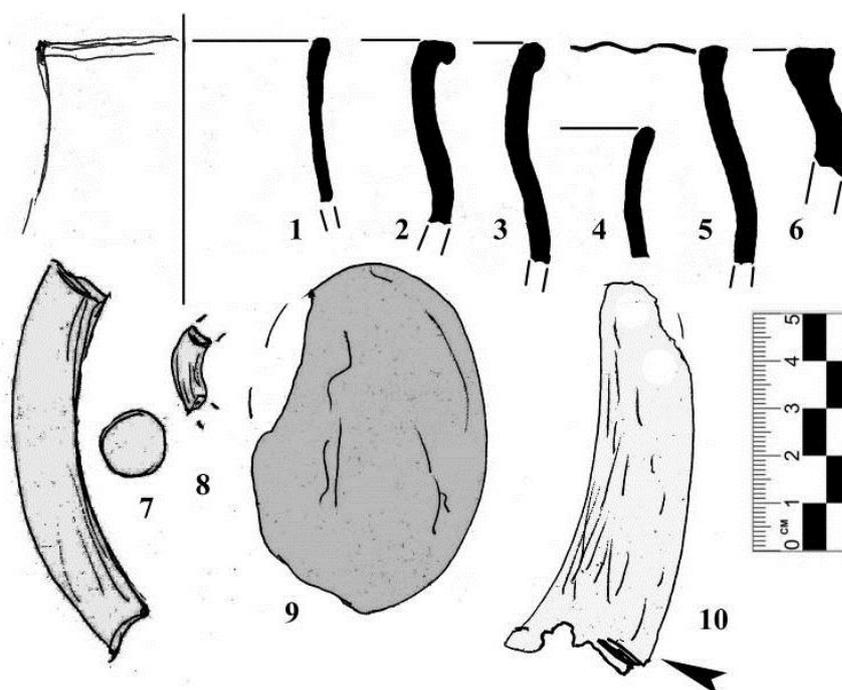
Но если «краевые» Масловское и Сугровское городища расположены непосредственно на левом берегу Сейма, то напротив «ядра» на левобережье имеется еще одно чисто юхновское городище, удаленное от основной водной артерии на целых 15 км. На данном участке оно, по моему мнению, маркирует наиболее глубокое продвижение носителей юхновской культуры на Сеймское левобережье. Речь о расположенном на правом крутом берегу р.Реут (крупный левый приток Сейма) городище Колпаково, открытом летом 1999 г. во время моих разведок совместно с краеведом из г. Курчатова Александром Афанасьевичем Катуниним. Городище расположено в 350-400 м к востоку от восточной окраины села Колпаково на мысу правого коренного высокого берега Реута, образованном двумя оврагами, на склоне южной экспозиции. Площадка его подпрямоугольная, с севера на юг тянется на 72 м, с запада на восток на 63 м. На площадке несколько рядов окопов, следы блиндажа и воронки времен Второй мировой войны. С напольной стороны городище укреплено двумя рядами рвов и валов, внутренний вал достигает высоты 2,5 м, внешний - 2 м. Валы хорошо сохранились. Зачистка стенки окопа показала, что культурный слой городища имеет мощность 0,3-0,8 м. Цвет се-

рый и темно-серый, золистый, подстиается лессовидными суглинками. Городище одно-
 слойное. Находки: тонкостенная слабопрофилированная лепная керамика без орнамента,
 многочисленные фрагменты яйцевидных глиняных блоков, и небольшой керамической бу-
 сины или пряслица (Рис.2).

Рис.1. Городище Сугрово. Юхновский слой (раскопки автора, 1999 г.)

А: 1-3 – венчики неорнаментированных сосудов, 4 – фрагмент рукояти кувшина (привнесенный скифо-
 идный культурный элемент). 5 – посоховидная булавка с округлой петлёй. 6, 7 – яйцевидные блоки. 8 –
 глиняный «хлебец» (1-4, 6-8 – керамика, 5 – железо). Б: План городища (1) и прилегающего селища (2)
 (по А.В. Кашкину [16]).

Рис.2. Городище Колпаково (разведки автора, 1999 г.)

1-фрагмент миниатюрного лепного сосуда 2-6 – венчики неорнаментированных лепных сосудов, 7 – фрагмент рукояти кувшина (привнесенный скифоидный культурный элемент). 8 – фрагмент пряслица или бусины (?), 9 – яйцевидный блок. 10 – рог козы со следами резания. 1-9 – керамика, 10 – кость.

Представляется, что такая симметричная организованная структура расселения не является случайностью. Можно предположить, что описанная выше агломерация (Рис.3) демонстрирует расселение, состоящее из группы патриархальных родовых общин (одно городище – одна община) племенное объединение. Центром этого объединения вначале расселения могло быть хорошо укрепленное городище Кузина гора [1]. В дальнейшем при росте водоносности малых рек, роль племенного центра могло приобрести удаленное от речной долины, укрытое лесами городище Чечевизня. Именно вокруг него сложилась наиболее крупная агломерация неукрепленных поселений, а непосредственно к югу от него расположено своеобразное округлое в плане небольшое городище Косой Хутор с маломощным культурным слоем.

Ниже по течению Сейма, в 50 км к востоку в районе Рыльской луки, имеется еще одна агломерация юхновских городищ и селищ – менее крупная, чем Кузиногорская, и с менее выразительной, чем у неё, структурой. Ядром агломерации можно считать лежащие на правом берегу Сейма двуплощадочное городище Лавочное на южной окраине Рыльска городища Крысова гора и Лавочное у пос. Поповка к югу от города и городище Тимохино с чистым юхновским слоем [16, С.111]. Северо-восточный фас агломерации (в 7 км от её ядра) обозначен комплексом памятников на левом берегу Сейма у с. Октябрьское – городище Пионов бугор (юхновское, с тонкостенной лепной керамикой и яйцевидными глиняными блоками, обследовано как разрушающийся памятник в 1999 г. совместно мною и Г.Ю.Стародубцевым, Рис.5) и прилегающее к нему селище. Южный фас маркируют городища Крутое (Иштутино) и Артюшково с юхновским и скифоидным слоями по правому берегу Сейма и чисто юхновское городище Жадино (Кореневский район) на противоположном левом берегу, расположенные в 10-11 км от ядра агломерации. Попутно заметим, что на карте Рыльского района, приведенной на Рис.49 АКР [16], городища Тимохино и Артюшково «поменялись местами». Общая протяженность агломерации с севера на юг по прямой составляет около 16 км (Рис.4).

Рис.4. Рыльская мегаагломерация юхновской культуры в Курском Посеймье с прилегающими территориями. Обозначения см. на Рис.3. в качестве картоосновы использованы космофото Google maps

Рис. 5. Городище Пионов бугор (1999 г.)

Между Кузиногорской и Рыльской мегаагломерациями в расширенном участке долины Сейма имеется несколько малых агломераций поселений, не нанесенных на карту в монографии Д.В. Каравайко и С.А. Горбаненко. Ниже г. Льгов по течению (в 20 км западней городища Сугрово) располагаются многослойное городище Соловень Бугор и селище Голый Пай (Банищи 2) [16, С.12-13] в устье реки Прутище, выше по течению которой известно несколько городищ с юхновскими материалами – Городок (Соловьевка), Марица [16, С.15-17], Теробрин (Мухино) [15, с.217-218]. Еще в 10 км к западу на крутом левом берегу Сейма напротив устья Свапы к юхновским памятникам относится многослойное городище Сабурова гора (Жилище) [16, С.14], а в 4 км к югу от неё, так же на густо облесенном левобережье Сейма располагается Малое Ивановское городище. Заметим, что расстояние от Малого

Ивановского городища (городище Бупел) до городища Пионов Бугор (край Рыльской агломерации) превышает 16 км. Перечисленные памятники маркируют южную границу ареала юхновской культуры на данном участке долины Сейма.

Но если мы повторно взглянем на карту Д.В. Каравайко [6], то увидим, что на ней юхновская культура не робко выбирается на левобережье Сейма, но, напротив, смело охватывает верхнее течение Псла, для которого указано как минимум четыре памятника.

Участвуя в разведках микрорегиона Гочево и его окрестностей на верхнем Псле в 1986-1987 и 1991 гг. под руководством О.А. Щегловой и Н.А. Тихомирова я имел возможность и сам выявлять новые памятники, и, конечно знакомиться с материалом. Смее утверждать, что все поселения раннего железного века, предшествующие позднезарубинецким, на этой территории относятся исключительно к скифоидной лесостепной культуре. По крайней мере, керамики, которую можно было хотя бы с натяжкой назвать юхновской (например, только по орнаментации, либо только по тесту), здесь не встречалось. Это и не удивительно: несмотря на островные леса, образующие в районе Бушмено – Гочево – Картамышево (любителям сплава на байдарках место известно как «Гочевская труба») довольно внушительный массив [31, 32], регион в целом относится уже к степной природной зоне.

Городище Разбойничий Курган на левобережье р. Стригосла (между х. Чернецкий и с. Кривицкие Буды, Беловского района Курской обл.) – типичное однослойное «золничное» скифоидное городище. Выразительной юхновской керамики в его материалах нет. На поселении Усланка (Обоянский р-н Курской обл.) Б.А. Шрамко за позднюю юхновскую керамику была принята похожая по тесту и орнаментации керамика бондарихинской культуры поздне-

го бронзового века, в ареал которой входит верхнее течение Псёла. В Украинской части бассейна Псёла, единичные находки с поселения Великие Будки (Недригайловский р-н Сумской обл.), отнесенные В.М. Горюновой и В.Е. Родниковой к юхновской культуре – керамические ткацкий грузик усеченно-конической формы, фрагмент дисковидного пряслица, биконическое пряслице и фрагмент железной посоховидной булавки [7], в действительности широко распространены в культурах раннего железного века и римского времени [27, С.28] и потому жесткая связь их с юхновскими древностями неоправданна. Более того, биконическое пряслице с наколами типологически едино с серией позднезарубинецких пряслиц этого поселения, наколы на таких изделиях нередки. Учитывая полное отсутствие юхновской керамики, нет оснований писать о присутствии на поселении юхновской культуры.

О. Билинский и Д. Кабанов, ознакомившиеся с материалами разведок и небольших раскопок на верхнем Псёле, также пришли к выводу, что местный ранний железный век сходен с Посеймским, а памятники, скорее всего, оставлены населением, покинувшим Посеймье, отступившим отсюда после продвижения туда носителей юхновской культуры [5]. Что касается двух селищ (поселения 3 и 5) на территории г. Суджа, принадлежность их к юхновской культуре подтверждается. Однако, судя по насыщенности культурного слоя материалом, это были кратковременные поселения, а их обитатели проникли из Посеймья в долину р. Суджа (правый приток верхнего Псёла) по более облесенной и увлажненной проходной долине Снагость-Локня, с ландшафтно-геоморфологическими особенностями которой я ознакомился, работая в Среднерусской палеолитической экспедиции МГУ 1987 г. под руководством С.Н. Алексеева. О пути расселения говорят городище и поселение Гапоново на Сейме в древнем устье Снагости (крайние юго-западные юхновские пункты в Курском Посеймье), поселения Комаровка 2 на дюне левобережной поймы и Любимовка на второй террасе правого берега Снагости [16, С.224-227]. Суджанские поселения маркируют наиболее южную географическую точку распространения юхновской культуры.

Таким образом, бассейн р. Псёл, исключая мизерный непродолжительно заселенный участок среднего течения правого притока – Суджи, следует исключить из юхновского ареала.

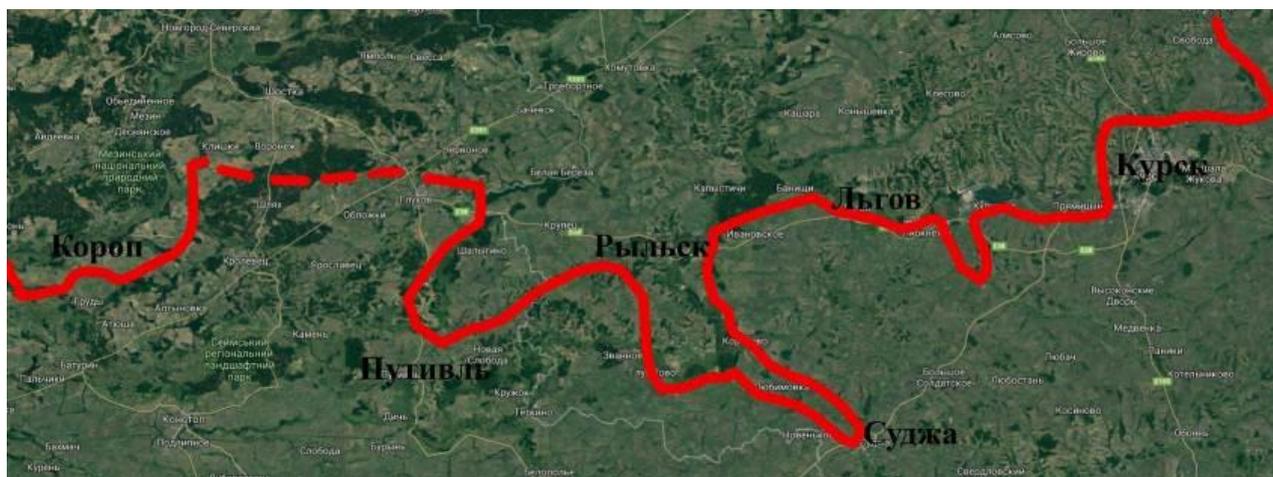
Вернемся на Сейм. На Путивльском отрезке течения Сейма, традиционно не включавшемся в ареал юхновской культуры, Д.В. Каравайко выделил группу памятников, содержащих малочисленный по объему керамический материал, находящийся, по его мнению, аналогии на юхновских поселениях [14]. Речь об отдельных фрагментах керамики с городищ Скиток (Новая Слобода) и Западное и Восточное Воргольские, а также о ряде находок рыболовных грузил и пряслиц на других памятниках. Однако при характерной в целом для юхновской посуды слабой профилировке отдельных горшков (хотя слабопрофилированные горшки есть и в скифоидных комплексах), на опубликованных фрагментах можно наблюдать характерные для скифоидных горшков проколы под венчиком. Напротив, в единичных случаях орнаментации щепкой на венчиках, сами венчики имеют профили, типичные для скифоидной посуды. На мой взгляд, это не более, чем единичные культурные заимствования (например, диффузия культуры в результате редких межплеменных браков). К аналогичным выводам приходит и Д.А. Каравайко [15]. Что до керамических грузил и пряслиц – эти предметы без учета типологических нюансов нельзя считать культуроопределяющими для памятников лесной и лесостепной зон.

Проводившая раскопки на городище Ширяево (Старые Гончары) В.А. Ильинская не отмечает там юхновских материалов [9] на которые в настоящее время указывает В.В. Приймак [22]. Судя по всему речь вновь о слабопрофилированных горшках с проколами под венчиком, которые, несмотря на некоторое сходство, юхновской посудой не являются. Иное дело, упомянутое В.В. Приймаком в той же публикации городище Шпиль в полукилометре к

северо-западу от д. Ховзовка на правом берегу р. Клевень. Некоторые фрагменты керамики с этого городища действительно могут быть отнесены к юхновской культуре. Однако сюда юхновское население с большей вероятностью могло попасть не с лежащего в 18-20 км южнее Сейма, где поблизости нет ни одного надежно выявленного юхновского поселения, а, напротив, с территорий, лежащих к северо-востоку. Именно там, на р. Обеста (левый приток Клевени) имеется многослойное городище с юхновским культурным слоем в д. Городище (Рыльский р-н, Курская обл.).

Включать собственно Путивльское Посеймье в юхновский ареал представляется, как минимум, преждевременным. Лишь вблизи устья Сейма имеется группа памятников, достоверно связанная с южным краем основного ядра юхновской культуры – Новгород-Северского полесья и Нижней Судости.

Таким образом, южную границу ареала юхновской культуры в максимальном ее распространении в V-III вв. до н.э. (Рис.6) следует проводить от среднего течения Рати через северную окраину Курска, к устью р. Большая Курица и далее – по левобережью долины Сейма (захватывая выступом на юг на 15-17 км нижнее течение Реута) до с. Октябрьское под Рыльском и далее на юг – до устья Снагости. Здесь следует еще один длинный выступ в юго-восточном-восточном направлении по долине Снагости, через проходную долину – до г. Суджа. Далее, судя по памятникам, линия границы разворачивается к северо-западу – к р. Обеста и среднему течению р. Клевень, а оттуда к устью Сейма. В районе устья Сейма происходит пересечение ареала юхновской и милоградской археологических культур [25], о чем, в частности, говорят материалы городища Шабалиновское.

Рис.6. Южная граница максимального распространения памятников юхновской культуры раннего железного века (V-III вв. до н.э.). Пунктиром показан участок, нуждающийся в уточнении.

В заключение хочется обратить внимание еще на один аспект взаимосвязи человеческих обществ и природной среды. У носителей скифоидной лесостепной культуры, ареал которой лежал к югу и юго-востоку от юхновского, частично пересекаясь в Посеймье, основными сельскохозяйственными культурами были ячмень и пшеница, которые лучше возделывались на дерново-луговых почвах и черноземах, предпочитавшихся скифоидным населением [32]. В то же время наиболее характерный для юхновской культуры злак – просо – напротив, хорошо вызревало и давало урожай на серых лесных и подзолистых почвах, преобладающих на территории юхновского ареала [11]. Наложение предложенной границы на почвенную карту показывает почти точное её совпадение с южной границей распространения подзолистых и, в первую очередь, серых лесных почв [10; 20] (Рис.7). Концентрируются памятники

Рис.7. Граница между основными массивами серых лесных почв и черноземов на территории Курской области

ну где автохтонные юхновские племена участвовали в формировании горизонта памятников типа Подгородняя Слобода-Полужье, а на верхнюю Оку. В частности, об этом говорит распространение отдельных типов булавок с ажурным листовидным навершием [30], особенно характерных для юхновских и верхнеокских племён. Полробной аргументации этой гипотезы будет посвящена отдельная публикация.

Библиографический список

1. Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // Лесостепные культуры скифского времени / МИА № 113. М.: Наука, 1962. С.
2. Апальков А.Н. О времени появления юхновской культуры в Посеймье // Деснинские древности. – Брянск, 1995.
3. Билинский О.О. К истории изучения памятников скифского времени в Среднем Посеймье и современное состояние проблемы // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Курск: КГОМА, 2012. Вып. IV. С.110–116.
4. Білінський О.О., Яхімовіч К. Господарство населення скіфського часу на Сеймі за даними геоекологічного вивчення природних умов та пам'яток // Археологія і давня історія України. 2018. № 1 (26). С. 280-292
5. Білінський О.О., Кабанов Д.О. Пам'ятки скіфського часу у верхів'ях Псла // Археологія і давня історія України. 2015. № 4 (17). С. 122-127.
6. Горбаненко С.А., Каравайко Д.В. Господарство носіїв юхновської культури. – Київ: Наукова думка, 2012. – 302 с.
7. Горюнова В.М., Родникова В.Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. 1999. № 4. С. 167-219.
8. Гречко Д.С., Каравайко Д.В. Об этнокультурных процессах в Посеймье в скифское время // Сіверщина в історії України. Вып. 5. Глухів 2012. С.55-60.
9. Іллінська В.А. Городище скіфського часу на р. Сейм // Археологія, т. VIII. 1953.
10. Інтерактивна карта ґрунтів України [електронний ресурс] URL: <https://superagronom.com/karty/karta-gruntiv-ukrainy> (дата обращения 18.10.2019)
11. Кабанов Д. Земледелие населения Посеймья в эпоху раннего железного века // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий / Материалы XXVIII международной студенческой археолого-этнологической конференции 24-25 мая 2012 г. – Брянск: Курсив, 2012. С.54-61.
12. Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского полесья. – Киев: Институт археологии НАН Украины, 2012. – 276 с.

юхновской культуры в местах распространения легко- и среднесуглинистых серых лесных почв, легче поддающихся обработке, чем тяжелосуглинистые, на которых стоят единичные памятники. Такое совпадение дает основание в дальнейшем считать серые лесные почвы своеобразным маркером, для определения возможного ареала юхновской культуры.

И последнее. Представляется вероятным, что при последовавшим после III в. до н.э. оттоке лесного населения из Курского Посеймья часть юхновских племен отправилась не обратно на Дес-

13. *Каравайко Д.В.* Городища раннего железного века на Сейми // Археология і давня історія України. 2015. № 2 (15). С. 65-76.
14. *Каравайко Д.В.* Исследования городищ Путивльского Посемья в 2016 г.: итоги и перспективы // Археология і давня історія України, 2017, вип.2(23). С.279-291
15. *Кашкин А.В.* Археологическая карта России. Курская область. Ч.1. – М.: ИА РАН, 1998. – 304 с.
16. *Кашкин А.В.* Археологическая карта России. Курская область. Ч.2. – М.: ИА РАН, 2000. – 240 с.
17. *Клименко В.В.* Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток. 2000, №1. С.5-31.
18. *Левенок В.П.* Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // Советская археология, 1963. № 3. С.79-96.
19. *Мельниковская О.Н.* Работы на территории Курского водохранилища // Археологические открытия 1969 года. – М.: Наука, 1970.
20. Национальный атлас почв Российской Федерации / Под ред. С.А. Шоба. – М.: АСТ, 2011. – 632 с. С.342 <https://soilatlas.ru>
21. *Приймак В.В.* К вопросу о северных пределах Геродотовой Скифии // Феномен Більського городища - 2016. - К.; Полтава: ЦП НАНУ і УТОПК. 2016. С.35-45.
22. *Пузикова А.И.* Городище у дер. Нартово под Курском // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. С.49-55.
23. *Пузикова А.И.* Памятники скифского времени в бассейне р.Тускарь (Посеймье). – М.: ИА РАН, 1997. – 126 с.
24. *Ржевуська С.С.* До питання про північно-східний кордон ареалу підгірцівської групи пам'яток // Сіверщина в історії України. Вип.12. – Глухів – Київ, 2019. С.96-99.
25. *Столяров Е.В.* Культурные традиции населения бассейна Верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н.э. – I в. н.э.). Автореф. дис. канд. историч. наук. М., 2013.
26. *Терпиловский Р.В.* Ранние славяне III-V вв. Киев: Наукова думка, 1984. -124 с.
27. *Хотинский Н.А., Савина С.С.* Палеоклиматические схемы территории СССР в бореальном, атлантическом и суббореальном периодах голоцена // Известия АН СССР. Сер. География. 1985. № 4. С.18-34.
28. *Чубур А.А.* Сугровское городище // Сборник статей сотрудников филиала МГСУ в г. Брянске. – Брянск: МГСУ, 2003, С.62-69.
29. *Чубур А.А.* Микрорегион Чечевизня и некоторые вопросы этнокультурных процессов в раннем железном веке бассейна Днепра // Славянский мир Полесья. Материалы международной научной конференции 19-20 октября 2004 г. – Гомель, 2005. С.186-190.
30. *Чубур А.А.* Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой) : Сборник научных трудов. – Курск : Курский государственный областной музей археологии, 2012. С. 117-135.
31. *Шкурка М.С.* Псёл. – М.: Физкультура и спорт, 1986. – 32 с. (Библиотечка туриста-водника).
32. *Шрамко Б.А.* Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху: Автореферат дис. на соискание ученой степени докт. ист. наук / АН УССР. – Киев, 1965. – 32 с.
33. *Behringer W.* Kulturgeschichte des Klimas: von der Eiszeit bis zur globalen Erwärmung. С. Н. Beck, München, 2007. 355 p.
34. Курский край сквозь века : Книга-альбом / *А.В. Зорин, Г.Ю. Стародубцев, А.А. Чубур, А.Г. Шнилев.* – Курск : Полстар, 2014. – 256 с.
35. *Чубур А.А., Чернышов С.В.* Летопись Брянщины : Исторический очерк древности и средневековья. – Брянск : ООО "Эверест" , 2011. – 120 с.

Сведения об авторе:

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, проф. Российской Академии естествознания, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

УДК 904(470.333)

Е.А. Шинаков

СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО БРЯНСКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И НОВЫЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ

Аннотация: рассмотрены историографические концепции становления летописного Брянска. Отвергнуты популярная во второй половине XX в. концепция «переноса городов» и городской статус поселения на археологическом комплексе Чашин курган. Брянск мог изначально возникнуть на Покровской и Петровской горах.

Ключевые слова: генезис древнерусского города, перенос городов, открытые торгово-ремесленные поселения, укрепления, Чашин курган, Покровская гора, Петровская гора.

Shinakov E.A. Formation of medieval Bryansk: historiographic concepts and new data of archeology

Abstract: The historiographic concepts of the formation of the chronicle Bryansk are considered. Rejected in a purely in the second half of the twentieth century. The concept of "cities transfer" and the city status of the settlement on the archaeological complex Chashin Kurgan. Bryansk could initially arise in the Pokrovskaya and Petrovskaya mountains.

Keywords: genesis of the Old Russian city, transferring cities, open trade and craft settlements, strengthening, Chashin Kurgan, Pokrov Hill, Petrov Hill.

Работа выполнена при поддержке РФФИ грант 18-45-320001 и РГНФ грант 16-11-32602

Вновь обратиться к данной теме автора побудили новые системные и масштабные, хотя и во многом имевшие «спасательное» значение, археологические работы на территории современного Брянска. В его правобережной части располагается поселенческая агломерация, состоящая из пяти археологических комплексов, включающих средневековые памятники. Раскопки и разведки 2016-2018 гг. в разной степени затронули три из них: напротив устья р.Болва («Чашин Курган» и селища вокруг него) [44; 46]; напротив устья Снежети (Покровская и Петровская горы) [6]; на территории бывшего села Бежичи (ныне – в черте города), упомянутого в письменных источниках XVII в.

Становление города как социального организма, имеющего определенные археологические признаки (и не только укреплений), тесно связано со становлением древнерусской государственности в целом. Это отразилось как в скандинавском наименовании Руси – «Гардарики» (страна укрепленных поселений), так и в характеристике русского феодализма как «городового» (Б.А. Рыбаков). Если даже не брать спорный вопрос о наличии на Руси феодализма как основного социально-экономического строя, то отрицать роль «городового» фактора в её политогенезе вряд ли возможно. В частности, Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин в свое время обосновали значение «сети раннефеодальных центров» в становлении государственности в странах Северной Европы и Руси в том числе. Эти предгородские «центры формирующегося государства» отличаются от полноценных городов этапа ранней государственности, частично совпадающего на Руси с периодом единого Древнерусского государства под коллективным сюзеренитетом Рюриковичей (конец X – начало XII вв.), своей монофункциональностью. Укрепленными среди них были пункты-погосты (для сбора дани и окняжения присоединяемых территорий), дружинные лагеря, «станы» на пути полюдьи, племенные и надплеменные «грады» (военно-административные и религиозные центры летописных «княжений»), «открытые» (или «внеплеменные» – по С.Белецкому) торгово-ремесленные поселения типа северных «виков», имевшие в своей структуре небольшое укрепление, часто (для экономии средств) – вторичного использования. Подлинных городов в IX – XII вв. на Руси было немного (Ладога и др.), в Среднем Подесенье их (за исключением, возможно Стародуба, с конца X в.) не было вообще. Позднее некоторые из предгородских центров трансформируются в полифункциональные города, другие – в частновладельческие села с небольшими укрепленными усадьбами-градами, третьи – «доросли» до «воен-

но-административных центров волостей и погостов» [11, С.34]. Некоторые с ликвидацией порождавших их функций исчезали или деградировали до рядовых «весей». Сильные укрепления при отсутствии иногда посадов имели сторожевые пограничные, в первую очередь, крепости, но они были «привязаны» либо к «степным» оборонительным линиям, либо к межкняжеским пограничьям (для Подесенья см.: [40]).

А.В.Куза, опираясь на определение восточного города, сделанные В.Н.Башиловым и О.Г.Большаковым [2], вывел формулу древнерусского города как социально - экономическо-го, политического и культурного феномена [10, С. 12-13]. Она позволяет, с одной стороны, определить принципиальные отличия древнерусского города как от иных типов укрепленных поселений Руки, так и от городов Западной Европы, с другой – выявить набор его археологических признаков. Последние также было сделано А.В. Кузой еще в начале 80-х гг. XX в. с учетом социологических выкладок Б.А. Рыбакова [10, С.22; 11, С.24-25, 29]. В дальнейшем то, как «работает» этот набор из восьми групп признаков применительно к конкретным объектам, а также разработанная А.В. Кузой типология укрепленных поселений с учетом этапного подхода, была неоднократно апробирована и подтверждена на материалах разных регионов Руси, в т.ч. и Подесенья. Большую роль в конкретно-археологическом его изучении сыграла созданная в 1979 г. А.В. Кузой Новгород-Северская экспедиция АН СССР и УССР, Черниговского, а с 1981 г. – и Брянского пединститутов. Проведенные и Брянским отрядом раскопки на юге Брянской области (Случевск, Рябцево, Стародуб) дали толчок [38] многолетним системным исследованиям укрепленных поселений Брянской области разных типов, в т.ч. и посвященным проблемам древнерусского градообразования и локализации летописных центров. Эти работы продолжаются и сейчас, найдя отражение в сотнях публикаций в России, Украине, Беларуси, Польше, Великобритании, в т.ч. в монографиях [32, Гл. VI; 22; 23]. Их главные итоги заключались в уточнении списка признаков частновладельческих «сел» с укрепленными усадьбами, впервые разработанного В.В. Седовым для Смоленской земли [27] и отраженных в диссертации Г.П. Полякова [20] и в определении методом индукции нескольких путей возникновения городов в Брянском Подесенья [43; 47].

Поскольку именно княжеские и боярские села составляют наиболее многочисленную (несколько десятков!) категорию укрепленных поселений Брянского Подесенья, их вычленение играет большую роль в археолого-теоретическом изучении и поселений городского типа по принципу «ex vicissim» («от обратного»). Изучались и ОТПП (Рябцево [8]), и пункты-погосты, и дружинные лагеря-станы на пути полюдьа (Случевск), и надплеменной град, ставший позднее княжеской загородной укрепленной резиденцией (Кветунь). Особенно интенсивно как полевые, так и теоретико-аналитические работы по изучению укрепленных поселений Брянского Подесенья стали вестись в 2010-е гг., чему способствовали гранты, предоставленные РГНФ, и хозяйственные договоры. Это позволяет и делает необходимым подвести некоторые итоги. В данной статье мы ограничимся Брянской средневековой городской агломерацией, находящейся в центре Брянского ополья и большой излучины Десны.

Расположение как самого древнерусского Брянска (Дьбрянска), так и его волости сельской округи, занимавшей центральную и южную часть Брянского ополья, – уникально. Она не входила ни во Вщижское княжество (хотя столица последнего и находилась в том же ополье), занимавшее волость Подесенья вдоль Судости [16], ни в Трубечское. На востоке, за Десной, «Добрянск» (из летописной статьи 1147 г.) граничил с «Землей Вятичей», возможно, с ее частью – «Лесной землей» [16] с Карачевом, на севере – с волостью Облов (Блеве). Все это были части либо Черниговского, либо Новгород-Северского княжества, либо того или другого попеременно [40]. При этом от двух последних, а также от Смоленского княжества на северо-западе, волость Брянска была отделена полосой непроходимых даже сейчас

долинно-зандровых лесов левобережья Десны, для земледелия и сельских поселений мало-пригодных (хотя отдельные поселки имеются и здесь – на перекрестках речных путей (зимних, в первую очередь) по Болве, Сенне, Ресете, Пастушье, Липово, Батагово). Судя по находкам там северянских украшений (в Батагово – и радимичских), эти пункты также относились к Брянской волости в XI–XII вв., т.к. «Лесная земля» была вятичской территорией, а волость Облов располагалась на вятичско-кривичском пограничье. Впрочем, в этнокультурном плане все Брянское ополье – зона смешения северянских, радимичских и вятичских культурных импульсов. Есть здесь захоронения и по общерусскому (для XI в.) псевдокамерному обряду захоронения (Антоновка, Елисеевичи) [33; 39; 41; 45].

Именно на межплеменных пограничьях могли располагаться как ОТП, так и погосты – опорные пункты «окняжения» присоединенных к Руси земель. Но главное не это: от Брянска открывались два варианта пути на северо-восток – в Залесскую землю (через «Землю Вятичей») – по Болве и Снежети, а также «обходной» – по Сенне–Болве–Ресете. Стратегически Брянск находился на стыке южной и северной Руси, хотя, судя по керамическому набору, относился все же к южной. Кроме того, через него пролегал единственно возможный путь из Смоленска в юго-восточную часть Руси, и даже – в Степь. Само ополье было чрезвычайно плодородного и к XII в. уже плотно заселено, что предопределило неизбежность возникновения здесь торгово-ремесленного и административного центра [1; 37, С.46]. В этой связи достаточно странно выглядят примерно 15-километровые «пустые» участки вдоль Десны к югу от Брянской агломерации (от с. Супонево до р. Рудка и с. Лопушь) и к западу от Хотылевской (до с. Овстуг, уже явно тяготеющего к городу Вщиж) [37, С.44. Рис.2]. Данные участки, по крайней мере, по берегам Десны, обследовались неоднократно. Конечно, эти разрывы можно объяснить спецификой землепользования и тем, что на расстоянии примерно дня пути от средневекового Брянска поселения «отходят» от большой реки Десна на мелкие ее притоки – Гасому на западе [30], Рудку и др. – на юге [13; 37]. Однако нельзя исключать и политические причины – возможные границы волости Брянска с волостями Вщижа («Подесенье») и Трубчевска, тем более, если они еще и «усиливались» наличием границ часто враждебных друг другу Черниговского и Новгород-Северского княжеств (война 1146/47, 1167, 1174). В этой связи некоторые укрепленные поселения, возникшие не как сторожевые крепости, могли обретать и дополнительные функции.

Таким образом, ясно, что и по хозяйственным (плодородные земли, концентрация сельского население, перекресток путей), и политическим причинам середина Брянского ополья была просто «обречена» породить достаточно крупный по местным масштабам городской организм. А вот сопоставление теории с конкретными археологическими данными создало несколько гипотез о возникновении Брянска.

Долгое время вопроса о соотношении летописного Дебрянска с конкретным археологическим памятником не возникало, вероятно, потому что его средневековые деревянные стены были снесены лишь при Екатерине II. Даже когда профессор Киевской Духовной Академии Н.И. Петров в 1899 г. впервые дал правильную научную интерпретацию ранее обнаруженного городища в урочище Чашин Курган (1884), до того считавшегося «курганом-майdanом», он назвал его «крепостцей» [14], никак не увязывая со средневековым Брянском. Датировка Чашина Кургана древнерусским временем по подъемному материалу, добытому с рядом лежащего Верхнего селища (сейчас на нем расположено частично кладбище, частично огороды и усадьбы бывшего села Городище) в 1924 г. первым директором Брянского губернского музея местного края С.С. Деевым [7], ситуации не поменяла.

Причиной создания второй гипотезы стало желание местных краеведов удревнить историю Брянска, и связать его возникновение с деятельностью Св.Владимира по строитель-

ству городов на южной, степной границе Руси [3; 29]. Однако раскопки, проведенные в 1968, 1970, 1971 гг. на Покровской горе Т.В. Равдиной, опровергли эти предположения [25]. Это заставило Ф.М. Заверняева вновь обратиться к Чашину Кургану. Его масштабные раскопки, проведенные, правда, не на самом городище, а на Верхнем селище в 1976-1979 гг. (пока наиболее подробное их описание: [17; 22]) послужили основанием для подготовки заключения (составленного А.В. Кузой) за подписью директора ИА АН СССР академика Б.А. Рыбакова [26]. «Есть все основания полагать, что древний Брянск был основан в 80-е гг. X в. После 1147 г. центр города с поселения «Чашин курган» переместился на Покровскую гору, где найдены культурные отложения конца XII в. и последующих эпох». Однако в археологических обоснованиях этого заключения было одно слабое место – раскопок на самом городище, а тем более, разрезов его валов, не проводилось. А укрепления являются важнейшим внешним признаком средневекового города. Полукольцевые городища, к которым относятся и Чашин Курган, на Руси датируются не ранее конца XI в. Эта лакуна в исследованиях была частично ликвидирована совместными раскопками Брянского областного краеведческого (тогда – историко-революционного) музея и БГПИ им. акад. И.Г. Петровского в 1986/87 гг. на городище, сопровождавшимися и разрезом вала. Результаты изложены в краткой публикации Г.П. Полякова, подготовленной «по свежим следам». В ней говорится об отсутствии на городище слоев ранее начала XII в., и наличии керамики этого же времени под подошвой вала [15, С.98-99]. Кроме того, постулировалось наличие распаханых укреплений «окольного города» – валы шириной 25 и высотой до 1,5 м. Это намного увеличивало площадь укрепленной части поселения и «превращало» его в подлинный город, для идентификации которого по классификации А.В. Кузы, «требовалась» площадь укреплений не менее 2,5 га» [10, С.30-32; 11, С.19-21]. Определенное значение для уточнения времени и интенсивности функционирования Верхнего селища имели раскопки 1995 г., выявившие большое наземное жилище на подклете эпохи Древней Руси, а также находки второй половины XIII–XV вв., свидетельствующие о его существовании в период Брянского и Великого Литовского княжеств. Период окончания жизни на Верхнем селище маркирован захоронением с энколпионом XVI в. К сожалению, материалы раскопок и 1995, и 1986/87 гг., не введены в научный оборот, а чертежи и фото разреза вала утрачены, что снижает обоснованность выводов. Что же касается возможностей наличия вала «окольного города», то проведенное в 2016 г. на месте его предполагаемого расположения георадарное сканирование его следов не выявило, а масштабные раскопки на участках, находящихся в частной собственности, проводить сложно.

Под влиянием новых фактов, свидетельствующих о том, что до начала XII в. поселение в урочище «Чашин Курган» не имело такого выраженного городского признака, как наличие укреплений, да и позднее его укрепленная площадь явно не дотягивала до «городских» параметров, заставило видоизменить концепцию возникновения средневекового Брянска. Ее корректировке способствовало также и то, что слои XII в., синхронные первому упоминанию Брянска (кстати, под разными наименованиями встреченными даже в одной – Ипатьевской летописи – и в один год – 1147) Добрянск, Дьбряньк, Брянеск, Бряньск [19, С.9] были и на разных участках Петровской горы – посаде средневекового города. Это говорило о параллельном существовании на территории современного Брянска двух предгородских центров уже в середине XII в. Корректировка концепции выразилась в том, что ее продолжатель Г.П. Поляков стал говорить о том, что Брянск, как город, хоть и возник в урочище Чашин Курган «на месте существующего здесь в середине 80-х гг. X в. поселения», но уже «на рубеже XI – XII вв.», а в 30-х гг. XIII в. «гибнет в результате сильного пожара» [5, С.27] (кстати, в текст статьи вкралась опечатка: «в 30-х гг. XII столетия»). Однако даже в модифицированном виде данная гипотеза находится в русле теории «переноса городов», когда «готовый» город со

всеми его функциями и связями с сельской округой и путями целиком, вместе с населением, переносится на новое место. «Старое» либо пустеет, либо деградирует и меняет функции. Это – словесная эквилибристика. Князья в XII-XIII вв. строили новые города, называвшиеся в их честь, но «перенести» старый город, разорвав все его социально-экономические связи, переселив население (насильно в значительной мере) – не в традициях Древней Руси, если это, конечно, не вызывалось чрезвычайными обстоятельствами. Поэтому параллельно с теорией «переноса» возникла теория «пар городов» по иному объяснявшая наличие на Руси (и в Северной Европе) двух и более существовавших неподалеку друг от друга предгородских центров. Это – разделение «городских» функций между ними. Чаще сочетание племенного «града» с погостом или «дружинным лагерем» центральной власти, иногда – с ОТП (ВТП) типа балтийского международного торгового центра – вика.

Традиционно в конце 70-х и 80-х гг. XX в. так сложилось, что сторонники первой теории относились к «ленинградской» археологической школе (исключение сотрудник ИА АН СССР Л.В. Алексеев), а второй – к «московской» (Д.А.Авдусин и ряд его учеников, а также специалист по Северной Европе Е.А.Мельникова). Брянские археологи Ф.М.Заверняев и В.А. Падин придерживались теории «переноса» (Падин касательно Кветуни-Трубчевска). Вполне объяснимо, что автор данной статьи, также ученик Д.А.Авдусина, попробовал применить теорию «пар городов» к брянским реалиям. При этом он использовал также опыт украинского археолога А.П.Моци по применению концепции социантрополога К.Леви-Строса о «бинарных оппозициях» как стимулах развития к возникновению Новгород-Северского [12]. «При этом вопросы и о переносе города, и о разделении функций могут решаться не на пути взаимоисключения, а в направлении диалектического взаимодополнения» [34. С.13].

Еще ранее впервые возникает диахронная атрибуция функций поселения в урочище Чашин Курган. Вначале (с конца X в.) это ОТП на межплеменном пограничье и пути из Киева и Чернигова в Залесскую землю, затем (с конца IX в.) – крепость Черниговского или Новгород-Северского княжества напротив устья Болвы, по которой проходил путь из Смоленской волости (до сер.XII в.) в Облов в Чернигово-Северскую землю [31, С.21, 25]. В качестве второй стороны бинарной оппозиции Чашину Кургану внутри Брянской предгородской агломерации, а затем и городской, выступает в конце X – первой половине XII в. еще не комплекс Покровская–Петровская горы, а Антоновка–Супонево, на южной окраине современного Брянска, где встречено единственное в Брянске «псевдокамерное» («камера-подражание») захоронение представителя русской социально-потестарной элиты XI в. [23; 33, С.82]. «В русском обществе XII в. сохраняется представление о камерах как о престижном типе погребений». «Относительно общественного положения людей погребенных в камерах, можно предположить, что в них похоронены представители центральной администрации, по всей видимости, не местного происхождения, присланные в ключевые точки Новгородской земли, и их ближайшие родственники» [28, С.276-277]. Хотя речь в данном случае идет не о Черниговской земле, но вряд ли в XI в. процесс окняжения в разных землях Руси сильно различался.

Позднее (вероятно, после середины XII в.) этот административный центр поселенческой агломерации – скорее всего, пункт-погост, с завершением окняжения трансформировался в частновладельческое село с укрепленной усадьбой-городищем [34, С.16]. Кстати, городище у с. Антоновка имеет бóльшую, правда реконструируемую, площадь (100 x 90 м) [18, С.106), чем предполагаемый детинец города в урочище Чашин Курган, который имел несколько меньшие размеры – 110 x 68 м, причем с учетом его двух площадок. Правда, по степени сложности и мощности укреплений городище в Антоновке не идет с ним ни в какое сравнение – они намного проще и меньше по размерам, и под крепость никак не подходят, а вот под укрепленный «двор» феодала – вполне. Собственно, на основе своих раскопок 1980 г.

еще Ф.М. Заверняев назвал городище усадьбой средневекового феодала. Не исключена принадлежность села князю, как бывшего погоста. Во всяком случае, схожее по археологическим признакам погост-село Елисеевичи было передано Свинскому монастырю князем Романом [9, С.141-142]. Г.П. Поляков выявил на городище слои и сооружения конца X–XI вв., синхронные исследованному им же «псевдокамерному» захоронению [18, С.109-110].

Открытие в 1998 г. селища 2 в бывшем с. Бежичи на западной окраине Брянска, где также находилось древнерусское поселение сложной планировки (юхновское городище вторичного использования и два рядом расположенных селища, причем на месте поселения романской культуры), сделало эту «оппозицию» уже «триарной». Правда, небольшие пока раскопки не позволяют достоверно выявить его функции в древнерусское время. Однако обнаруженные в разрушенном слое многочисленные полихронные изразцы XVII в. известной по письменным источникам усадьбы стольника Зиновьева позволяют предполагать, что и ранее Бежичи были подгородним частновладельческим селом. Находки XI–XIV вв. включают серебряную аксельбантовидную привеску, стеклянные браслеты, перстни-печатки [36, С. 177].

В итоге на территории Брянской городской агломерации площадью примерно 60 кв.км располагалось 3 крупных частновладельческих села. Это – Антоновка, Бежичи, и, после трансформации, связанной с переносом административных функций в середине XIII в. с Чашина Кургана на Покровскую гору – сам Чашин Курган, превратившийся в загородную резиденцию князя – замок [36, С.176].

С учетом того, что вокруг сел находились пахотные и иные угодья, а также наличествовали поселения иных типов, например, «веси», не считая самого города с его посадами – плотность была очень большая. Но это и неудивительно, ибо подлинные города Древней Руси как социально-экономические организмы и возникали (в отличие, скажем, от ОТПП или пограничных крепостей) именно, и прежде всего, в местах наибольшей концентрации сельского населения – основного плательщика даней и оброков. Этот фактор особенно заметен в Брянском Подесенье, через которое проходит ополье-полесский пояс, разграничивающий лесную и лесостепную зоны. Большая часть населения концентрировалась именно в пяти опольях и в трех отрогах лесостепи этого региона, здесь возникали и города разных размеров, часто и не по одному на ополье, площадью всего в несколько сот квадратных километров. Крупнейший исследователь истории брянских ополей Л.М. Ахромеев считает, что не только отдельные города, но и в целом «ядра Киевской и Московской Руси, а также Русских княжеств зародились на возвышенных плодородных территориях ополей Украины и Центральной России, окруженные со всех сторон речными долинами и густыми труднопроходимыми болотистыми лесами полесий» [1, С.68]. Здесь перед нами, конечно, не отдельная концепция происхождения Брянска, а дополнительный аргумент в пользу известной формулы А.В.Кузы, определившей специфику древнерусского города. «Древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширных территорий концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась значительная масса прибавочного продукта» [10, С.13]. Это определение позволило выделить 8 групп археологических признаков именно города [10, С.24], но при этом важно подчеркнуть, что «при археологической классификации населенных пунктов необходимо учитывать именно совокупность указанных признаков. Отсутствие отдельных элементов снижает надежность выводов» [10, С. 15].

Это важно для социальной характеристики поселения в урочище Чашин Курган. В свое время, на основе анализа материалов Ф.М. Заверняева, Г.П. Поляков выделил здесь признаки пяти групп (отсутствовало «административное управление» и «монументальное зодчество») [15, С. 99]. Однако поскольку одни из важнейших признаков (укрепленная площадь 5 га, а для «города» достаточно 2,5 га и трехчленная структура) в дальнейшем не нашли подтвер-

ждения, точка зрения этого сторонника теории полного «переноса» несколько сблизилась с третьей теорией. В частности, уже в 1995 г. он приводит точку зрения Ф.М. Заверняева о прекращении жизни на окольном городе Чашин Курган не в результате татарского похода весны 1238 г., как было ранее, а в 1147 г. [17, С.127]. Это уже имплицитно предполагает перенос части «городских» функций на новое место во второй половине XII в., а не в середине XIII в. Однако сам Г.П.Поляков эту точку зрения своего учителя явно не разделяет. Он признает этапность возникновения города в урочище Чашин Курган (подлинный город, причем «столица небольшого удельного княжества» только в «последней трети XII в.»), во-первых. Во-вторых, он считает, что Роман Михайлович основал новый город как столицу Черниговской земли не на пустом месте, а на месте нескольких сел. В-третьих, Г.П. Поляков объясняет, откуда для этого взялось население (демографический фактор): оно само покинуло Чашин Курган при угрозе монголо-татар, которые сожгли опустевший город [22, С.63].

С этой схемой можно согласиться, но только с ее началом (исследователь принимает точку зрения [31] о том, что в конце X–XI вв. здесь было ОТП, и с тем, что «новый» Брянск был основан не на пустом месте. Последнее нашло свое подтверждение при масштабных раскопках 2016–17 гг., на Петровской горе. При сопоставлении их результатов с материалами более ранних работ [4] можно сделать вывод о существовании здесь в XII в. не отдельных сельских поселений, а крупного, хотя и с «мозаичной» планировкой, поселения со смешанной экономикой, возможно, уже выполнившего часть «городских функций». Дискуссионным является и утверждение Г.П. Полякова, что в конце IX – первой трети XII вв. (т.е. когда и сооружались ныне существующие валы городища) здесь был «замок черниговских князей». Разрезы вала, проведенные автором в 2016–2017 гг., подтвердив время их сооружения рубежом XI–XII вв. [44; 46], выявили там такие конструктивные особенности, которые позволяют отнести их постройку к периоду новгород-северского правления Олега Святославича и его сотрудничеству с переяславским тогда (1097–1113) князем Владимиром Мономахом [42, С.127].

Очень сложные и мощные укрепления городища Чашин Курган, предназначенные не столько для защиты жителей (слишком мала площадь) или князя (вопрос о его постоянном наличии здесь – вопрос спорный даже для конца XII, а не то что для XI в.), говорят в пользу сторожевой пограничной крепости, правда, судя по наличию обширного неукрепленного посада (вопрос об «окольном городе» все еще открыт) и отсутствию следов крупных пожаров, – расположенной на достаточно мирном пограничье. Им и мог быть северной рубеж вновь созданного Новгород-Северского княжества – на западе граничащий с Черниговским Подесеньем, а на севере – со смоленской до середины XII в. волостью Облов. Это подтверждает и конкретизирует ранее сделанный вывод о том, что Брянск на Чашинском Кургане какое-то время служил в т.ч. и пограничной крепостью [31, С.25]. Косвенно решается вопрос и о владельческой (черниговской или новгород-северской) принадлежности его волости по материалам физической географии и археологии [40, С.319] в пользу последней (по крайней мере, при Олеге Святославиче II, после 1097). Даже если к воссозданному в пределах Черниговской земли для Олега Святославича II Новгород-Северскому престолу Брянск уже не относится, находясь, как стратегически важный пункт под прямым управлением Чернигова, срывать его укрепления или их ослаблять смысла не было. Судя по раскопкам 2016 г., его укрепления разрушались постепенно: или естественным образом, или были снесены и сnivelированы поэтапно, будучи вначале приспособлены к функциям подгородней княжеской усадьбы.

К середине XIII в. политическая ситуация в Черниговской земле изменилась – за право называться ее великим князем в итоге стали бороться брянский и карачевский князья (до этого их резиденции были в Глухове и Новосиле), в связи с чем военно-административный центр должен был быть перенесен на Покровскую и Петровскую горы, расположенные

напротив устья Снежети, на которой находился Карачев. Тем более, что торгово-ремесленная структура здесь, судя по работам 2016-2017 гг., начала складываться естественным путем.

Библиографический список

1. *Ахромеев Л.М.* Роль ландшафтов ополей в возникновении древнерусского государства//Тезисы докладов I Брянской историко-краеведческой конференции: Брянск, 1988.
2. *Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город» // История и культура стран Востока (древность и средневековье). Л., 1984.
3. *Волохов М.Н., Пасекунов Е.С.* Сколько лет Брянску?//Брянский рабочий, 1968, 6 июня.
4. *Гурьянов В.Н.* Новые данные о древнерусском Брянске // Из истории Брянского края. Брянск, 1995. С.52-56.
5. *Гурьянов В.Н., Поляков Г.П.* Новые исследования древнего Брянска//Роль ранних міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993. С.27 - 30.
6. *Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А., Чубур А.А., Рябчевский Н.Г.* Охранные раскопки на Петровской горе в Брянске (предварительное сообщение) // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2017.
7. *Деев С.С.* Археологические памятники Брянской губернии // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927
8. *Коваленко В.П., Шинаков Е.А.* Летописный Стародуб (до питання про локалізацію) // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Матеріали міжнарод. істор.-археол. конф. посв. 900-літтю з'їзду руських князів в Любечі. Київ, 1997
9. *Крашенинников В.В.* Из истории селений Брянского района. Изд. 2-е. Брянск: БГУ, 2004. - 344с.
10. *Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX – середины XIII вв. (методика исследования)//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. Воронеж: ВГУ, 1983.
11. *Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X – XIII вв. //Русский город. Вып. 6. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983б. С.21 - 42.
12. *Моця О.П.* Становлення Новгород-Сіверського в контексті теорії бінарних опозицій// Археологічні старожитності Подесення. Чернігів, 1995. С.104-106.
13. *Новожеев Р.В.* Сельская колонизация по малым рекам – притокам Десны в IX–XIII вв.(на примере рек Волосовка, Рудка и Шанка) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2012. Типология и особенности регионального аграрного развития Восточной Европы в X-XXI вв. М., Брянск, 2012. С.48-51.
14. *Петров Н.И.* Историко-археологический очерк г. Брянска Орловской губернии и его отношение к Киеву // Чтения в церковном обществе при Киевской Духовной Академии. Вып.3. Киев, 1901.
15. *Поляков Г.П.* Древний Дебрянск//Тезисы докладов I Брянской историко-краеведческой конференции: Брянск, 1988.
16. *Поляков Г.П.* Летописное «Подесенье» // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.». Тез.док. Чернигов, 1988. С.39-42
17. *Поляков Г.П.* Окольный город летописного Дебрянска (по материалам раскопок Ф.М. Заверняева в 1976-1979 гг.) //Деснинские древности. Брянск, 1995. С.123-127.
18. *Поляков Г.П.* Городище у д. Антоновка под Брянском // Деснинские древности. Брянск, 1995. С.106-110.
19. *Поляков Г.П.* Дебрянск (датировка первого упоминания и происхождение названия) // Страницы истории города Брянска. Материалы историко-краеведч. Конф. – Брянск: БГПУ, 1997. С.6-10.
20. *Поляков Г.П.* Владельческие города и села Древней Руси (середина X-XIII вв.) // Дисс. канд. ист. наук. Брянск: БГУ, 2002.
21. *Поляков Г.П.* Села-замки Древней Руси XI-XIII вв. Брянск: БГУ, 2005. 83 с.
22. *Поляков Г.П.* Домонгольский Брянск по данным летописей, топонимики и археологии // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. №.4(17). Декабрь 2011. С.59-63.
23. *Поляков Г.П.* Древнерусский курган у д. Антоновка Брянского района Брянской области//Русский сборник. Вып.6. Брянск, 2011.
24. *Поляков Г.П., Гурьянов В.Н.* Новые исследования древнего Брянска //Роль ранних міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993.
25. *Равдина Т.В.* О времени возникновения Брянска//КСИА. Вып.135. М. 1973. С.66-71.

26. Рыбаков Б.А. Справка Института археологии АН СССР о времени возникновения города Брянска/Брянску – 1000 лет. Сборник документов и материалов. Тула: Приок. кн. изд, 1986. С.21-23.
27. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли(VIII–XVвв.). МИА № 92. М.: АН СССР, 1960.159 с.
28. Соболев В.Ю. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. II. СПб; Псков. 1997. С.272-281.
29. Соколов В., Шавырин Б. Брянск. - Брянск, 1952.
30. Чубур А.А., Журавлева Ю.Б., Потворов И.И., Новожеев Р.В. Многослойное поселение Скрябино 1 в Выгоничском районе Брянской области // Сборник статей сотрудников филиала МГСУ в г. Брянске. Брянск, 2003.
31. Шинаков Е.А. Пути образования раннефеодальных городов по материалам Брянского Подесенья // Феодалный город. Вып.І. Брянск, 1993.
32. Шинаков Е.А. От пращи до скрамасака. На пути к державе Рюриковичей. – СПб - Брянск, 1995а.
33. Шинаков Е.А. Камерные захоронения Среднего Подесенья) // Деснинские древности. Брянск, 1995. С.81-85.
34. Шинаков Е.А. Возникновение Брянска в свете теории "бинарных оппозиций" и "пар городов" // Страницы истории города Брянска. Брянск, 1997.
35. Шинаков Е.А. Пути формирования древнерусских городов в Подесенье // Русский сборник. Вып.4. Брянск: БГУ, 2008.С.86 -105.
36. Шинаков Е.А. Город и округа: к проблеме возникновения Брянска // Вестник БГУ. Юбилейный сб. к 80-летию БГУ им. акад. И.Г.Петровского. Брянск, 2010.
37. Шинаков Е.А. Сельская округа средневекового города (на примере Брянского ополья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2012 год. Т.2. Типология и особенности регионального аграрного развития Восточной Европы в X-XXI вв. М., Брянск, 2012. С.37-48.
38. Шинаков Е.А. А.В. Куза и современные исследования городов Среднего Подесенья // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Киев, 2014. С.111-116.
39. Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. Древнерусские курганы Брянского ополья // Деснинские древности. IV. Брянск, 2006.
40. Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н. О границе Новгород-Северского и Черниговского княжеств в XII-XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти члена-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – М., 2015. С.314-322.
41. Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Погребальный обряд Среднего Подесенья как источник для исторических реконструкций. – Брянск, 2011.
42. Шинаков Е.А., Куза В.А. Глинобитные и сырцовые конструкции валов древ-нерусских городищ Среднего Подесенья // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. М-лы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина М.: МГУ, 2018. С.126-127ю
43. Шинаков Е.А., Миненко В.В., Сафронов И.В. «Города» Чернигово-Смоленского пограничья: факторы и этапы развития // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Від. ред. О.П.Моця. Суми, 1993. С.20-27.
44. Шинаков Е.А., Рябчевский Н.Г., Чубур А.А., Лобанов Г.В. О работах на комплексе памятников в урочище «Чашин курган» // Ежегодник НИИ Фундаментальных и прикладных исследований. 2016.
45. Шинаков Е.А., Сарычева Т.Д. Кривичско-вятичско-радимичское пограничье // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1993. С.25 -27.
46. Шинаков Е.А., Чубур А.А., Рябчевский Н.Г. Новые данные о времени сооружения укреплений городища Чашин курган // История. Общество. Политика. 2017. № 1. С.93-101.
47. Shinakov E. Protocity Centres in the Desna Region at the 9th – the beginning of 11th Centuries // International Medieval Congress. July 2007. University of Leeds. Abstracts. <http://www.leeds.ac.uk/ims/imc>.

Сведения об авторе:

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, проф. каф. Отечественной истории, директор Научно-образовательного центра археолого-этнологических исследований, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. E-mail.: Shinakov@mail.ru

НАРОДЫ ОСТРОВОВ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ИСТОЧНИКАХ НОВОГО ЦАРСТВА

Аннотация: В этой статье рассматривается вопрос развития народов, которые заселяли острова Средиземного моря во 2 тыс. до н.э. и упоминались в древнеегипетских источниках Нового царства. Учитывая отсутствие расшифрованных письменных данных о более ранних формах общества на островах Средиземного моря, древнеегипетские записи, касающиеся иноземных народов, дают богатую информацию об истории целого региона, об их культуре, традициях и миграциях, позволяют оценить степень влияния островитян на сложившуюся экономику и культуру крупных государств. Все рассмотренные источники охватывают период, начинающийся с зарождения отношений этих народов с Древним Египтом и заканчивающийся крахом доклассических средиземноморских цивилизаций.

Ключевые слова: Древний Египет, Средиземное море, Крит, минойцы, микенская Греция, Кипр, Сардиния, народы моря, кефтиу, хау-небу, Анналы Тутмоса III, Амарнский архив, катастрофа бронзового века.

Loktev R.A. The peoples of the Mediterranean Islands in the Ancient Egyptian sources of the New Kingdom.

Annotation: This article deals with the development of the peoples who inhabited the islands of the Mediterranean Sea in the 2nd millennium BC and were mentioned in the ancient Egyptian sources of the New Kingdom. Given the lack of deciphered written data on earlier forms of society on the Mediterranean islands, the ancient Egyptian records concerning foreign peoples provide rich information about the history of the whole region, about their culture, traditions and migrations, allow us to assess the degree of influence of the islanders on the established economy and culture of large states. All the sources considered cover the period beginning with the origin of the relations of these peoples with Ancient Egypt and ending with the collapse of the preclassical Mediterranean civilizations.

Keywords Ancient Egypt, The Mediterranean Sea, Crete, Minoans, Mycenaean Greece, Cyprus, Sardinia, sea peoples, keftiu, hau-nebu, The Annals of Thutmose III, The Amarna letters, Bronze Collapse.

Об обществе и быте средиземноморских цивилизаций во II тысячелетии до нашей эры и ранее мы узнаем, в основном, благодаря археологическим находкам. В начале XX века отдельные сведения исследователи пытались почерпнуть из героических древнегреческих эпосов гомеровской эпохи и, отчасти, это имело свои плоды. Попытки сопоставить отдельные сведения из легенд с археологическими находками привели к открытию неизвестного до тех пор догреческого мира средиземноморских островов. В центре внимания оказались древние островные культуры: минойская, кикладская, пришедшая им на смену микенская, культура нурагов на острове Сардиния и государство Аласия на Кипре. Оказалось, что острова средиземноморья находились в центре мировой торговли и культурных контактов, они имели богатейший опыт мореплавания, стали неотъемлемой частью древнего общества.

Ранее, культуры, существовавшие на островах в Восточном Средиземноморье до греческой колонизации, рассматривались с точки зрения археологических исследований или гомеровских эпосов «Иллиада» и «Одиссея». В последнее время, благодаря расшифровке микенских надписей, записанных линейным письмом В и накопленному на данный момент эпиграфическому материалу из разных концов Средиземноморья, мы немного приблизились к пониманию этой древней эпохи. Открытие клинописных архивов в древней хеттской столице Хаттусе, египетской Амарне и сирийском городе Угарите позволило понять, насколько сложными и тесными были взаимоотношения между отдельными регионами древнего мира. Но, в том числе, и какую роль в этом играло Средиземное море и люди, живущие на островах.

Мы рассмотрим историю развития отношений островных народов с остальным миром на примере многочисленных письменных источников Древнего Египта, в которых они упоминаются, и увидим, как трансформировалось их общество в те времена.

Самые ранние упоминания об островах Средиземного моря и об отдельных народах, живущих на них, мы начинаем находить в письменных источниках, которые можно отнести к Первому переходному периоду (ок. 2216-2046 гг. до н.э.) и периоду Среднего царства (ок. 2046-1794 гг. до н.э.). В «Речениях Ипувера», события которых датируются, самое раннее, Первым Переходным периодом, упоминается Кефтиу (kftjw) – древнеегипетское название острова Крит [16, 57-62], а в странствиях Синухета, которые описывают события, относящиеся к середине XX в. до н.э., упоминаются острова Средиземного моря (w3d-wt, дословно «Великая зелень») [13, 29].

Предположения о том, что уже в период Древнего царства египтяне знали о существовании островов Средиземного моря и о народах, обитавших на них, могут подкрепить археологические находки. Например, египетская чаша с острова Китира, на которой имеется надпись, содержащая название солнечного храма, построенного фараоном Древнего царства Усеркафом [6, 349]. Однако, подобные артефакты не могут считаться неоспоримыми доказательствами связей с островами в более ранние эпохи, как и считаться прямыми свидетельствами торговли. Они могли попасть на острова в более поздние эпохи и через другие торговые пункты Восточного Средиземноморья.

Тем не менее, уже к началу Среднего царства между Древним Египтом и островами Средиземного моря образуются тесные связи. В письменных источниках, относящихся к этому периоду, четко выделяется термин хау-небу (ḥ3w-nbw, можно перевести, как «владыки севера»), который можно отнести к жителям островов Средиземного моря [1, 209]. Он упоминается на стеле в храме Карнака, посвященной царице Яххотеп [7, 122] и даже в религиозных гимнах [11, 54]. Большой интерес представляет контекст этих надписей, в которых просматривается враждебное или, по крайней мере, пренебрежительное отношение к хау-небу: «Я наделяю тебя правом охватить два неба твоими красотами и твоими лучами света, посему появится бог Луны, Тот. Кроме того, я наделяю тебя силой прогонять обратно хау-небу, посему появится собакоголовая обезьяна Тота, которая будет служить правителем для меня». [11, 54]

К началу Нового царства (ок. 1550 г. до н.э.) в Древнем Египте, на островах Средиземного моря уже сложилось определенное общество и отдельные государства, которые, в каком-то смысле, рассматривались древними египтянами как соперники. Призывы «прогнать» хау-небу могут быть интерпретированы аналогично записям, в которых видно соперничество и попытки подчинить азиатские народы (*3mw), причем в подобных надписях не всегда есть четкое различие между народами островов и народами Сирии и Леванта, с которыми древние египтяне имели контакты с древнейших времен.

Попытки фараонов захватить богатства чужеземных стран вылились в военные походы на территорию Леванта и Сирии, это же может касаться и островных государств, что подтверждается надписями эпохи правления Тутмоса III. Исчерпывающую информацию об этом нам дают так называемые «Анналы Тутмоса».

По итогам девятой военной кампании Тутмоса, которая состоялась в 34-й год его правления (1445 г. до н.э.), впервые упоминаются дары от вождя страны Иси (Jsy), которая по многим признакам ассоциируется с государством Аласия, существовавшим на острове Кипр. Дары от этой страны упоминаются и по итогам кампаний, совершенных фараоном на 38-й и 40-й годы правления (1441 и 1439 гг. до н.э.). Среди этих даров всегда присутствует медь, которой был богат остров Кипр, а помимо прочего, свинец, слоновая кость, ляпис-лазурь, дерево и лошади [2, 172-217]. Те же самые дары фараону мы встретим и в амарнских письмах от царя Аласии.

Рис. 1. Фараон-завоеватель Тутмос III.
Египетский национальный музей г. Каир

Упоминание данных даров, вместе с дарами, полученными Тутмосом III от захваченных царств на территории Палестины, Сирии и Леванта, указывает на вассальное положение Кипра по отношению к Египту, но сомнительно, что эти дары были данью от захваченного Тутмосом государства. Завоевательная политика Тутмоса III привела к возвышению Древнего Египта над другими государствами региона и к захвату ресурсного пространства в Восточном Средиземноморье. Дары фараону могут рассматриваться как дань уважения и подарки могущественному владыке, чтобы снискать его дружбу и покровительство. Однако для самого фараона данные дары могли символизировать, что правители этих земель подчиняются его власти.

В надписях, посвященных семнадцатой кампании Тутмоса,

состоявшейся в 42-й год его правления (1437 г. до н.э.), мы находим еще две средиземноморские страны. Название одной из них не сохранилось, но по списку даров: «плоские блюда, украшенные головами быков, истинная ляпис-лазурь, хорошее дерево, самородная медь» [2, 216], мы можем с большой вероятностью предположить, что это дары из страны Кефтиу. Тем более, что упоминаемые сосуды и дары изображены, как минимум в двух гробницах чиновников этой эпохи. Речь идет о гробницах Рехмира и Менхеперрасенеба, где изображены послы Кефтиу. Кроме того, один из таких ритонов был найден при раскопках Кносского дворца и находится сейчас в археологическом музее города Ираклион (рис. 2).

Следом перечисляются дары от страны, упоминание которой с большой долей вероятности отсылает нас к Микенской Греции или к ее островной части: «Дары от вождя страны Тинайя, серебряные сосуды работы Кефтиу, вместе с сосудами из железа, серебро». [2, 217]

Предположение, что Тинайя (ТjпЗyЗ) является Микенской Грецией или ее частью, было высказано очень давно и подкрепляется упоминанием этой страны в других надписях вместе с Кефтиу. В этом названии можно увидеть отсылку к, возможно, древнейшему самоназванию микенских греков и их страны – Даная (данайцы). В «Илиаде» Гомер не единожды употребляет это название применительно к грекам [12, 7].

К моменту составления «Анналов Тутмоса» (вторая половина XV в. до н.э.) минойская островная цивилизация переживала свой последний расцвет, в то время как микенская континентальная только начала свою экспансию в Восточном Средиземноморье [14, 5]. И не удивительно, что их упоминание идет бок о бок в древнеегипетских надписях, как и то, что

среди даров от вождя страны Тинайя упоминаются сосуды работы Кефтиу. Цивилизация Крита к тому моменту существовала уже не одно столетие, и древние египтяне умели отличить их работу, будь то сосуды или другие произведения искусства. Так, например, в тех же «Анналах Тутмоса» упоминается особый тип кораблей Кефтиу, отправляющихся из гаваней сирийского царства Джахи, загруженные кедром для фараона [2, 206]. Это означает, что к се-

Рис. 2. Ритон в форме головы быка.
Археологический музей г. Ираклион

редне XV в. до н.э. Крит имел самобытную культуру, выделяющуюся среди всех остальных жителей островов. Разграничение народа Кефтиу, Иси и других островов можно четко увидеть в «Гимне победы Тутмоса III» на стеле, установленной в честь него в храме Карнака. В этом гимне бог Амон-Ра обращается к Тутмосу с такими словами:

«Я пришел и повелеваю тебе свергнуть западные земли. Кефтиу и Иси в ужасе. Я заставил их увидеть твое величество в образе молодого быка, крепкого сердцем, готового заботать, неотразимого». [2, 264]

И далее:

«Я пришел и повелеваю тебе свергнуть тех, кто на островах. Те, кто в середине Великой зелени слышат твой рев. Я заставил их уви-

деть твое величество в образе мстителя, что встает на спину своей жертвы». [2, 265]

Уже из этих надписей мы можем создать некое представление о том, каким было положение дел в Восточном Средиземноморье и какие отдельные центры островных цивилизаций существовали в середине второго тысячелетия до нашей эры. Но гораздо больше информации нам дают источники эпохи правления Аменхотепа III (1388-1351 гг. до н.э.) и Эхнатона (1351-1334 гг. до н.э.). Именно на этот период приходится расцвет международных отношений перед, так называемой, «Катастрофой бронзового века». По одним только археологическим находкам древнеегипетских предметов в других регионах можно судить, насколько далеко простирались торговые связи Древнего Египта. Уникальные надписи этой эпохи рас-

крывают нам совершенно новые факты о жителях островов Средиземного моря.

Одна из таких надписей представляет собой список географических объектов, озаглавленных уже знакомыми названиями стран Кефтиу и Тинайя. Этот список находится на основаниях статуй в поминальном храме Аменхотепа III в Ком-эль-Хетана и представляет огромную историческую ценность, поскольку позволяет реконструировать отдельные города, территории и острова, которые были известны древним египтянам на тот момент, и с которыми они могли иметь непосредственные связи. Все названия заключены в картуши, и над ними расположены изображения связанных пленников [5, 8-10], позволяющие утверждать о том, что Аменхотеп III мог претендовать на определенную степень влияния над этими городами и странами, как владыка всех живущих. Тем не менее, изображение пленников еще не доказывает территориальную зависимость этих земель от Древнего Египта.

Рис. 3. Скарабей с тронным именем Аменхотепа III (Небмаатра), найденный при раскопках в Кноссе.

Таблица 1. Перечисление топонимов, связанных с Кефтиу и Тинайя из поминального храма в Ком-эль-Хетана

<i>Транслитерация иероглифической записи</i>	<i>Аналогия в латинском письме В</i>	<i>Современная интерпретация</i>
Кефтиу (Kftjw, с детерминативом иноземной страны)		Остров Крит
Тинайя (Tin3y3)		Микенская Греция
Миукану (Mjwk3nw)	Mukana	Микены – древний город в Арголиде (полуостров Пелопоннес)
Дикайас (Dyq3y3s)		
Миджанай (Mjd3n3y, с детерминативом иноземной страны)	Mezana	Мессения – область на юго-западе Пелопоннеса, где находился микенский город Пилос.
Нупирий (Nwprjy, с детерминативом иноземной страны)	Nawpiriyo	Науплия – прибрежная часть Арголиды.
Катийра (Katjir, с детерминативом иноземной страны)	Katara	Остров Китира
Уаиурей (W3jwrj)		
Канйуша (K3nywš3)	Konoso	Кносс – город на севере Крита
Аминиша (Jmjnyš3)	Aminiso	Амнисс – порт Кносса на северном побережье Крита
Рикати (Ryk3tj)	Rukito	Ликт – город на северо-востоке Крита, упоминаемый Гомером. Находился примерно в 23 км от Кносса.
Сайтай (S3yt3y)		Сития – город на северо-восточном побережье Крита
Байшати (B3yš3tj)	Païto	Фест – город в южной части Крита
Каутнай (K3wtn3y)	Kuzonija	Кидония (современная Ханья) на северном побережье Крита

Несмотря на кажущуюся простоту, не все эти географические ориентиры можно сопоставить с реальными древними городами или областями. Большинство из них имеют аналогии и в микенских записях линейным письмом В [14, 189-205]. Что касается записей древнеегипетскими иероглифами, составители надписей не пытались перевести эти названия на свой язык и старались использовать звуковые соответствия некоторым, не существующим в египетском языке сочетаниям звуков. Среди таких сочетаний мы можем четко выделить:

иероглифическое сочетание (š3), которое представляет греческое окончание -σος (-

сос или -сс в названиях Кносс и Амнисс), иероглифическое сочетание (3y), аналогичное греческому окончанию -ια (-ия в названиях Мессения, Сития и Кидония), а также

использование сочетания (ry) для отсутствующего в египетском звука «л», который

позже будет заменен иероглифическим сочетанием (rw).

То, что древние египтяне были знакомы с языками островитян или отдельными их диалектами и уже выработали определенную запись для названий и отдельных слов, подтверждается еще несколькими источниками. Один из них - ученическая письменная табличка, озаглавленная «Имена Кефтиу» [8, 217]. Видимо, в рамках учебной практики писцов, которые должны были выполнять дипломатические миссии за пределами Египта, предлагалось ознакомиться с написанием личных имен народа Кефтиу. Имена Кефтиу с этой таблички звучат как:

Иу-Шахуру (Iw-š3ḥwṛw), что дословно значит «островитянин Шахуру»;

Насуйя (N3swy);

Иу-Кашау (Iw-k3š3w), «островитянин Кашау»;

Беннуджабар (Bnnwḏ3b3r);

Иу-Динай, (Iw-Dyn3y) «островитянин Динай»;

Пинарутау (Pyn3rwt3w)

Русу (Rwsw)

Все имена выписаны с детерминативом, обозначающим иноземцев, а принцип огласовки полностью соответствует записям топонимов из Ком-эль-Хетана.

Второй источник - Лондонский медицинский папирус №10059, найденный в начале XIX века, содержит два заклинания на «языке Кефтиу», то есть на древнем языке жителей острова Крит. Эти заклинания должны были помочь от болезней, одна из которых называется «азиатской», а вторая носит иноземное название «самуна». В заклинании также упоминаются два неизвестных критских божества, чьи имена звучат как: Репай (Rp3y) и Майя (M'j3) [8, 214]. По египетским языковым детерминативам оба божества определяются как боги мужского пола, однако не исключено, что Майя - это божество женского пола. В древнегреческой мифологии одна из Плеяд, дочерей титана Атланта и океаниды Плейоны, носила имя Майя. По многим признакам имя этой богини относится еще к догреческой мифологии и трактуется античными авторами, как «матушка» или «кормилица». Вплоть до римского времени она ассоциировалась с «Благой богиней», чье имя было табуировано, и к ней обращались для исцеления болезней, что делает не случайным упоминание этого имени в заклинании против болезни.

В XIV в. до н.э. Древний Египет вел оживленный обмен товарами с островами Восточного Средиземноморья. Амарнский архив, который был найден в новой столице египетского

государства (Ахетатон), куда перенес свою резиденцию Аменхотеп IV (Эхнатон) раскрывает дипломатическую переписку с правителями многих государств того времени. Среди них встречаются и письма, отправленные царем (или несколькими царями) государства Аласия, которое сформировалось на острове Кипр. Эти письма описывают дары, которые правитель Аласии присылал фараону и ответные требования даров, что исключает подчиненное отношение Кипра, которое можно увидеть во времена Тутмоса III. Как и многие другие правители маленьких сиро-палестинских княжеств, правитель Кипра относится к фараону, как к «брату»:

«Послание от царя Аласии, твоего брата. У меня все хорошо. Все хорошо у моей семьи, у моих жен, моих сыновей, у моих вельмож. Все хорошо с моими лошадьми, колесницами и со страной. Надеюсь, что все так же хорошо у моего брата, у его жен, у его сыновей, у его вельмож, все хорошо с твоими лошадьми, колесницами и со страной». [9, 104]

Это обращение совсем не намекает на родственные связи, а является частью дворцового этикета. В качестве даров от царя Аласии, в основном, упоминается медь. А что касается ответных подарков, то требования достаточно высоки:

«Пусть твой посланник тоже принесет мне: 1 кровать из черного дерева и 1 колесницу, покрытую золотом, 2 лошади, 2 полотна льна, 50 льняных платков, 2 льняных одежды, 14 бревен черного дерева, 17 горшков благовонного масла, а также бусы. Я посылаю для обмена своего посланника со своими дарами. Так мы заключим союз между нашими странами, и мой посланник придет к тебе, и твой посланник должен прийти ко мне». [9, 106]

Одно из этих писем отсылает нас к необычной ситуации, которая сложилась на Кипре из-за некой эпидемии, которая называется «рукой Нергала»: «Я немедленно посылаю тебе 500 талантов меди. Мой брат, не беспокойся, что количество меди так мало, «рука Нергала» (восточный бог смерти) сейчас в моей стране, он убивает всех мужчин в моей стране и не осталось ни одного работника (работающего в рудниках). Но, мой брат, не беспокойся. Отправь своего посланника с моим посланником обратно, и я пришлю столько меди, сколько мой брат потребует. Ты, мой брат, можешь прислать мне большое количество серебра. Мой брат пришлет мне самое лучшее серебро, а я в ответ к нему пришлю, что он только пожелает. Более того, мой брат даст мне то, что потребует мой посланник: 2 кувшина благовонного масла и одного предсказателя. Более того, мой брат, люди из моей страны принесли вест о древесине, которую царь Египта получил от меня. Мой брат, отправь мне причитающуюся оплату за нее. Более того, случилось вот что, человек из моей страны умер в Египте и его вещи остались в твоей стране, в то время, как его сын и его жена со мной. Так что, мой брат, отыщи вещи людей Аласии и передай их обратно вместе с моим посланником. Мой брат, не беспокойся, что твой посланник оставался три года в моей стране и в моем собственном доме из-за «руки Нергала». У него была молодая жена, которую я ему дал, но она умерла. Ты не ставишь себя наравне с царем Хатти (Хеттской державы) или царем Шанхара (Сангера – финикийский город), поэтому любой приветственный дар, который ты пришлешь мне, я удвою и отошлю тебе. Пусть твои послы приходят ко мне, а мои к тебе». [9, 107-108]

Несмотря на уважение, которое оказывает правитель Аласии фараону, мы можем увидеть, что отношения между двумя государствами были равноправными. В конечном итоге даже сам посол Аласии выдвигает определенные претензии египетскому послу: «Мой брат, прежде чем прибыть в Шумитти, я послал 9 талантов меди, слоновую кость, 1 корабельное бревно, но ты ничего не дал мне взамен, и ты послал только немного слоновой кости, мой брат. Кроме того, я посылаю тебе приветственные дары: 5 талантов меди, 3 таланта обработанной меди, слоновую кость и 1 корабельное бревно. Кроме того, мой брат, этот человек и этот корабль принадлежит царю, моему господину. Отправь мне обратно этот корабль быст-

ро и в сохранности. Что касается тебя, мой брат, что бы ты не попросил, я дам это тебе. Этот человек, слуга царя, моего господина и никто не имел претензий от твоего имени по поводу его появления. Мой брат, верни его обратно как можно быстрее и в сохранности». [9, 113]

Во время правления Эхнатона и его реформаторской деятельности многие дипломатические отношения с иноземными государствами приходят в упадок. В Древнем Египте начинается династический кризис. Но не только это повлияло на отношения с другими странами. К концу XIV в. до н.э. весь средиземноморский мир приходит в движение. В течение последующих двухсот лет перестают существовать минойские дворцы, микенские города в Греции охвачены войной, как и многие города Малой Азии, уничтожены многие поселения на Кипре. Показательно и то, что в древнеегипетских надписях перестают упоминаться Кефтиу и Тинайя и начинают фигурировать совершенно другие народы Средиземноморья. В современной научной литературе их называют народами моря и с ними связывают «Катастрофу бронзового века».

Упоминаниям Народов моря в древнеегипетских текстах можно выделить отдельную тему, ей посвящено немало исследований, поэтому в этой статье мы лишь ограничимся кратким описанием событий, связанных с этими людьми, пришедшими на смену Кефтиу, Тинайя и Иси (Аласия).

Первые отзвуки набегов морских народов мы можем найти уже в амарнской переписке с правителем Аласии. В одном из писем он отвечает на обвинения фараона, которые, судя по контексту, были связаны с нападением на египетские корабли или на земли Египта в Дельте Нила: «Почему мой брат говорит мне такие вещи? Неужели мой брат не знает этого? Поскольку я беспокоюсь, я никогда не сделаю ничего подобного! Действительно, люди Лукки (один из народов моря, вероятно, ликийцы), год за годом разрушают селения в моей собственной стране. А мой брат говорит мне: «Люди из твоей страны с ними». Мой брат, я совершенно не знаю о том, что они были вместе с ними. Если люди из моей страны были с ними, то отправь их обратно, и я буду действовать так, как сочту нужным. Ты сам не знаешь людей моей страны. Они никогда бы не совершили подобные вещи. Но если мои люди действительно сделали это, то поступай, как сочтешь нужным». [9, 111]

Судя по всему, уже в XIV веке до н.э. Восточное Средиземноморье начало страдать от морских набегов. Причиной этих набегов могли послужить миграции населения, как внутри Восточного Средиземноморья, так и миграции новых народов извне. Предположительно в XIII-XII вв. до н.э. на территории Греции, а затем на островах появляются дорийцы, с которыми связывают падение микенской цивилизации. Массовое переселение новых народов могло привести к изменению образа жизни островитян, к их разделению и поискам новых земель и наживы на берегах Средиземного моря.

Уже в конце XIV в. до н.э. островитяне снова становятся врагами египтян, и в гробнице фараона Хоремхеба (1319-1292 гг. до н.э.) мы находим следующую надпись: «Жалкие вожди хау-небу, они говорят: приветствуем тебя! Твое имя обошло всю землю от одного конца до другого. Ты вселил страх во все земли». [3, 20]

Первое нападение островитян на Египет произошло во время правления фараона Мернептаха примерно в 1208 г. до н.э. Причем они были не одни, а вступили в союз с ливийскими кочевниками:

«Победа, которую одержал его величество над землями Ливии (Tḥnw) и их союзниками. Акауаша (Jq3w3š3), Турша (Twrwš3), Лукка (Rwkw), Шардана (S3rdn), Шакелеша (S3karwš3), северяне, которые пришли из всех земель». [3, 241]

Северяне, упоминаемые здесь, и являются интересующими нас народами островов. Причем народ Лукка уже был упомянут, в связи с нападением на Кипр. Шардана тоже упо-

минаются в амарнских письмах, правда, в качестве отдельных наемников на службе иностранных правителей: «Человек с бронзовым кинжалом атаковал меня, но я убил его. Шардана, которого я узнал, не ушел к Абди-Аширте». [9, 150]

И далее: «Пахура совершил ужасное против меня. Он послал сутиев и они убили людей шардана, похитили трех людей и привели их в Египет. Сколько еще города будут бунтовать против меня?» [9, 201]

Все эти слова принадлежат правителю города Библ, Риб-Хадду, подвластного в те времена Египту и просившего военной помощи у фараона. Уже в те времена существовал народ Шардана и, вероятно, воинов этого народа ценили за их боевые качества. Это подтверждается и записями о ливийской военной кампании Рамсеса II, в которых упоминаются военные корабли Шардана, сражающиеся на стороне ливийцев. В битве при Кадеше (1274 г. до н.э.) пленные Шардана уже сражаются на стороне фараона:

«И вот его величество подготовил свою пехоту и колесницы и Шардана, захваченных его величеством (во время ливийской кампании), побежденных его мечом» [3, 136].

Рис. 4. Рамсес II, пленивший своих врагов, среди которых нубиец, азиат и северянин. Египетский национальный музей г. Каир.

В этой же надписи упоминается и народ Лукка, который, в отличие от Шардана, сражается на стороне хеттской державы.

К сожалению, насчет народов Акауаша, Турша и Шакелеша нам известно очень немного, однако их наименования говорят нам о том, что они принадлежали островам Средиземного моря и, возможно, были предками минойцев и микенцев, которые, по каким-то причинам, были вынуждены покинуть свою родину в поисках нового пристанища. В таблице 2 будут представлены все упоминаемые в древнеегипетских записях народы моря и возможные ассоциации с народами, известными нам благодаря археологии и другим источникам.

Первая попытка народов моря прорваться в Египет с запада, вступив в союз с ливийцами, провалилась. Многие островитяне были захвачены в плен или погибли, достигнув лишь западной границы Дельты Нила. Вторая попытка имела уже более массовый характер, но она привела лишь к тому, что народы моря окончательно были рассеяны и побеждены.

Надписи в храме Мединет-Абу описывают события 1177 г. до н.э., время правления Рамсеса III, последнего великого фараона Нового царства: «Северные страны были беспокойны. Даже Пурсат (Pwrgys3tj) и Текер (Tjkrj), чьи земли были опустошены. Их души пришли в последний момент. Они были воинами на земле и в море. Ра следовал за ними и уничижал их. Те, кто вошел в устье реки, были как дикие птицы, попавшие в сеть. Их сердца трепетали, так что они были не в себе. Их лидеры были захвачены, и пали ниц». [4, 24]

Здесь упоминаются еще два народа, чьи земли были кем-то захвачены и опустошены. Лишившись своей родины (возможно, благодаря народам моря), Пурсат и Текер объединились с островитянами и обрушились на Египет: «Страны севера на их островах были потревожены и погрязли в сражениях в один момент. Никто не выстоял перед ними. Они опустошили Хатти (Хеттское царство), Кеди, Каркемиш, Арвад (три сирийских города – центры небольших царств), Аласию (Кипр). Они установили лагерь в одном месте в Аморе (Палестина). Они уничтожили их людей и их землю, как будто ее никогда и не было. И они пришли с огнем, приготовленным для них, в Египет. Их поддерживали Пурсат, Текер, Шакелеша, Дануна (D3jnwn3) и Уашаша (W3ššš3). Эти земли объединились и протянули свои руки на все земли до самых границ мира. И их сердца были полны решимости... Но я посеял страх в их сердцах, кто в землях хау-небу». [4, 37-38]

На рельефах, сопровождающих эту надпись, изображена морская баталия и Шардана, которые после участвовали в сирийской военной кампании Рамсеса III в качестве тяжелой пехоты. На других рельефах изображены приносящие дары вожди Текер, вожди Шардана из Великой зелени, вожди Турша из Великой зелени и вожди Пурсат.

Из всего этого следует, что второе вторжение в Египет народов моря тоже провалилось. Судьбу иноземцев, которые потерпели поражение от Рамсеса III, мы можем узнать из папируса Харрис, который датируется серединой XII в. до н.э.:

«Говорит царь Усермаатра Мериамон (Рамсес III), великий бог, предводитель и вождь земель, пехоты, конницы и Шардана, многочисленных лучников и горожан земли Египта... Я убил Дануна на их островах, Текер и Пурсат превратились в пепел. Шардана и Уашаша из Великой зелени перестали существовать, когда были взяты в плен, и приведены, как пленники, в Египет. Я поселил их в гарнизоны крепостей, служащих мне. Многочисленны они были, сотни и тысячи человек. Я обложил их данью, одеждой, зерном из их складов и зернохранилищ каждый год». [4, 201]

Судя по всему, после второго поражения народы моря прекратили свое существование, по крайней мере, только два из них – Текер и Пурсат упоминаются в более поздних надписях, как новые обитатели Палестины. Остальные были либо ассимилированы древними египтянами в Дельте Нила, либо рассеяны по островам и уже не могли объединиться воедино.

Таблица 2. Перечисление народов моря, упоминаемых в древнеегипетских надписях

Народы моря	Первое упоминание в древнеегипетских источниках	Современная интерпретация
Лукка (Rwkw)	Первая половина XIV в. до н.э. в письме царя Аласии фараону	Отождествляются с ликийцами, жившими на юго-западном побережье Малой Азии.
Шардана (S3rdn)	Первая половина XIV в. до н.э. в письмах от царя Библа, Риб-Хадду	Отождествляются с жителями острова Сардиния и, в частности, с культурой строителей нурагов (ок. 1500-900 гг. до н.э.)
Дануна (D3jnjwn3)	Вторая половина XIV в. до н.э. в письме от правителя Тира, Аби-Милки. «Царь, мой господин, писал мне: «Напиши, что ты слышал в Ханаане». Царь Дануна погиб, его брат стал царём после его смерти и его земля в мире».	Отождествляются со страной Тинная в египетских надписях, и страной Дануна, упоминаемой также в хеттских надписях. Ассоциируются с греками-данайцами
Акауаша (Jq3w3š3)	Карнакская надпись. Правление Мернептаха (ок. 1208 г. до н.э.)	Ассоциируются с жителями страны Ахийява, упоминаемыми в хеттских надписях XV-XIII вв. до н.э. и греками-ахейцами, обитавшими на территории Малой Азии и на островах Эгейского моря.
Турша (Twryš3)	Карнакская надпись. Правление Мернептаха (ок. 1208 г. до н.э.)	Ассоциируются с тирсенами – коренными жителями островов в Эгейском море, наряду с пеласгами или с этрусками.
Шакелеша (S3karwš3)	Карнакская надпись. Правление Мернептаха (ок. 1208 г. до н.э.)	Ассоциируются с сикулами, появившимися в Сицилии в XIII в. до н.э.
Пурсат (Pwrys3tj)	Надписи в храме Рамсеса III в Мединет-Абу (ок. 1177 г. до н.э.)	Отождествляются с библейскими филистимлянами и греческими пеласгами – коренными жителями островов в Средиземном море в том числе, как жители Кикладских островов и части Крита.
Текер (Tjktj)	Надписи в храме Рамсеса III в Мединет-Абу (ок. 1177 г. до н.э.)	Выдвигалась версия сопоставления с текврами, жителями древней Трои.
Уашаша (W3š3š3)	Надписи в храме Рамсеса III в Мединет-Абу (ок. 1177 г. до н.э.)	Отождествляют с карийцами, жителями города Ясос на юго-западном побережье Малой Азии.

Последнее упоминание в источниках Нового царства об островитянах Средиземного моря мы находим в повествовании о путешествии египетского жреца Унуамона (ок. 1100 г. до н.э.): «Ветер прибил меня к стране Аласия. Люди города вышли ко мне, чтобы убить меня, я прорвался меж них к месту, где была Хатиба, правительница города. Я нашел ее, когда она выходила из одного своего дома и входила в другой свой дом. Я приветствовал ее. Я сказал людям, которые стояли около нее: «Разве нет одного среди вас, который понимает речь Египта?» Один из них сказал: «Я понимаю». Я сказал ему: «Скажи моей госпоже: я слышал вплоть до города, до местопребывания Амона, что творят несправедное во всех городах и творят праведное в Аласии. Разве творят несправедное и здесь ежедневно?» [15, 19]

В своем путешествии Унуамону удалось столкнуться с огромными трудностями и несправедливостью. На островах Средиземного моря наступили «темный века», о которых нам неизвестно почти ничего, и которые закончатся только с началом греческой колонизации в VIII в. до н.э. Вся история прошлого постепенно превратится в легенду. Эпоха господства Крита и Кипра, микенской Греции и народов моря в Средиземном море будет постепенно забыта. Благодаря древнеегипетским надписям, мы можем точно сказать, когда произошла катастрофа, изменившая Средиземноморский мир и заставившая цивилизацию развиваться заново и в новых формах, когда доклассические цивилизации Средиземного моря пали. После этого остаются лишь немногие вопросы, касающиеся причин этого упадка, которые, возможно, откроют нам новые надписи и находки, подобные тем, которые находят в Древнем Египте и других регионах о людях, жизнь которых была тесно связана с морем и островами в его глубине.

Библиографический список:

1. *Breasted, J.H.* Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to the Persian conquest collected edited and translated with commentary. Vol. 1. The first to the seventeenth dynasties. Chicago, The university of Chicago press, 1906. – 344 p.
2. *Breasted, J.H.* Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to the Persian conquest collected edited and translated with commentary. Vol. 2. The eighteenth dynasty. Chicago, The university of Chicago press, 1906. – 428 p.
3. *Breasted, J.H.* Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to the Persian conquest collected edited and translated with commentary. Vol. 3. The nineteenth dynasty, Chicago, The university of Chicago press, 1906. – 279 p.
4. *Breasted, J.H.* Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to the Persian conquest collected edited and translated with commentary. Vol. 4. The nineteenth dynasty, Chicago, The university of Chicago press, 1906. – 520 p.
5. *Cline, E.H., Stannish, S.M.* Amenhotep III's «Aegean List» from Kom el- Hetan, Once More. // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. Vol. 3:2, 2011, pp. 6-16.
6. *Evans, A.* Further Discoveries of Cretan and Aegean Script: With Libyan and Proto-Egyptian Comparisons. // Journal of Hellenic Studies. Vol. 17, 1897, pp. 327-395.
7. *Hornung, E., Bryan, B.* (eds.) The Quest for Immortality. Treasures of Ancient Egypt. Washington, 2002. – 257 p.
8. *Kyriakidis, E.* Indications on the nature of the language of the keftiw from Egyptian sources // Ägypten und Levant, 1 (XII). Wien, 2004. S. 211-220.
9. *Moran, W.L.* The Amarna letters / English-languages ed. The Johns Hopkins University Press, 1992. - 393 p.
10. *Woodcock, Taylor Bryanne.* Noticing neighbors: reconsidering ancient Egyptian perceptions of ethnicity. 2014. American University in Cairo, Master's thesis. AUC Knowledge Fountain. <https://fount.aucegypt.edu/etds/905>
11. *Бадж, Э.У.* Легенды о египетских богах. Нажель, Ж. «Мистерии» Осириса в Древнем Египте. Шваллер де Любич, Р. О символе и символическом. Древний Египет, наука и эволюция сознания / Пер. с англ. А.П. Хомика. - М.: Академический проект, 2018. – 208 с.
12. *Гомер.* Илиада / Пер. Н.И. Гнедича; Изд. подгот. А.И. Зайцев; Отв. ред. Я.М. Боровский; Изд. 2-е, стереотип. — СПб.: Наука, 2007. — 572 с.
13. История Древнего Востока. Тексты и документы: Учеб. Пособие / Под ред. В.И. Кузищина.– М.: Высш. шк., 2002.– 719 с.
14. *Лурье, С.Я.* Язык и культура микенской Греции / Отв. ред. В.В. Струве. Изд. Стереотип. – М.: Издательство ЛКИ, 2018 – 408 с.
15. Путешествие Ун-Амуна в Библ/ Пер. М.А. Коростовцев
16. Речение Ипувера/ Пер. В.В. Струве.

Сведения об авторе

Локтев Руслан Александрович, магистрант исторического факультета. Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева. E-mail: inn.g.h.o.s.t@yandex.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(510).08

Е. А. Завидовская

АСПЕКТЫ НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ КИТАЯ НАЧАЛА XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ «КИТАЙСКОГО ДНЕВНИКА» В.М.АЛЕКСЕЕВА ИЗ АРХИВА ГМИР (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Аннотация: Статья освещает неизученные рукописные материалы из т.н. «китайского дневника» видного российского китаеведа В.М.Алексеева (1881-1951), представляющих собой пояснения китайских учителей к его записям, сделанным во время экспедиции по северному Китаю в 1907 г. Материалы хранятся в Научно-историческом архиве Государственного музея истории (ГМИР) в Санкт-Петербурге, интерес для исследователей религий Китая представляют содержащиеся там сведения о поддерживаемых государством и местным чиновничеством культах покровителя города Чэн-хуана и божеств, контролирующих водную стихию.

Ключевые слова: В.М.Алексеев, дневник экспедиции, Китай, народная религия, ритуал.

Zavidovskaya E.A. Aspects of the early XXth century Chinese popular religion mentioned in V.M.Alekseev's "Chinese diary" housed at the State Museum of the History of Religion (Saint-Petersburg).

Abstract: The paper focuses on previously unstudied hand-written materials from the so-called "Chinese diary" of the renown Russian sinologist V.M.Alekseev (1881-1951), these notes written by Alekseev's Chinese mentors were to explain his records made during the expedition across northern China in 1907. "Chinese diary" is housed at the archive of the State Museum of the History of Religion in Saint-Petersburg and introduce new details of the popular cults supported by state and local officials, such as cult of the City God Chenghuang and deities in control of water and rains.

Key words: V.M.Alekseev, expedition diary, China, popular religion, ritual.

Василий Михайлович Алексеев (1881-1951) – филолог-китаист, переводчик, исследователь китайской классической литературы, народного искусства и религии, действительный член Академии наук СССР с 1929 г., оставил богатейшее научное наследие, которое еще не полностью исследовано и опубликовано. Важно то, что он коснулся практически всех аспектов актуальных и для современного китаеведения. В центре внимания данной статьи записи из так называемого «китайского дневника», хранящегося в Научно-историческом архиве Государственного музея истории (далее ГМИР) в Санкт-Петербурге (Архив ГМИР ф45 (В.М.Алексеев), оп 1 д 1-21. Материалы экспедиции в Китай 1907-1909 гг.). В круг научных интересов автора этой статьи входит народная религия конца правления династии Цин (1644-1911) и начала республиканского периода (1911-1949), дневник Алексеева содержит большой неисследованный материал по культам и храмам, встреченным ученым в ходе экспедиции по провинциям северного Китая. Данная статья делает попытку освещения лишь нескольких явлений из всего обилия, отраженного в «китайском дневнике».

1. О «китайском дневнике» В.М.Алексеева

Находясь на стажировке в Китае (1906-1909), с весны по осень 1907 г. В.М. Алексеев принимал участие в археологической экспедиции, организованной его бывшим преподавателем из Коллеж де Франс блестящим французским историком и переводчиком древнекитайской литературы Эдуардом Шаванном (Édouard Chavannes, 1865-1918). Заметки Алексеева из этой экспедиции позднее и были изданы в виде книги «В старом Китае. Дневник путешествия 1907 года» (1958 [1], доп.переизд. 2012). Археологический отчет Шаванна был опубликован в Париже: Édouard Chavannes. *Mission archéologique dans la Chine septentrionale*. Paris: E. Leroux, 1913-15.

«Китайский дневник» В.М. Алексеева состоит из автографов (авторских рукописных текстов) на китайском языке, датированных 1907 г. и собранных во время поездки по Северному Китаю с Э. Шаванном. Он включает в себя полевые материалы по храмовой эпиграфике, промаркированные самим исследователем как Дневник I, Дневник II и Дневник Sup (III) (пояснения сяньшэнов¹ №№I, 1-226, №№ II, 29-218, №№ III, 10-13 с пробелами), их фрагментарный перевод на русский язык, выполненный учениками В.М. Алексеева, составил книгу «В старом Китае» [2, с. 150-151]. Автор статьи уже проводилась работа по исследованию материалов В.М.Алексеева из архива ГМИР, но в центре внимания были данные о народной печатной картине (*няньхуа* 年畫). Дочь академика М.В. Баньковская в книге об отце «Алексеев и Китай» (2010) писала, что «дневники путешествия 1907 г., русский и китайский (а также другие 1908, 1912, 1926 гг.) Алексеев надеялся обработать и опубликовать обстоятельно, с иллюстрациями и текстами. В посмертном издании «В старом Китае» (1958) – китайский дневник использован мало по сравнению с тем, что хотел сделать сам Алексеев [2, с.150].

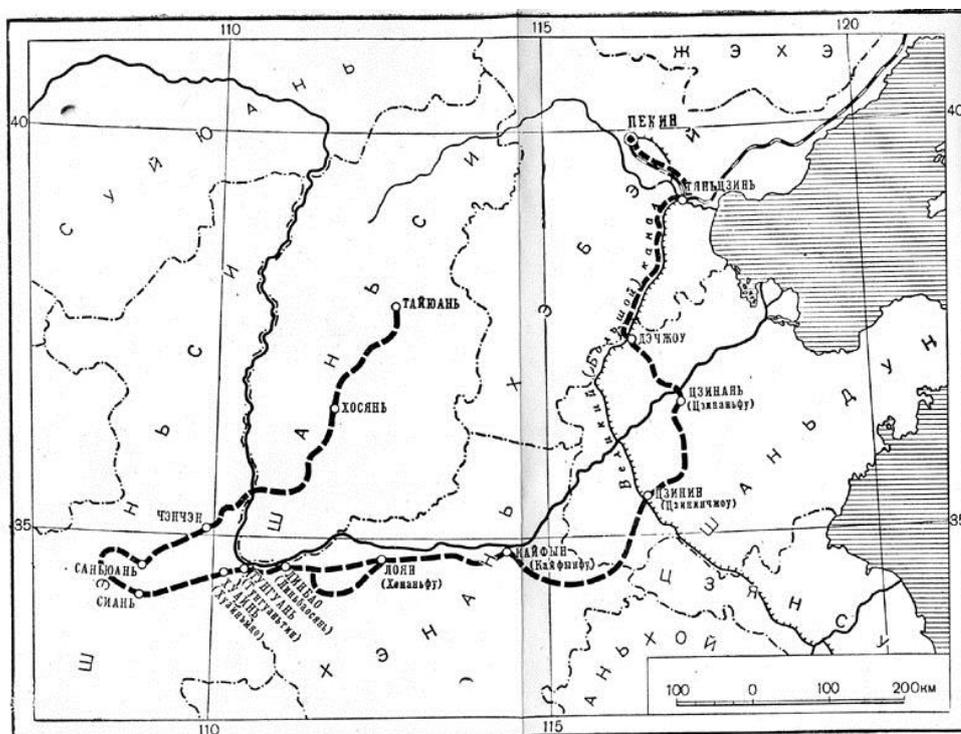

Фото 1

Маршрут экспедиции Э.Шаванна пролегал через следующие пункты: Пекин - Тяньцзинь - Дэчжоу- Янлюцин- Тайаньфу - Цзинаньфу - Цюйфу - Вэйсянь - Цзоюсянь - Цзинин - Кайфэн - Чжусяньчжэнь - Чжэнчжоу - Сышуйсянь - Дэнсяньфу (посещение храма Шаолиньсы) - Лоян (Хэнаньфу) - Лунмэн- Линбаосянь— Сиань - Цяньчжоу -Тайюань - Пекин (см. карту выше). В дневниковых записях также зачастую имеется обозначение локаций, где останавливались ученые.

В «Отчете командированного в Китай магистранта китайской словесности Василия Алексеева о его занятиях в течение года командировки (1 октября 1907 – 1 октября 1908)» В.М. Алексеев сообщает о том, как он работал с путевыми записками после возвращения из

¹ Сяньшэн 先生 – кит. учитель, наставник. Так принято называть учителей В.М.Алексеева, которые помогали с разъяснениями собранных им материалов во время его пребывания в Китае.

экспедиции: «Мое внимание прежде всего на разработке вопросов, накопленных в моих записных книжках дневника, который я вел в течение пяти месяцев путешествия, занося в него по возможности все то, что было для меня непонятного, странного, интересного. Вопросы эти я писал на отдельных листочках бумаги, ставя их темой для возможно более подробного ответа со стороны опрашиваемых лиц. Содержание этих вопросов касалось главным образом надписей на храмах, лавках, домах, присутственных местах и других зданиях, их смысла, источника, происхождения и идеи применения. Затем, при описании виденных мною храмов мне интересно было знать многое относительно статуй богов, картин, подробностей культа, исторических указаний и пр., чего я не мог добыть из непосредственного опроса окружавших меня в часы осмотра лиц» [3, с. 275]. В письме к Э.Шаванну из Пекина 31 октября 1908 г. В.М.Алексеев упоминает письменные пояснения, «которыми я обильно снабдил текст после того, как в течение восьми месяцев расспрашивал на этот счет трех начитанных людей» [4, с. 50–51]. Таким образом, хранящиеся в ГМИР конверты с исписанными иероглифами листочками могут быть именно теми пояснениями, которые написали для Алексеева его местные консультанты, т.к. они написаны кистью и тушью красивым каллиграфическим почерком (Фото 2.), т.е. написаны они были китайцами. В те же конверты вложены листочки с надписями на китайском языке, сделанные карандашом, это отрывочные записи самого Алексеева (Фото 3). Также карандашные надписи с вопросами встречаются на листках с пояснениями, написанных кистью. Таким образом, возникает предположение, что записи кистью были сделаны консультантами или учителями Алексеева уже после его возвращения, они могли быть ответом на краткие, обрывочные карандашные записи русского ученого, требовавшие разъяснений.

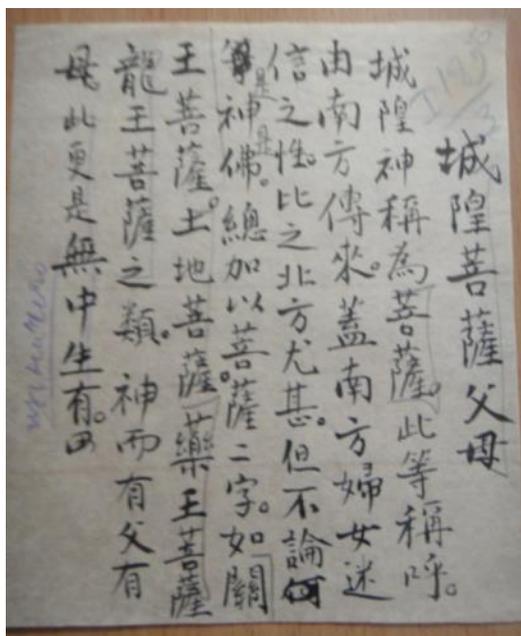

Фото 2. Шифр документа I 189/3 (научный архив ГМИР).

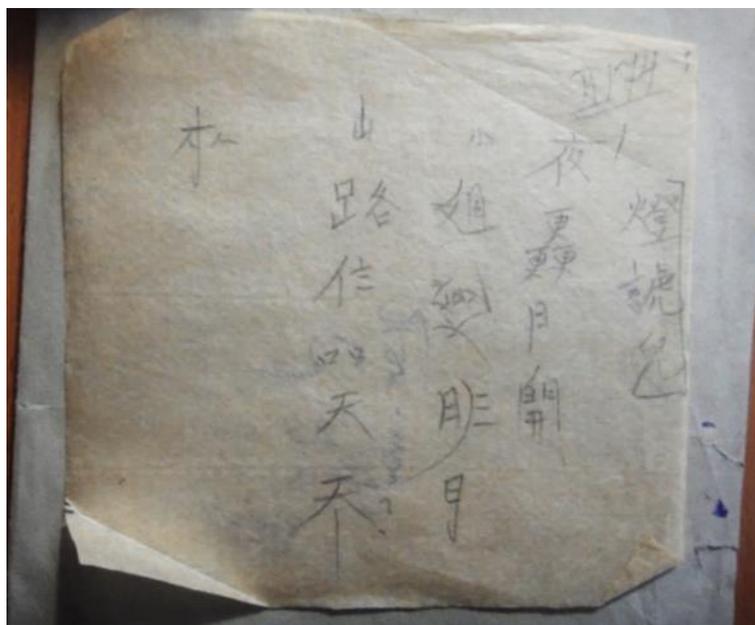

Фото 3. Шифр документа I 174/1 (научный архив ГМИР).

Т.И.Виноградова добавляет, что дневниковые записи Алексеева разных лет были помечены разными шифрами и разнесены по разным группам. Помимо рубрики, которая так названа «ДНЕВНИКИ», дневниковые записи разбиты по разным другим группам и шифруются по-разному, в зависимости от предназначения и характера записей [5, с. 240]. Она указывает, что заметки на китайском языке были разложены по конвертам с пометкой «丑 (чоу)1

– I – II» . В картотеке ученого карточка со ссылкой на дневники путешествия с Шаванном была оформлена так:

1907

亥 1337 1-ая лекция в Географическом обществе 1939–40: Путешествие китаиста-этнографа по Северному археологическому Китаю в 1907 г. — Китай — старина, Китай — деревня. Mission Chavannes dans la Chine Septentrionale (дневник). См. «Мои отчеты по АН», стр. 12.

Наиболее вероятно нижеследующие обозначения указывают на «китайский дневник», хранящийся в ГМИР:

丑 1 – I Листки дневника (кит.) использованные при сплошном описании (см. 申) 丑 1 – I – II – III.

Дневник моего путешествия по Китаю в 1907. Mission Chavannes. 2 тетради общего описания (текст карандашом). NB Тетрадь III см. в Ляо Чжае: примеч. и цитаты.

丑2 Китайская версия моего дневника 1907 г. 5 пакетов + 1 добавочный. [5, с. 243].

Для нас важно то, что содержание записей характеризуется как «эпиграфика», т.е. В.М. Алексеев копировал заинтересовавшие его во время поездки надписи внутри храмов и других помещени. Ознакомление с их расшифровкой, проделанной профессором Ян Юйцзюнь (楊玉君, Университет Чжунчжэн, Тайвань), дает интересный материал о культуре покровителя города Чэн-хуану 城隍, а также культурам божеств, управлявших водной стихией в бассейне Хуанхэ.

2. Особенности культа Чэн-хуана в северном Китае.

Здесь мы не приводим обширную библиографию исследований этого культа, получавшего государственную поддержку начиная при династии Мин (1368-1644). Чэн-хуан принадлежит к обширной группе божеств, отвечающих за судьбу души умершего, которая проходит через судебные разбирательства в подземных судилищах. После смерти душу умершего доставляет к Чэн-хуану, чиновнику среднего ранга, бог-покровитель данной местности Ту-ди 土地 – низовой чиновник, Чэн-хуан регистрирует факт прибытия души и проводит первичное дознание о благих и греховных деяниях, совершенных умершим еще при жизни. Затем он направляет душу в десять подземных судилищ (или судилищ ада). Начиная с династии Мин поклонение Чэн-хуану вошло в реестр государственных ритуалов, а значит совершение подношений и молений этому божеству вменялось в обязанности чиновников [6, 7]. Наблюдения В.М.Алексеева подтверждают, что местные чиновники императорского Китая несли обязательства по поклонению Чэн-хуану. Считалось, что храм Чэн-хуана обязательно должен быть построен в столице области или округа 府 府, но случалось, что храмы могли возводиться по инициативе чиновничества и местных элит и в центрах уездов 縣 縣. Важно и то, что после кончины статус местного Чэн-хуана мог получить прославившийся честной службой чиновник, то есть осуществлялся официальный процесс обожествления некогда живого человека. Существовала иерархия Чэн-хуанов от низшего ранга из уездов до высшего в столичном городе.

Рассмотрим данные из конверта I174-I189, где собраны заметки, касающиеся наблюдений в провинциях Хэбэй и Шаньдун. Обращает на себя внимание значительное количество записей о храмах покровителя города Чэн-хуана, подтверждающее особый интерес ученого к этому культу. 12 июля 1907г. экспедиция прибыла в город Кайфэн, бывшую столицу Китая (X—XII вв.), в которой путешественник посетил главный в округе храм Чэн-хуана (*Кайфэн*

фу чэнхуан мяо 開封府城隍廟)¹. Внутри храма в позолоченной нише он увидел статуэтку старца, имя которого Ван, едущий впереди (*Ван цяньцюй* 王前驅)², в заметке I-189 сказано, что эту фигуру несут перед паланкином со статуей Чэн-хуана, она расчищает путь от нечисти. В заметке сделано предположение, что это может быть бог-покровитель данной местности Ту-ди, перед процессией движутся люди и бьют по дороге плетью также с целью расчистить путь главному божеству (необходимый атрибут ритуальной или погребальной процессии в Китае). Заметка I—189 содержит сведения о благодарственной доске, поднесенной Чэн-хуану от родителей излеченного ребенка. Здесь мы видим важный аспект народной религиозности, когда не только божества-лекари воспринимались как целители, фактически, таковым могло считаться любое божество, наделенное благой силой (*лин* 靈).

Любопытна запись с описанием статуй обожествленных родителей Чэн-хуана: «Святые отец и мать, Чэн-хуан – бог, значит, его родители носят титул просвещенных мудрецов, вот откуда пришли эти божества. Бога Чэн-хуана называют «бодхисатвой», это название пришло с юга. Женщины на юге очень суеверны, неважно божество это или будда, всех их называют «бодхисатвами», то, что у божества есть родители – это появившаяся неизвестно откуда выдумка» (заметка I—189—3). Тон заметки подтверждает, что ее автором был образованный китаец, скептически настроенный к народным верованиям, а не сам Алексеев. В цз.1 географического описания уезда Яншань 陽山縣 провинции Гуандун (陽山縣志, авт. Лю Биньхуа 劉彬華, 1823) сказано, что при перестройке уездного храма Чэн-хуана был добавлен зал для почитания родителей Чэн-хуана, и в этом зале молятся о потомстве. Важно то, что в провинции Гуандун распространен культ богов-чадоподателей Батюшки и матушки Золотого цветка (*Цзиньхуа шэн ван му* 金花聖王母), видимо, считающихся там родителями Чэн-хуана [8]. В этой связи возникает предположение о возможном влиянии гуандунских купеческих гильдий в Кайфэне, которые могли спонсировать сооружение помещения для поклонения этим южным божествам. Процесс усвоения южного культа чадоподателей мог происходить и иным способом, требующим исследования.

Интересны заметки о храме Чэн-хуана в уездном городе Вэйсянь 濰縣 провинции Шаньдун. В книге «В старом Китае» приведены такие данные о ритуальных практиках в Вэйсянь: «Между прочим, в этом храме в Вэйсяне статуя *чэнхуана* имеется в двух экземплярах: одна одинокая, другая с женой. Жена бога тоже, оказывается, занимается его делами, о чем гласит надпись: «Ее материнские милости всех нас покрывают». В храме бродят торговцы всякой религиозной утварью. Купил любопытные бумажные фигурки, изображающие самого *чэнхуана*. Они предназначены для тех, больных, которые сами не в состоянии прийти в храм: и молятся дома перед этими фигурками. Тут же продаются бумажные подарки *чэнхуану*: шапки, зонты, веера, монеты. Все это после свершения поклонения сжигается перед божеством, ибо огонь превращает эти игрушечные изображения в настоящие, по моде того света, угодной богу» [1, с. 90]. Заметки I50—1, I50—3 сообщают о том, что возле храма продают куски ткани темно-красного цвета, это одежда для кающихся и несущих на себе бремя прегрешений, принятая еще с эпохи Хань (206 до н. э. – 220). Верующие, приходящие в храм для признания своей вины и покаяния, либо идущие за паланкином Чэн-хуана во время процессий одевают также сделанные из бумаги шейные канги – атрибут осужденного, некоторые одевают на шею табличку преступника (какие использовались в Китае до времен

¹ Храм был основан в 1369 г. эпохи Мин, многократно перестраивался в эпоху Цин, в 1927 г. был реорганизован в дом просвещения, после чего постепенно разрушился и был снесен.

² В «Книге песен» (*Шицзин*) такой титул был у графа *бо* 伯, едущего впереди процессии с пикой.

«культурной революции» - *примеч. авт.*). В столице на таких таблицах нет указания о величайшем повелении, а в провинциях о нем написано. Дело в том, что губернатор не наделен правом казнить, он может его получить только после ходатайства в столицу. Большинство посетителей храма Чэн-хуана это те, кто дал обет, считающие себя преступниками, у многих серьезные болезни, либо болеют их родители или родные. Они дают обет, за исполнение которого рассчитывают на исцеление божеством. Те, у кого на шее одета канга, выставляют на показ свое покаяние. «Такого рода предрассудки встречаются по всему Китаю» - заключает автор заметки. Т.о. мы видим, что Чэн-хуан воспринимался как высший судья, способный принять раскаяние и излечить от болезней, обрушившихся на человека как кара за его преступления. Подобные представления о природе болезней сохраняются среди сельского населения до наших дней.

Заметка I51-1 содержит описание храмового праздника в Вэйсянь, в ходе которого статуя Чэн-хуана покидает храм и обходит город с инспекцией: «Люди несут статую в паланкине, на улицах оживление, торговцы и горожане украшают дома цветными лентами, пред входом выставляют стол с курениями, цветами и фруктами. Паланкин должен остановиться ненадолго перед каждым столом, чтобы принять подношения, затем движется дальше. Глава области или уезда, заступив на должность, должен выставить шатры и устроить банкет для местной знати».

В столице префектуры Тайань-фу 泰安府 Алексеев также посетил храм Чэн-хуана, где отметил наличие в храме 24 управлений, отвечающих за разные вопросы, в первое число лунного месяца Чэн-хуану дают отчет о делах каждой из управ. Также он увидел деревянную доску с надписью «тут сердце бодхисатвы», пояснение гласит: «Местные жители часто называют божество «бодхисатвой Чэн-хуаном», в буддизме главное сострадание, Чэн-хуан заведует делами суда над душами умерших, карает за злодеяния, а потому служит предостережением живым, стоит на страже добра, это тоже сострадательнее сердце бодхисатвы» (заметки I72, I72a).

В уезде Цзясян 嘉祥縣 провинции Шаньдун в храме Чэн-хуана В.М.Алексеев увидел настенную живопись, изображающую Чэн-хуана среди цветных облаков «в множестве обличий», пришедшего с докладом в небесный дворец (Яшмового императора – высшего божества даосского пантеона – *примеч.авт.*), здесь он предостерегает от злодеяний (заметка I130-2). В этом же храме стояла статуя Чэн-хуана с Книгой жизни и смерти в руках, в которую еще при жизни божества заносят все деяния человека. В заметке I130-7 отмечено сходство с храмами Владыки восточного пика и Янь(ло)-вана (это главные судьи подземного судилища), т.к. Чэн-хуан, Ту-ди, Яньло, Владыка восточного пика – все это божества иньского (загробного) мира, потому все они могут быть изображены с Книгой жизни и смерти. Далее сяньшэн поясняет, что «Чэн-хуан такой же как градоначальник или глава уезда в посюстороннем мире, покровитель местности Ту-ди – как местный чиновник, Яньло – царь судилища в аду, Владыка восточного пика – глава над всеми Яньло». Все жители императорского Китая воспринимали устройство чиновной иерархии этого и загробного миров как две аналогичные (зеркальные) системы.

В провинции Шэньси экспедиция исследовала древнюю столицу префектуры – город Сиань-фу 西安府, где В.М.Алексеев скопировал надписи на досках внутри храма, которые затем письменно пояснили учителя: «В храме Чэн-хуана по двум сторонам написано: «Управляет иньским согласно янскому», в разделе «Чжоу гуань» «Книги истории» (*Шуцзин 書經*) есть строка об «управлении страной, гармонизируя инь и ян». Т.о., надпись на доске говорит о том, что Чэн-хуан ведает делами иньского мира, помогая в управлении и делами мира янского» (заметка III14). Внутри храма Чэн-хуана обычно можно увидеть таблицу с

надписью «Ты пришел» (*Нилайлэ мо* 你來了麼), это слова демонов-солдат, пришедших забрать душу умершего на суд. Те, кто совершал злодеяния, убивал, поджигал, притеснял и мучил, получит наказание в соответствии с тяжестью преступлений, если он ушел от кары в янском (посюстороннем) мире, то ждать этого нельзя в мире загробном, посланники закупают его в кандалы и уведут. Наличие этой надписи призвано вселять в прихожан страх, направлять на путь добрых дел, автор этой фразы неизвестен. У входа висят парные надписи: «Ты настолько дерзок, что пришел ко мне», «Обернись, иначе будешь схвачен злодеем», смысл первой надписи в том, что от справедливой кары не уйти, вторая фраза говорит о том, что надо обернуться назад прежде тем, куда-то оправляться во избежание несчастья (заметка П114). На заметке П114/2 идет речь еще об одном характерном атрибуте храмов Чэн-хуана – висящих на стене огромных счетах, символизирующих представление о том, что подсчет воздаяния проводят боги, а не люди, эти счета напоминают людям о том, что нужно думать о своих поступках, следить, не поселились ли сердце алчность, жадность, зависть. Таким образом, составитель заметок проясняет воспитательную роль храмов Чэн-хуана.

В уезде Сяньян 咸陽縣 той же провинции Шэньси в храме Чэн-хуана были обнаружены алтари для поклонения Царю насекомых (*Чунван* 虫王) и Управляющему отделами (*Бугуань* 部官), отвечающему за карьерные перемещения чиновников внутри управы (заметка П135/4). Автору заметки это сочетание кажется странным и надуманным. В этом же храме был алтарь Чиновника преисподней, в ведении которого канцелярии загробного мира, в его подчинении все демоны и неприкаянные души¹ (П135/5).

Выше было приведено немало сведений, указывающих на такую ипостась образа Чэн-хуана как суровое, но справедливое судопроизводство. В одном из храмов Чэн-хуана исследователь заметил изображение судьи-бога Чжун-куя 鍾馗. В народных представлениях Чжун-куй обладал навыком усмирения демонов и нечисти. Автор заметки П143 считает, что в храме Чэн-хуана он появился как помощник, который может применить свои чары в усмирении нечистой силы. Также говорят, что Чжун-куй хватает демонов и притаскивает их на суд к Чэн-хуану.

В соседней провинции Шаньси Алексеев продолжал собирать сведения об интересующем его культе Чэн-хуана, где скопировал десятки надписей, восхваляющих это божество. Также находим интересное описание храмового праздника в уезде Тайгу 太谷: «В первый день пятого месяца день рождения Чэн-хуана Тайгу, по древним установлениям перед статуей в качестве жертвы исполняют музыку на барабанах. В этот день Чэн-хуан выходит с инспекцией местности, как и в других местах Китая. Вывешивают списки с именами людей и указанием сумм пожертвований, все расходы показаны, богу подносят театральное представление. В качестве жертв – голова свиньи, курятина и рыба, так люди молят о благополучии» (заметка П110/2). В этой связи важно упомянуть, что в этом регионе Шаньси проживала особая социальная прослойка – музыканты *юэху* 樂戶 (ограниченные в социальных правах потомки сосланных придворных музыкантов), исполнявшие ритуальную музыку в храмах, в данном случае это могли быть они [9].

Таким образом, божественный покровитель города Чэн-хуан выполнял функции судьи над душами умерших, врачевателя, надсмотрщика за нравами живущих и покорителя нечистой силы, для чего он совершал регулярные инспекционные поездки по подшефной территории. Важным аспектом народной религиозности было принятие обетов, за исполнение ко-

---

¹ В традиционных представлениях это души тех, кто умер неестественной смертью и тех, кому потомки не совершают поклонения.

торых от божества ожидалась помощь или излечение. Сам В.М.Алексеев также отметил широкий функционал божеств: «Компетенция бога расширена до общей благодати, охраняющей детей, дающей богатство и т. п., как будто бы и не относящейся к загробному судопроизводству (точно то же мы наблюдаем и в храмах *чэнхуана*.)» [1, с. 105].

3. Особенности культа божеств северного Китая, отвечающих за водную стихию

Обширная литература и опыт полевых исследований автора статьи в современном Китае подтверждают, что в засушливых областях севера страны испокон веков остро стоял вопрос орошения полей и угодий, как следствие именно здесь были распространены храмы в честь бога Царя дракона (*Лун-ван* 龍王), которого молили о дожде, как будет показано ниже, зачастую этих божеств было сразу четверо. В книгу «В старом Китае» вошла часть сведений из «китайского дневника» об этом культе. Так в городе Цюйфу 曲阜, родине Конфуция, на постоялом дворе «нам подают постную еду — *су цай*. Оказывается, в городе молятся о дожде, потому и пост» [1, с.128]. Другая запись:

«27 июня. Идем с визитом к *чжисяню*¹. В городке тревога и угрюмое празднество: просят у Царя Драконов дождя. Весь город на улице. Мальчишки у порога храма равнодушно бьют в барабаны и цимбалы... *Чжисянь*, извинившись, прерывает прием (что совершенно противоречит китайскому этикету) и поспешно выходит. Потом возвращается и говорит: «Извините, ничего не поделаешь! — Пришлось выйти и поклониться Царю Драконов, которого только что принесли в *ямьнь*. Понимаете, надо успокоить народ: а то как бы чего не вышло!» (Это «как бы чего» означает многое...). Выйдя из *ямьня*, наблюдаем процессию. Впереди идут музыканты. Барабаны, свирели, цимбалы, медные тазообразные инструменты — рев, грохот, треск, шум, в котором можно разобрать только очень сложный и частый ритм барабана. Бряцание и нервная дрожь барабана, подражающая грому, наводит Шаванна на мысль о том, что и вся китайская музыка, состоящая из барабанно-цимбального боя, развилась из религиозной трагедии и сохраняет этот характер по сей день, особенно ясно выражающийся в призывании дождя. Лун-ван (Царь Драконов) любит музыку, и моления ему всегда сопровождаются подобным аккомпанементом.

Толпа, в которой много рыбаков (из-за сильной засухи пересохли речки), несет знамена со знаками *инь-ян* и восемь *гуа* (заклинательные и молитвенные символы), бумажные флажки с надписями вроде: «Змея, которая задерживает дождь, дай ему хлынуть!»

Почти у всех в руках ивовые ветки. Это — принадлежность Гуаньинь, которая кропит веткой чудотворную воду из своего кувшина и оживляет умершее, засохшее. Мальчишки с веточками и венками на головах составляют особую процессию. Но основная масса толпы — это женщины с цветами, вплетенными в косы, исступленно бряцающие бамбуковыми планками на манер кастаньет.

Вот, наконец, паланкин, где восседают бородатый чиновник Лун-ван и вездесущий воевода Гуань Юй. Перед паланкином идут музыканты, играющие в том же частом темпе, как и впереди процессии... Направляемся в Кунмяо — храм Конфуция. Проходим мимо алтаря Лун-вана, сооруженного перед какой-то лавкой» [1, с. 131-132].

Достоин внимания то, что местным чиновникам вменялось в обязанность принимать участие в молениях о дожде. Нередко такого рода процессии направлялись к источникам и родникам, считавшимся местом обитания Царя дракона, там также делали подношения. В заметках из «китайского дневника» указано, что в Кайфэне исследователи наблюдали храм Трех святых (*Саньшэн* 三聖), это Цари драконы, управляющие дождевой водой, колодцами и

¹ Глава уезда.

родниками, а также речной водой (заметка П165-3). Любопытно то, что матушка Царей драконов (*Шэньлунму* 神龍母) также считалась обладающей властью над водной стихией, в храме была ее именная табличка с длинным пожалованным ей императором титулом. Здесь же в храме стояли именные таблички Генерала клики стабильной воды (*Вэньшуйдан цзянцзюнь* 穩水黨將軍), каждый год чиновники, отвечающие за гидротехнические работы на реке, совершают моление о том, чтобы на Хуанхэ не прорывало дамбы, не было бедствий, а им досталось продвижение по службе. Генерал стабильной воды был придуман этими чиновниками. В храме есть также табличка генерала Лю гладкого течения (*Шуньшуй лю цзянцзюнь* 順水柳將軍), о нем такое пояснение: «У великих царей в подчинении есть военные чины, их зовут генералами. В реке живет много живности, их называют богами драконами, они направляют движение речных обитателей, которые как бы являются их армией, гражданским же чинам не полагается иметь такую большую свиту» (заметки П165-4, П165-5).

В заметке П74 учитель В.М. Алексеева дает такое определение сферы влияния Царей драконов: «Цари драконов, боги, управляющие выпадением дождя, реками, озерами, морями и колодцами. Их везде так называют. Что касается названия Великий царь, то изначально оно бытовало только на самых главных пристанях Хуанхэ, это божество было выше царей драконов». Эта заметка проясняет иерархию внутри этой группы божеств: над Царями драконами, скорее всего, возвышался Четвертый сына великого царя золотого дракона (*Цзиньлун сыда ван* 金龍四大王), о котором будет упомянуто ниже. В этой же заметке П74 приведены сведения о традиции исполнения традиционной оперы как подношения Царям драконам: «Все чиновники с берегов реки после тяжелых трудов на протяжении года умудряются залатать-таки пробоины в дамбах и протянуть без происшествий до осени. Денег в достатке, можно рассчитывать на представление к награде, в этой связи уместно веселье, собирают пожертвования для исполнения благодарственной оперы. Считают, что если к середине года вода не нанесла ущерба, никто не попал под наказание, то это покровительство Великого царя, для его увеселения исполняют оперу, и для своего тоже».

В бассейне реки Хуанхэ часто случались наводнения, вызванные изменением русла реки. По данным исследований, планомерная работа государства по управлению уровнем воды в Хуанхэ началась с эпохи Мин, в 1411 г. начал функционировать Великий канал, вытекающий из Хуанхэ, но он был заброшен к середине XIX в.. Если в нижнем течении Хуанхэ прорывало дамбы, иловые потоки стекали в Великий канал и блокировали его. По северному берегу была возведена дамба, а дамбы по южному берегу были прерывистыми, направляя воду в рукава реки Хуай [10, с. 692]. В 1565 г. минский гидролог Пань Цзисюнь (*潘季馴*, 1521–1595) предложил новый метод контроля за наводнениями, состоявший в постройке дамб и системе мер обеспечения блокировки воды. Также была введена система профилактических работ, за которыми следили чиновники на государственном обеспечении. Вследствие недостаточного внимания государства к этой проблеме в 1887 году на реке Хуанхэ случилось страшное наводнение [11, с.5]. Считалось, что помимо чиновников, инженеров и строителей дамб контроль над рекой Хуанхэ осуществляли и божества. В середине эпохи Мин в бассейне Хуанхэ сложился культ Четвертого сына великого царя золотого дракона (*Цзиньлун сыда ван* 金龍四大王), изначально поклонение ему вели лодочники Великого канала, но постепенно представители властей, отвечавшие за работы на реке, стали считать его своим патроном, поклонение ему стало частью государственного ритуала [12, с. 815]. Как будет показано ниже, Цари драконы также почитались в качестве гарантов спокойного течения рек.

В Кайфэне В.М. Алексеев посетил храм великого царя (*Лидаван мяо* 栗大王廟), оказалось, что им стал бывший Главный директор работ по укреплению Хуанхэ и по содержа-

нию Императорского канала, прославившийся гуманным правлением, после смерти его начали величать Великим царем, храм был возведен чиновниками в знак благодарности. Статуя облачена в халат и шапку правящей династии (обычно божества были облачены в минские одеяния – прим.авт.). Рядом с ним четверо генералов (заметка I-188-1). Его покровительство обеспечивало спокойствие вод Хуанхэ и безопасную транспортировку продовольствия по ней (I-188).

В уже упоминавшемся городе Тайань-фу провинции Шаньдун синологи осмотрели храм Великих царей (*Даванмяо* 大王廟), официальный титул которых звучал как «Великие цари Чжу с титулом хоу, способствующие успокоению воды и поучению». «Поблизости от Хуанхэ, где велика вероятность прорыва плотины, возводят храмы Великих царей, там с особым почтением им совершают поклонение чиновники гидротехнических работ, весной и осенью в качестве подношения исполняют драму. Великих царей четверо, тело у них золотого цвета, раньше это были живые люди, либо чиновники. Они не смогли завершить смычку или зачинить разрывы плотины, упали в воду, либо их засыпало при прорыве плотины (т.к. они погибли неестественной смертью – прим.авт.). Рабочие поклоняются им в облике речной змеи, считая, что это бывший человек, например, по фамилии Чжу, либо это генерал Хуан. Эти люди, после смерти превратившиеся в драконов или змей, теперь помогают управлять течением Хуанхэ, защищают местное население от наводнений, генерал губернатор посылал прошение к трону с просьбой пожаловать им титул» (заметки I78–1, I78–2). В заметке П75b встречается еще сведения о змее, способной превращаться в дракона: «Все змеи, способные превратиться в дракона, во лбу имеют красную точку. Если в водах Хуанхэ увидят такую змею, то ее вылавливают и кладут на медное блюдо. С почтением ее приносят в храм Великого царя, поклоняются ей как божеству, когда же она убегает, то приносят новую, на алтарь выставляют подношения, число почитающих не уменьшается. Эту легенду рассказал рикша, он считает, что это подлинное божество». Таким образом, прослеживается связь с анимистическими культами, обожествлявшими животных и широко распространенных среди народных масс (включая культ лисицы, ежа, хорька и проч.).

На страницах книги «В старом Китае» также видим сведения о том, как государство участвовало в процессе канонизации славных соотечественников в качестве царей драконов: «Такие храмы воздвигаются по специальному указу императора, как посмертная честь особо отличившемуся мандарину. Ему приносятся жертвы, чиновники приезжают поклоняться его таблице, создается культ (от которого полшага к обожествлению, возведению в драконы и т. д.). Висят надписи, в которых оба брата сравниваются со столпами, без которых покренилось бы небо, с золотыми стропилами в подводном дворце Дракона и т. п. Их ученик Сюй Чжэнь-вэй, тоже чиновник, вышедший из простого народа, именуется «утесом в середине реки, принимающим на себя основной напор воды», так как он десятки лет служил начальником работ по укреплению русла Хуанхэ. (Подобные храмы весьма характерны для государственного официального культа и очень интересны для историка религии как один из источников, питающих китайскую религию.)» (1, с.165). В книге есть еще одно описание обожествления чиновника: «В Чжудаванмяо (諸大王廟 Храм всех великих царей) я в первый раз увидел секрет производства богов в Китае: статуя представляет живого чиновника в костюме, который они носят и поныне, однако лицо позолочено. Это был известный *даотай* — чиновник особых поручений, который искусно управлял рекой (на Хуанхэ специальные чиновники следят за уровнем воды), и потому после смерти превратился в дракона» [1, с. 163].

В «китайском дневнике» находим сведения о том, как имя легендарного китайского правителя, основателя государства Ся, Юя 禹 Великого, усмирившего великий потоп оказа-

лось связано с культовыми практиками в бассейне Хуанхэ. В городе Ханьчэн 韓城 провинции Шаньси ученые посетили храм Великого Юя 大禹廟 (1301г., сохранился до наших дней), в котором было несметное количество табличек с надписями. Главным образом прославлялся подвиг Юя по усмирению потопа (заметка Ш181/2)¹.

Заметка этнографического характера о верованиях лодочников: «Переплываем реку в лодке паромщица, на карме его лодки написано: «Управляет тремя небесами и всей землей. Ведает девятью реками и восемью речушками». Все те, кто зарабатывает на жизнь паромом, поклоняются Царям драконам, также кто-то должен охранять их лодки по той причине, что они же часто являются их домом. Для совершения поклонения Царям драконам нужно всего лишь на желтом листе бумаги написать «Именная таблица всех царей драконов», он обеспечит процветание дела, оградит от опасностей на воде. На карме лодки написаны имена следующих божеств: Генерал левой стороны, Великий царь Хуан, Титулованный Четвертый сын великого царя золотого дракона, Великий царь Чжу, Генерал правой стороны» (заметка I210/1). Вместе упомянуты Четвертый сын и два царя дракона по фамилии Хуан и Чжу.

Четвертого сына великого царя золотого дракона изображали и на бумажных иконах *чжима* 紙馬, которые использовались для поклонения божеству и после завершения ритуала сжигались. В архиве ГМИР хранятся также конверты с пояснениями к такого рода ритуальным оттискам, в частности заметка «сонм богов 51»: «Посередине сидит Четвертый Небесный царь золотой дракон реки Хуанхэ 黃河金龍四大王, на столе стоят курильница, туба с гадательными бирками, справа и слева четверо предстоящих, позади него предстоящий с волшебным мечом, другой обеими руками держит печать, перед столом стоят двое с кистенями (*чуй* 錘). В Шаньдуне, Хэнане вдоль реки (Хуанхэ), если прорывает плотины после «соединения драконов» делают подношение и поклонение этому богу исполняют оперу, или пишут благодарственную надпись на доске и подносят этому богу. **Вопрос карандашом** (написан В.М.Алексеевым – *прим.авт.*): «соединение драконов» - непонятно. [Ответ:] «Соединение драконов» это когда после прорыва воды удается залатать пробоину и остановить воду. **Вопрос карандашом** (Алексеев): вижу одного бога, не вижу четырех. [Ответ:] Потому что, он четвертый по старшинству, а не всего их четыре» (Фото 4).

Исследователь народной картины Ван Шуцунь (王樹村 1923-2009) сообщает следующее: «В Янлюцине самый популярный храм Большого царя (дракона), был построен на берегу императорского канала, в нем поклоняются Четвертому сыну великого царя золотого дракона 金龍四大王. Изначально это был Се Сюй 謝緒, который жил отшельником на горе золотого дракона у реки Цяньтан (возле г.Ханчжоу), когда пала династия Сун, он бросился в реку и погиб за отечество (то есть стал опасным блуждающим духом - *прим.авт.*). Жившие вдоль рек Янцзы и Хуайхэ стали почитать его как бога воды (т.е. культ изначально южный – *прим.авт.*) ... изготовление чжима этому божеству в Янлюцине связано с перевозкой продовольствия по императорскому каналу...» [13, с. 66]. Другая заметка «Сонм богов 53» так описывает бумажную икону с этим божеством: «Это тоже Четвертый сын великого царя золотого дракона реки Хуанхэ. Только перед столом один дракон. Этот бог обеспечивает, чтобы на реке Хуанхэ никогда не прорывало плотины, не затопляла дома, людей, скот и посевы, то есть поддерживает счастье одной стороны, он властитель счастья» (Фото 5).

Иконография царя дракона Лун-вана на бумажных иконах отличается от той, что приведена на Фото 4, 5, можно говорить об индийском влиянии в манере изображения Царя дракона (усы, клыки). А. Берндт говорит о слиянии древнего культа китайского дракона (ранние упо-

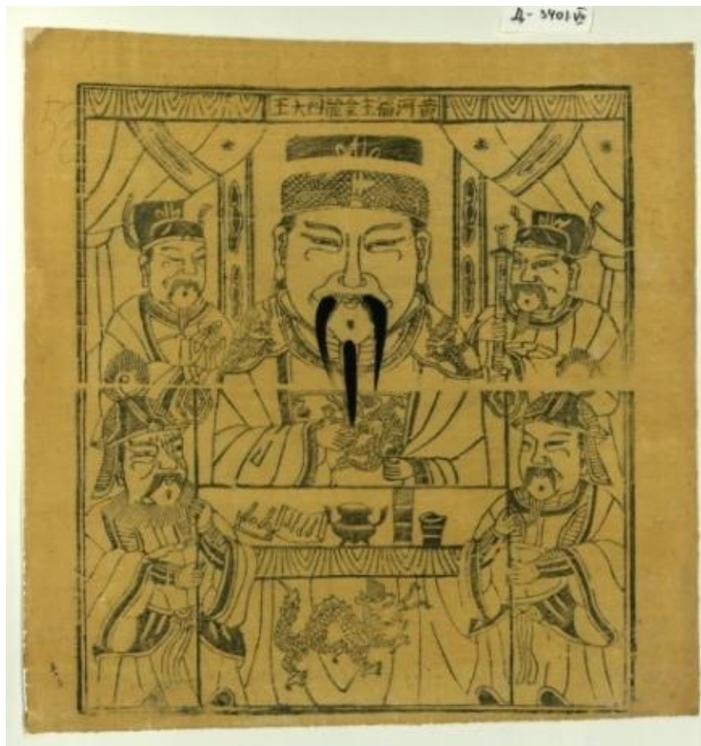
---

¹ А.Берндт сообщает, что Великого Юя почитали как своего великого предшественника по управлению реками [14]

минания о ритуалах призывания дождя относятся к эпохе Хань, затем существовала практика сооружения алтарей для официального моления о дожде внутри городских стен) и индийской нага, пришедшего в Китай вместе с буддизмом в период Северной Вэй, но в народную религию они были инкорпорированы все же через посредничество даосизма [14, с.74, 75].

Фото 4. Бумажная икона *чжима*. Пекин.
Инв.номер Д-3399- VII.ГМИР

Фото 5. Бумажная икона *чжима*. Пекин.
Инв.номер Д-3401-VII. ГМИР.

Фото 6. Бумажная икона *чжима*. Пекин.
Д-3404-VII. ГМИР.

К бумажной иконе (Фото 6) дается такое описание: «Это бог дракон 龍王神, верхом на драконе, в руке держит табличку из слоновой кости для официальных приемов, из бочки реки (Хуанхэ) выдувает воздух, внутри драгоценная жемчужина, рядом большая белая жемчужина, говорят про это, что дракон играет с жемчужиной. В хранилищах для воды (?), у оголовка колодца обычно делают небольшое помещение для поклонения ему. Вопрос карандашом (Алексеева): не пояснена причина выдувания воздуха. Это дым вылетает из спиральной раковины, это всего лишь потому, что царь дракон выезжает с инспекционной поездкой, а все водные существа подносят жемчужины».

Заключение

Приведенные в статье выдержки из «китайского дневника» (1907) российского китаевода

В.М. Алексеева, уникального документа эпохи, хранящегося в Научном архиве ГМИР, освещают новые аспекты устройства религиозной жизни социума Китая начала XX в., демон-

стрируют роль местного чиновничества и представителей других профессий в ритуальных практиках поклонения покровителю города Чэн-хуану, а также божествам, отвечающим за спокойное течение реки Хуанхэ и за осадки. Важно отметить, что в народном сознании податели дождя - Цари драконы и Четвертый сын великого царя золотого дракона, изначально бывший патроном лодочников Великого канала, сливались в одну группу богов, управляющих водной стихией. Отметим также, что легендарный правитель древности Великий Юй также воспринимался как патрон чиновниками, отвечавшими за поддержание в порядке дамб на реке Хуанхэ. В перспективе представляется уместным продолжить исследование других культов, отраженных в «китайском дневнике» В.М.Алексеева и проследить частотность упоминания тех или иных явлений.

Библиографический список

1. Алексеев В. М. В старом Китае: Дневники путешествия 1907 г. Предисл. акад. В. В. Струве и В. М. Штейн. М.: Изд-во вост. лит., 1958.
2. Терюкова Е.А., Завидовская Е.А. Из истории изучения в России народной религиозности в позднемперском Китае: архив академика В.М.Алексеева в Музее истории религии // Успехи современной науки. – 2017. - №2. - С.149-155.
3. Алексеев В.М. Три отчета о пребывании в Китае 1906-1909 гг. // Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: Наука, 1982.
4. Алексеев В.М. Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио / Вступ. статья, сост., пер. с франц. и примеч. И. Э. Циперович. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998.
5. Виноградова Т.И. Дневники В.М. Алексеева в «Синологической картотеке» учёного. Библиотека Российской академии наук. – 2017. - Том: 47. - № 1. - С.239-253.
6. Vincent Goossaert. The Shifting Balance of Power in the City God Temples, Late Qing to 1937 // Journal of Chinese Religions. 2015. - 43:1. Pp.5-33.
7. Feuchtwang, S. "School Temple and City God// *The City in Late Imperial China*. G. W. Skinner ed. Stanford: Stanford University Press, 1977. – Pp.581-608.
8. Яншань сяньчжи 陽山縣志 (Описание уезда Яншань). Лю Биньхуа 劉彬華, 1823 [Цифровой ресурс] <https://books.google.ru/books?id=U0YsAAAAyAAJ&pg=PP281&lpg=PP281&dq=%E5%9F%8E%E9%9A%8D%E7%88%B6%E6%AF%8D&source=bl&ots=19pLXAI-fN&sig=ACfU3U2CkTuGJcPuS0KIRhkmLeOviqlw&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwjdw3Ws8HxAhVGPisKHTrKAa0Q6AEwCXoECA8QAw#v=onepage&q=%E5%9F%8E%E9%9A%8D%E7%88%B6%E6%AF%8D&f=false>
9. Завидовская Е.А. На радость людям и духам // Восточная коллекция. 2007. - №. 1 (28). С.10-23.
10. Chen, Yunzhen; Syvitski, James P. M.; Gao, Shu; Overeem, Irina; Kettner, Albert J. Socio-economic Impacts on Flooding: A 4000-Year History of the Yellow River, China // AMBIO, 2012. - 41(7). Pp.682–698.
11. Dodgen Randall. Controlling the Dragon: Confucian Engineers and the Yellow River in the Late Imperial China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2001.
12. Dodgen Randall. Hydraulic Religion: 'Great King' Cults in the Ming and Qing//Modern Asian Studies. 1999.- 33(4). - Pp. 815-833.
13. Ван Шуцунь 王樹村. Чжунго миньцзянь чжима ишу шихуа 中國民間紙馬藝術史話 (История народного искусства бумажной иконы). Тяньцзинь 天津 : 百花文藝出版社, 2008.
14. Berndt, Andreas. The Cult of the Longwang: Their Origin, Spread, and Regional Significance// Chinese and European Perspectives on the Study of the Chinese Popular Religions. Clart, Philip ed. Konfuzius-Institut Leipzig, 2012. – Pp.61-94.

Сведения об авторе:

Завидовская Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. И.Г.Петровского, e-mail: katushaza@yahoo.com

ЛИПЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ПСЕ И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛИПОВИЧСКА (ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПУТИВЛЬСКО-РЫЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Аннотация: В статье проанализированы сведения археологических и письменных источников, касающиеся окрестностей Сум, Путивля, Рыльска, Льгова и Дмитриева. Рассмотрен ряд гипотез о местонахождении летописного города Липовичска. С историко-географической точки зрения наиболее реалистичным оказывается предложенное А.В. Кашкиным отождествление этого города со Старогородским городищем на Сване.

Ключевые слова: Липовичск, Воргол, городище, удельное княжение, волость, Свиная дорога

Chursin D.I. Lipenskoe hillfort on the Psel river and the problem of localization of the Lipovichsk city (notes on the historical geography of the Putyvl and Rylsk region)

Abstract: The article analyzed information from archaeological and written sources about the neighborhood of Sumy, Putyvl, Rylsk, Lgov and Dmitriyev. A number of hypotheses about the localization of the annalistic city of Lipovichsk are considered. In terms of historical geography, the most realistic option proposed by A.V. Kashkin identification of this city with the Starogorodskoe hillfort on Svapa river.

Keywords: Lipovichsk, Vorgol, hillfort, appanage principality, volost, Svinaya road

Первое упоминание о Липенском городище мы встречаем в датированной 1571 годом «Росписи разъездам путивльских и рыльских станиц», где описывались варианты пролегания Лосицкой дороги. Согласно одному из них, станичники должны были «перевезтись [через] Семь в Дороголиве, на усть Ви́ра, да ехати Ви́ром вверх, да перелезти Ви́р у Хосотина на усть Руды, да ко Псле, а Псе́л перелезти у Липенского городища, да в проходы, да на верх Боровни» [2, с. 13]. Харьковский историк, архиепископ Филарет (Гумилевский), счёл, что речь в росписи шла о Тополянском городище в двух верстах от Сум (ныне в черте города), а также «что город, памятником которого осталось городище, существовал до времён татарских: это, конечно, один из городов Черниговского княжества» [21, стб. 279–280]. Точка зрения архиепископа надолго закрепились в историографии. Тем не менее, попытку её опровергнуть произвёл в начале XX века Алексей Бунин, заметивший, что «при переправе через Псе́л в указываемом месте для движения станицы до вершины р. Боровни надобно было бы переходить несколько рукавов Псла и озёра, затем довольно значительный левый приток Псла, р. Сыроватку, чего в расписании пути не упоминается, тогда как такие расписания составлялись с обозначением всех подробностей» [13, с. 67].

А.И. Бунин соотнёс упомянутый в росписи топоним Хосотин с Лосятиным лесом, расположенным западнее современного села Бутовщина Сумской области. Неподалёку от этого леса река Ви́р делает резкий изгиб, что побуждает при движении на юг переправиться через неё именно в этом месте. Между Ви́ром и Сулой находится низменная местность, маркируемая рядом специфических топонимов: двумя балками под названием Рудка (в одной из них расположено одноимённое село), двумя Мокрыми болотами, Моховыми ручьём, озером и яром, а также селом Желобок, находящимся в Широкой балке. Топоним Руда, указанный в росписи 1571 года, Бунин увязал с мелким притоком Ви́ра, протекающим через посёлок Николаевка, расположенный в 30 км к западу от Сум. В наши дни он именуется Вязанкой, однако в старину мог называться и Рудой. Известно множество случаев, когда мелкие реки и балки, истоки которых располагались неподалёку друг от друга, назывались одинаково¹.

¹ К примеру, из урочища Лубенец (другое название – Лубенской лес), находящегося на границе Суджанского и Беловского районов Курской области, выходят две балки с таким же названием. В низовьях одной из них нахо-

Таким образом, согласно А.И. Бунину, «*путь сторожевой станицы ...направлялся от устья р. Ви́ра левою стороною этой реки в верх её течения и пересекал её у дер. Николаевки, далее шёл по гребню между вершинами оврагов и рр. Сумки, Гуски, Ильмы и Стрельны (с левой стороны) и р. Сулы до её вершины, а затем р. Ворожбы (с правой); не доходя вёрст 4-х до слоб. Сумской Ворожбы, он пересекал р. Псёл, далее направлялся на восток проходами (гребнем) к верховью р. Боромли, огибал его у д. Видневки, затем следовал левою стороною р. Боромли, пересекал р. Радомлю и близ устья Боромли переходил через р. Ворсклу*» [13, с. 68].

Вышеописанный вариант прохождения Лосицкой дороги представляется в целом реалистичным. Заметим, что на этом маршруте находится современное село Валки Сумской области. Подобные топонимы часто маркируют места заброшенных оборонительных сооружений: так, город Валки Харьковской области получил своё название от сохранившегося до наших дней вала, соединяющего верховья рек Мож и Коломак. Этот вал, преграждавший Муравский шлях, впервые упоминается в 1571 году. Дмитрий Багaley допускал возможность возведения данного укрепления «*в княжеский период*», склоняясь, впрочем, к более поздней датировке сооружения [10, с. 239–241]. Однако вторая гипотеза не подтверждается письменными источниками. Вероятно, название современного села Перекоп, расположенного у истока реки Мож, также связано с вышеупомянутым валом. Приведём ещё один пример. Неподальку от села Стригослы Курской области находится урочище Вальское (Валской лог). Оно географически соответствует «валу старинному» («*val starinno*»), обозначенному на франкоязычной карте Обоянского уезда, созданной геодезистом Борисом Батуриным в 20-х годах XVIII века [79; 91]. Лосицкую дорогу, по-видимому, также перегораживали оборонительные валы, сооружение которых можно отнести к домонгольскому времени.

Что же касается Липенского городища, то А.И. Бунин отождествил его с археологическим памятником, расположенным в четырёх верстах к северу от современного села Ворожба Сумской области. Судя по описанию, именно он известен в наши дни как Большое Ворожбянское городище. Согласно исследованиям археологов, его возведение относится к раннему железному веку, находок более позднего времени на территории городища обнаружено не было [13, с. 68; 20, с. 701]. На наш взгляд, на роль Липенского городища больше подходит комплекс археологических памятников у села Шпилевка, расположенный севернее Большого Ворожбянского городища, в урочище Шпиль. Он состоит из городища, двух селищ и нескольких курганных могильников. Находки со Шпилевского археологического комплекса датированы VIII–XIV веками и отнесены к роменской и древнерусской культурам [20, с. 1210–1212]. Городище «Шпиль», в отличие от Большого Ворожбянского, не упоминалось в «Историко-статистическом описании Харьковской епархии», и, кажется, именно поэтому осталось неизвестным А.И. Бунину. Между тем существование Шпилевского археологического комплекса, находящегося между селом Валки и Пслом, могло иметь целью обслуживание и

дится село Борки, другая же примыкает к Меловому яру, в устье которого расположено село Александрия Сумской области. Две реки Гостёнки, относящиеся к разным речным бассейнам, протекают по территории Белгородской области. Устье одной из них находится в центральной части Белгорода, другой же – в посёлке Борисовка. Их истоки разнесены друг от друга на 7 километров. В той же области известна река Смородинка (другие названия – Смородинный колодезь, речка в Смородинном верхе, лог Озерки), впадающая в Ворсклу. К востоку от неё берёт начало Смородинный верх (урочище Смородина, Торинский овраг, урочище Товарино), примыкающий к Большому лугу, впадающему в Липовый Донец. У края «восточного» Смородинного верха располагается село Смородино Яковлевского района, а в полуторакилометровом промежутке между истоками находится хутор Крапивенские Дворы. Через этот промежуток когда-то проходил Муравский шлях, являвшийся основным путём нападений крымских татар на Московское государство, в связи с чем в XVII столетии «*на Муравском шляхе у Смородинова колодезя*» был устроен сторожевой пост [35, с. 304].

охрану важной переправы на Лосицкой дороге (само существование этого пути и его значимость в древнерусское время были убедительно обоснованы Виктором Звагельским [19]).

Алексей Бунин связывал Липенское городище со столицей Липовичского (Липецкого) удела Курского княжения, известного из летописного рассказа о баскаке Ахмате [13, с. 68; 42, стб. 481–482; 43, с. 176–178; 44, с. 162–165; 45, с. 79–81; 46, с. 170; 47, с. 92–93; 48, с. 103–105; 49, с. 154–156; 50, с. 62, 221–222; 51, с. 97; 52, с. 100–101]. Однако Шпилевское городище (а уж тем более Большое Ворожбянское) никак нельзя принять за детинец удельного города. Слабое административное значение Шпилевского комплекса подтверждается ещё и тем, что в позднесредневековый период вокруг него не сложилось собственной волости: по-видимому, в XV–XVII веках он относился к Биринской волости Путивльского уезда (повіта), центр которой располагался в районе впадения в Псел реки Сумы (Сумки). Дальше вдоль Псла простиралась территория Городецкой волости того же уезда [75, с. 368–369, рис. 26]. Виктор Приймак предложил вариант локализации Липовичска на Тополянском городище, основываясь на традиционном отождествлении его с Липенским городищем станичной росписи. Как верно заметил Артур Чубур, Липенское городище находилось ниже по течению Псла, а других аргументов для связи Липовичска именно с Тополянским городищем нет. Выдвинутые другими историками соотнесения Липовичска с Липецком на реке Воронеж или с Ливнами на Быстрой Сосне также не находят подтверждения [83, с. 65, 68; 88, с. 30–32]. Совершенно неудовлетворительны и попытки связать этот город с сёлами Линец (ошибочно – Липецк), Липовское (ныне Тёплое) и Липовчик Курской области [11, с. 301; 77, с. 20].

По мнению ряда исследователей, на роль города Липовичска гораздо больше подходит состоящий из городища, шести селищ и четырёх могильников Липинский археологический комплекс, расположенный в 3 км от устья реки Большая Курица. Он получил своё название от соседней деревни Липиной (другое название – Савостина), а та, в свою очередь, от расположенного неподалёку монастыря (на карте 1733 года – *«Липиновская пустыня»*, ныне – урочище Монастырище), на территории которого были обнаружены монеты и другие находки XIII–XVIII столетий. При этом Липинский комплекс отвечает большинству признаков, характерных для полноценного города, а найденные здесь материалы датируются IX–XIV веками [7, с. 65–70; 15; 86; 88, с. 33]. Название Лыпиновской (Ольпиновской, Ильпиновской, Липиновской) пустыни, вероятно, происходит от глагола *льпети* – «прилипнуть, лепиться к чему-то» [78, с. 322].

В актовых материалах городище у деревни Липиной значилось под названием Юрьёво. Согласно составленной в 1571 году «Росписи сторожам из украинских городов», один из сторожевых пунктов располагался на Городенском городище на Сейме. В документе говорится: *«а сторожам на той стороже быти из Орла да из Карачева и[ес]ти человекам, по три человека из города, да из Рыл[ь]ска два человека, а переезжати им налево вверх по Семи до усть Курицы, до Юрьёва городища, проезду вёрст с двадцать или с полтретьядцать»*. Это городище упоминается также в аналогичной росписи 1577 года [2, с. 11, 27–28]. Безусловно, следует признать ошибочным предложенное Ю. Моргуновым отождествление Юрьёва городища с археологическим комплексом в урочище Валки у села Николаевка Конотопского района Сумской области, связываемым им с древнерусским городом Зартый [32, с. 246–247; 34, с. 289]. Городище «Валки» в 30-х годах XVII века упоминалось как Курицкое, а на карте Украины, созданной французским инженером Гийомом де Бопланом, было обозначено как Курицыно (*«Korczyno»*) [25, с. 322–323; 93].

По мнению Владимира Кучкина, *«идентификация Липовичска с городищем у деревни Липина несостоятельна. Во-первых, при таком отождествлении получается, что всего в одном дневном переходе от крупного административного центра – Курска – уже в после-*

монгольское время возник ещё один значительный административный пункт – резиденция князя с определёнными правами и статусом, если и подчинявшегося курскому баскаку, то явно не в полной мере. Столь близкое соседство подобных центров представляется сомнительным. Во-вторых, делается непонятным, как мог Святослав Липовичский, находясь в таком месте, своевременно узнавать о том, что делается в Ахматовых слободах и нападать на них, тогда как в стоявшем рядом Курске, где нашли убежище два брата баскака Ахмата, ничего об этом не знали и никаких препон липовичскому князю, его разбойным, по выражению летописи, помыслам не чинили? В-третьих, вызывает недоумение и беспрепятственное бегство братьев Ахмата в Курск. Липинское городище расположено как раз на большой дороге с запада к Курску, и если там княжил Святослав, то почему он, перед этим напавший на слободчиков и на сопровождавших их людей, дал им спокойно укрыться в Курске?» [27, с. 41–42].

В.А. Кучкин поддержал гипотезу Александра Кашкина, отождествившего Липовичск с городищем в селе Старый Город Курской области. Первые сведения об этом селе относятся к началу XVII века, когда оно являлось посольным (дворцовым) и входило в состав Сницкой волости Рыльского уезда. Испытав запустение в период Смуты, село возродилось, будучи переданным Никольскому монастырю¹. В писцовой книге 1628–1629 годов оно указывается как «село Дмитревское, Городец тож, на реке на Свое, а в нем церковь святого мученика Дмитрия Селунского», а в выписке из межевой книги того же периода значится «межа села Дмитровского, Городец тож, с деревнями Никол[ь]ского монастыря Волинские пустыни» [55, л. 1153 об.; 56, л. 464 об.]. На карте 20-х годов XVIII века оно отмечено как деревня Дмитровская («*Dmitravskaiia*») [92]. К находящемуся здесь городищу, состоящему из двух укрепленных площадок и относимому к юхновской, роменской и древнерусской археологическим культурам, примыкает селище с материалами XI–XIII столетий. Трёхчастное деление комплекса, равно как и его значительный размер (около 5 га), указывает на городской характер поселения [22, с. 55–56]. Вплоть до середины XX века в центральной части Старогородского городища располагалась Рождество-Богородицкая церковь, а обе его площадки и поныне заняты кладбищем. Судя по местоположению, это городище контролировало переправу через реку Свапу, упомянутую в отказной записи от 7 мая 1621 года как Татарский перевоз «повыше устья речки Крупца» [40, с. 263]. По-видимому, с этой переправой связано название посёлка Татарка. Очевидно, Татарский перевоз соединял одно из ответвлений Бакаева шляха со Свиной дорогой: согласно «Книге Большому чертежу», эта дорога тянулась «от Рыльска до Болхова, а тою Свиною дорогою прихаживали белоградицкие татаровя на рыльские и на карачевские, и на болховские, и на орловские места, Бакай-мурза, как польских городов не было. А прихаживали на Свиную дорогу из Бакаева шляху, а Бакаев шлях от Муравского шляху вёрст с 40 к Днепру» [23, с. 102]. Возможно, близ переправы существовало ещё одно древнерусское городище: на плане 1785 года в устье Кобыльского лога отмечен вал кольцеобразной формы, весьма напоминающей типичное «круглое» городище XI–XII веков [72, л. 1; 33]. На месте предполагаемого археологического памятника (примерно в полутора километрах к северо-востоку от Старогородского городища) в настоящее время находятся огороды частных домов города Дмитриева-Льговского.

¹ Уже по данным дозорной книги 1615 года запустевшее сельцо Дмитриевское числилось среди монастырских владений. В 1623 году права монастыря на него были подтверждены.

² Село Дмитровское получило статус деревни после закрытия обветшалой церкви. Разрешение на строительство нового Рождество-Богородицкого храма было получено в 1731 году [84, с. 38].

Александр Кашкин выдвинул предположение о связи названия Липовичск с ручьём Липовый колодезь (Ендовище, Ендовицкий колодезь), на берегах которого расположено село Яндовище (другое название – Верх Липового колодезя), а также с хутором Липки на реке Харасея (ныне – одноимённое урочище в Дмитриевском районе Курской области) [22, с. 55; 26, с. 44; 90, с. 54]. Звучит данная версия неубедительно: расстояние от Старогородского городища до урочища Липки превышает 6 км, а до села Яндовище – 21 км. Оба «опорных» топонима (Липки, Липовый колодезь) вполне могут иметь сравнительно недавнее происхождение. В.А. Кучкин указывал, что *«в Липовичске должны существовать слои второй половины XIII в., и если на древнерусском городище таких слоёв не будет, отождествление последнего с центром Липовичского княжества станет проблематичным. Что касается топонимов и гидронимов, то во внимание должны быть приняты не только современные, но и зафиксированные в письменных источниках более раннего времени. Уверенности, что до настоящего времени кардинально не изменились некоторые древние названия на Лип- (имело место т.н. топонимического разрыва), у нас нет»* [27, с. 41]. Касательно выявления материалов второй половины XIII–XIV веков на Старогородском городище можно лишь посоветовать: его исследование сильно затрудняется наличием действующего кладбища. Маловероятно, однако, чтобы сравнительно неплохо защищённая от степняков территория будущей Сницкой волости совершенно опустела после монгольского нашествия. Известно, например, что в Кармановском лесу (урочище Кармановская Дача), вероятно, входившем в эту волость до конца XVI столетия¹, была найдена колесцовая шпора, датируемая второй половиной XIV – началом XV века [82, с. 128]. Позднесредневековая керамика на правом берегу Свапы обнаруживалась в селе Арбузово и деревне Моисеево [6, с. 176–179].

Рассмотрим также локализацию Липовичска, совсем недавно выдвинутую Евгением Шинаковым [89]. Этот автор отказался от традиционной связи Вороножских лесов, служивших базой князю Святославу Липовичскому, с лесами в бассейне реки Осота². Е.А. Шинаков частично согласился с А.А. Чубуром, решившим, что *«леса могли называться не Вороножскими, а Воронокскими, по реке Воронок в Хомутовском и Рыльском районах современной Курской области. Такая описка – "к" вместо "ж" – вполне могла быть допущена переписчиком, плохо знакомым с удалённой местностью и её топонимикой. При этом привязка названия леса к гидрониму представляется более надёжной, чем привязка к сельскому населённому пункту, нигде более не упоминаемому»* [87, с. 42]. Река Вороновка (Воронок) действительно находится на стыке Рыльского и Хомутовского районов. Расположенная в её верховьях деревня Воронова (Вороновка, Воронок, ныне – Верхний Воронок), согласно выпискам из писцовой книги 1628–1629 годов, относилась к Амонскому стану Рыльского уезда. С нею связаны названия упомянутых в отказной записи от 7 мая 1621 года Вороновского поля и Вороновской дороги, *«что ездят с Вороновки к ц[е]ркви к Пятницы»* [90, с. 21; 60, л. 78; 40, с. 262–263]. Эта местность упоминается в промежутке между 1440 и 1455 годами: по матери-

¹ После постройки «на старом Курском городище» города Курска район будущего села Карманово (вероятно, известного с 1683 года как Сеславль [4, с. 270]) вошёл в состав Усожского стана Курского уезда. Однако расстояние между селом Жидеевка, расположенным к востоку от Кармановского леса, и селом Снижа, бывшим центром Сницкой волости, составляет 19 км. Этого мало, чтобы уверенно отрицать тяготение указанных мест к последнему. К слову, расстояние от Снижи до достоверно входивших в Сницкую волость селища Лубышевки и Волговского городища (ныне – село Лубошево Железногорского района и деревня Городище Дмитриевского [40, с. 267, 269]) превышает 21 км.

² Вороножские леса связываются с расположенным в верховьях этой реки посёлком Воронеж Сумской области, основанным не позднее 1648 года, близ которого выявлен древнерусский курганный могильник [27, с. 42; 25, с. 307; 8, с. 302].

алам входящей в состав Литовской метрики «Книги данин», великий князь литовский Казимир IV Ягеллончик пожаловал «*Ходку Малому у Рыл[ь]ску Березники, а Вороновские земли Ченничо, а человека Юдина*» [30, стб. 49; 12, с. 71–77]. Село под названием Березники существует на правом берегу Сейма и в наше время.

Несмотря на то, что берега Вороновки относятся к зоне серых лесных почв, документальных сведений о лесах в этом районе к настоящему моменту не найдено. Вероятно, именно этот факт побудил Е.А. Шинакова связать гипотетические «Воронокские леса» с рекой Воронок (Ворон), притоком Обесты, и расположенным на Обесте Воронским лесом. В устье Воронка, в 26 км к западу от Рыльска, находится одноимённое село, впервые упомянутое в 1619 году как Ворон. В то время оно относилось к Подпутивльскому стану Новгород-Северского уезда, перешедшего в состав Речи Посполитой по результатам Деулинского перемирия. В 1645 году деревня Воронок¹ вместе со всей местностью, именованной Заклеваньем, была уступлена Московскому государству. При этом Заклевань, ограничивавшееся с северо-запада рекой Клевенью, а с юго-востока – Крупцом и Воронком, было присоединено к Севскому уезду, образовав в его составе Крупецкую волость [25, с.423, 207; 14, с.257, рис.].

Город Липовичск Евгений Шинаков помещает на реку Обесту, где находится небольшое городище с материалами раннего железного века и древнерусского периода, окружённое полукольцевым селищем площадью 3,5 га. Известно, что на селище обнаруживалась керамика XII–XIII веков и позднесредневековая. К юго-востоку от него расположено ещё одно городище с древнерусской керамикой, ныне занятое Георгиевской церковью села Козино и кладбищем [89, с. 12; 7, с. 93, 99]. Как аргумент Е.А. Шинаков использует встречаемость топонимов с основой «лип-» в бассейне Клевени, ссылаясь на опубликованную Григорием Анпиловым путивльскую отдельную книгу 1594 года. В ней фигурируют Липовый (Липицкий) лесок на Мачулинском поле, располагавшемся между рекой Берюшкой (Берюх) и современным селом Новая Слобода Сумской области, бортный ухжей Липицы близ Рыльской дороги и Крутого луга, Липицкие ручей, дорога, луг и лог (верх), а также Нижний Липицкий (Липецкий) лог (верх), локализуемые у нынешнего села Сыромятниково. Там же указываются речка (ручей) Липица у Рожновской дороги, Липецкая дуброва, Нижняя Липицкая верховина. Как видно, похожими, но чуть отличающимися названиями поименованы одни и те же объекты, компактно расположенные между Путивлем и Новой Слободой. Отдельная книга намекает и на происхождение этих «липовых» топонимов, оказывающееся весьма банальным: «*к Липице да через Липецкой ручей, а на ручью липа, а на липе грань*» [5, с. 205, 267, 207, 209–210, 223, 145, 183, 227, 240, 271, 300]. От себя добавим, что в западной части Путивльского уезда находился ещё один Липицкий бортный ухжей, названный так по реке Липке, на которой расположено современное село Подлипное Сумской области. Описание этого ухжя, извлечённое из писцовой книги 20-х годов XVII столетия, приводится в одной из работ Александра Лазаревского [28, с. 183].

На наш взгляд, топонимика мало помогает решению вопроса о местонахождении Липовичска, учитывая, что исследователями рассматриваются практически любые названия с корнями «лип-» и «ворон-». К примеру, не нарушая географических построений Евгения Шинакова, можно попытаться отождествить Липовичск с Колодезским городищем, расположенным на северной окраине села Дроновка Курской области. Оно находится на берегу ручья Колодеж (Колодезь, Колодежка), примерно в 3 км от его впадения в Сейм и в 2 км от обширного лесного урочища Воронское. Колодезское городище, насколько нам известно, не исследовалось археологами. На современных спутниковых снимках видно, что западная

---

¹ В документах 1638–1639 годов она обозначена как деревня Ворон [25, с. 441].

часть городища повреждена мелоразработками. Форма его характерна для «круглых» городищ древнерусского периода. Большую часть площадки городища занимает кладбище. Судя по местоположению, оно охраняло пути от Сейма к верховьям рек Берюшки (Берюх), Волосовицы и Обесты. Второй из этих путей, известный позднее как Рыльская дорога, маркируется урочищами Большие и Малые Проходы. На безусловную связь низовой Колодежки, где находится современное село Ходейково, с Волосовицей указывает существовавший «в Брусках бортной ухажей Ходеновской земли»¹ [59, л. 17 об.–18]. Дорогу от Колодезского городища к Обесте обозначают леса Верхние и Нижние Проходы. В выписке из межевой книги 1628–1629 годов значится «межа пустоши селищу Дронину у Колодезского городища на речке Колодезе, Петрову помещью Щекина, и что дано лишние земли к церкви Николе Чудотворца Колодезского попу Ивану Маслоу, от Рыльские дороги и от Колодезского городища, от гати» [59, л. 50]. В 1678 году упоминается располагавшаяся в устье Колодезя деревня Колодежи, состоявшая в числе вотчинных владений севского Спасо-Преображенского (Новоспасского) монастыря [63, л. 178].

В позднесредневековый период Колодезское городище могло служить центром волости, на территории которой оно находилось. Колодезская волость упоминается в жалованной грамоте, выданной царём Иваном IV новгород-северскому Спасо-Преображенскому монастырю в 1551 году: «в Путимском уезде Колодезская волость по речке по Колодезю на м[о]н[а]стырской земле, со крестьяны и с селищи, и с займищи, и с бортным ухаж[ь]ем, и [со] звериными, с рыбными ловлями, и с бобровыми гоны, со вспуды, с перевес[ь]и, со всякими угод[ь]и; а рубеж той Колодезской волости в круг и длину от ордынского рубежа [...] поперёк от реки от Семи до речки Крупца и до речки Ворона, и до новгородског[о] рубежа, а за рекою за Сем[ь]ю по речку Повлу, по ордынский рубеж, а речкою Сем[ь]ю вверх от ордынског[о] рубежа до золуцког[о] рубежа, по Сухую Каменку, а от устья по Облягли, да коло[де]з[ь] Хитр со озерцы и с истоки; а в том кругу рыбных ловлей: речка Колодез[ь] с устья и до верху, духовая рыба в Преображенский м[о]н[а]стыр[ь] архима[нд]риту с брат[и]ею, да речка Руса от устья до верху во всю волость, по той речке рыбная ловля, да озеро Тихое с истоки и с упальми речками, и с колодези, духовая рыбная ловля; а в той [волости], в Колодезном, шес[т]надцат[ь] озёр с неводовыми тони, а по тем озёрам и по речкам всякие звериные и рыбные ловли, бобровые гоны и вспуды, перевес[ь]и, селищи и починки, пашенная земля и дикое поле, и дубровы, и сенные покосы, пруды, два[д]цат[ь] семь ухаж[ь]ев бортных по знамёнам, селища Онтипы Тухлова да селища на речке Норме, да починок Семёна Дугина, да селища против Перунова городища, да починок над озером над Старичей, да починок Коренской»². В выписке из писцовой книги 1591 года упоминалась «в Путивл[ь]ском уезде

¹ Согласно описанию XVIII века, река Волосовица «вышла из пустошей Брусков». Расположившаяся на этой пустоши деревня Бруски, по тому же описанию, «лежит при вершине речки Волосовицы от большой Рыльской дороги в левой стороне, в одной версте» [70, л. 176, 179]. Западнее Рыльская дорога была перегорожена валом: между сёлами Бруски и Свобода находятся овраги Валы (примыкает к Молченскому болоту) и Большие Валы (впадает в Волосовицу).

² Починок С. Дугина, вероятно, следует связать с современной деревней Дугино Рыльского района, а починок «над озером Старичей» – с селом Марково Глушковского района. Селище «против Перунова городища» соответствует позднейшей «пустоши против села Коренского и Перина городища на речке Рыле», где впоследствии находилась слободка Стремоуховка (Зыковка) [59, л. 50 об.]. Само это городище расположено на северной окраине Коренского (в 1551 году – починок Коренской). Две укрепленные площадки городища окружены селищами XII–XIII и XVI–XVII столетий, одна из них частично занята кладбищем [7, с. 99–100]. Это городище контролировало своеобразные «ворота» на Свиной дороге между Обестой и Рылой, перегороженные валом. На плане генерального межевания данный вал подписан как Казиные Сети, однако в выписке из межевой книги 1628–1629 го-

Сп[ас]ского м[о]н[а]ст[ы]ря, что в Новгородке-Северском за посадом, волостька Колодежская, а в ней двадцать три ухажеев бортовых, да четырнадцат[ь] озёрок, да две трети озера Русы, да из Колодезя исток, да речка Ведба, да речка Тихая; и с тех бортовых ухажеев и с рек, и с озёрок, и с истоку оброк платят в Спас[с]кой м[о]н[а]стыр[ь] архима[нд]риту с брат[и]ею» [74, с. 145–146, 151].

Отдельная книга 1594 года упоминает Колодежскую дорогу, «*которую дорогою в Колодежи ездят*» от реки Лапуги [5, с. 148], из чего следует, что центр соответствующей волости именовался Колодежами. Реального подтверждения его связи с Липовичском нет, равно как и городища на Обесте. К Колодежской волости примыкали соседние: Печерская (на западе), Ордынская (на юге) и Залуцкая (на востоке). Последняя, как следует из названия, находилась в среднем течении Сейма «за лукой». Речь идёт о так называемой Рыльской луке – резком изгибе течения к югу от Рыльска. «За лукой» данная волость могла находиться только по отношению к этому городу, но никак не к Путивлю. По-видимому, изначально она тяготела к Рыльску и перешла под юрисдикцию путивльских наместников только в первой половине XVI века. Это вряд ли случилось до русско-литовской войны 1500–1503 годов, когда великий князь московский Иван III направил «*царя Меагамет-Аминя да Якова Захарыча и с ними воевод своих многих на Литовскую землю, они же <...> привели [к присяге] ...князя Василья, княж Иванова сына Дмитриевича Шемякина, ...а за князем Васильем [Нов]город Северский да Рылеск. И князь великий пожаловал ...князю Василью Путивль да Радогоиц, да Северскую землю*» [47, с. 196]. Передача Залуцкой волости из одного уезда в другой могла состояться либо при князе Василие Шемякине (Шемячиче), управлявшем Рыльском и Путивлем через своих наместников, либо вскоре после его ареста, случившегося в 1523 году, когда административная власть в этих городах перешла в ведение наместников великого князя. В 1551 году Залуцкая волость уже подчинялась путивльским властям. Если бы Колодежская и Залуцкая волости относились к разным уездам, то в тексте жалованной грамоты рубеж, скорее всего, именовался бы «рыльским», а не «залуцким». Так, северная граница Колодежской волости очерчивается «до новгородского рубежа», без указания названия смежной волости.

Если Залуцкая волость до XVI столетия тяготела к Рыльску в полном составе, то о Колодежской сказать этого нельзя. Располагавшееся в её северо-восточной части Перуново (Перино) городище очевидным образом прикрывало именно Рыльск, будучи фронтально обращённым на запад, к Свиной дороге¹. Точное местоположение Корыжского городища к

дов значатся «*от реки Обесты вал и казиные сети*» [79; 59, л. 49 об.]. На юг от этой точки шёл путь к перевозу через Сейм, известный как Корыжская дорога. Переправа чётко локализуется между современных сёл Самарка и Лециновка: в межевой книге описывается пустошь «*верх речки Рылы и на Крутом логу, да на реке Семе усть озера Хитра, на Меловом логу у креста на Корыжском перевозе*» [57, л. 518; 59, л. 51]. В другой межевой выписке указывается, что дуброва Пески, располагавшаяся «*за рекою Семью ...на речке Ведьбе*», простиралась «*к Корыжскому городищу*». Вероятно, именно на этом городище в XVI столетии стояла «*сторо́жа на Корыже, от Рыл[ь]ска сорок вёрст, а сторожа́м на ней стояти из Рыл[ь]ска двум человекам, а из Путивля в прибавку двум же человекам, которые стерегли на Колодезе, а беречи им на перевозе*» [59, л. 49; 2, с. 9]. Пустошь Корыжское Городище «*на речке на Семи, по стороне дубровы Пешиов*», упоминалась в земельных актах 1690 и 1784 годов [9, стб. 553, 555].

¹ Ориентируясь на «Книгу Большому чертежу», начало Свиной дороги традиционно помещают у Рыльска. Между тем она упоминается в XVIII столетии как проходящая через Путивльский уезд: по описанию 1784 года, хутор Кобыляков (ныне часть села Мазевка) «*лежит между логов Яблонова и Долгова, от уездной дороги, называемой Свиной, в левой стороне в полуверсте*». Один из окрестных хуторов располагался «*на Долгом логу, от уездной дороги, называемой Свиной, в левой стороне в одной версте*» [70, л. 200 об., 235]. По-видимому, Свиная дорога

настоящему моменту не установлено. Одним из вариантов его локализации (несколько противоречивым) является городище у села Лещиновка Курской области (в бывшей Залуцкой волости) со скифоидными, роменскими и древнерусскими материалами, близ которого известны два древнерусских селища [6, с. 161–162]. По мнению Владимира Енукова, именно оно контролировало Корыжский перевоз, прикрывая дорогу на Рыльск, и маркировало собой путивльский рубеж Курского Посемья. В отличие от Перунова и Корыжского, Колодезское городище входило в «гнездо» из четырёх укрепленных пунктов, сгруппированных вокруг Бунякаина перевоза¹, который *«открывал со стороны водораздела Сейма и Псла, где проходил древний кочевнический шлях ("ворота поля" "Слова о полку Игореве"), прямую дорогу на Путивль»* [16, с. 9–10]. Создается впечатление, будто Колодежская волость сформировалась как некая «буферная зона» между Рыльском и Путивлем, и только со временем была по настоящему инкорпорирована в число подчиненных последнему территорий. При этом переход Перунова городища на реке Рыло под путивльскую юрисдикцию стал важным знаком мощи этого города. Шутка ли – западная граница рыльских владений стала проходить всего в 11 км от самого Рыльска!

Мы видим, что в позднем Средневековье Рыльск и Путивль вели между собой борьбу за ключевые позиции в Среднем Посемье: именно так логичнее всего объяснить переход волостных территорий от одного города к другому. Корни их соперничества следует искать ещё в XII веке, а именно в борьбе Черниговского и Переяславского княжеств за обладание Посемьем. Положение Рыльска в продолжившемся соревновании косвенно отражено и в летописном рассказе про баскака Ахмата. По мнению В.А. Кучкина, во второй половине XIII столетия *«значение самого Рыльска, бывшего в течение нескольких десятилетий стольным городом, в системе Рыльского княжества упало. Вторым центром стал Воргол, что может свидетельствовать как об опережающем росте в татарскую пору городов, ранее даже не упоминавшихся в источниках, так и об общем истощении княжества, в котором прежний центр не мог играть доминирующей роли и возникали предпосылки нового экономического и политического дробления»* [27, с. 49]. Позволим себе не согласиться с подобной оценкой. Так как классическая локализация Воргола близ впадения в Клевень одноименной реки продолжает оставаться наиболее сильной², возникает вопрос: почему этот город вообще

шла от Путивля на северо-восток по междуречью Сейма и Клевени, обходя их притоки. Западный отрезок дороги отмечает раскинувшееся по обеим её сторонам *«Мачулинское дикое поле»* [66, л. 22; 67, л. 104–105 об.].

¹ К бунякаинскому «гнезду», помимо Колодезского, мы относим городища у сёл Бунякаино и Горки, а также на хуторе Отруба. Важный момент: лишь одно Колодезское городище находилось на территории позднейшей Колодежской волости.

² Попытки поместить Воргол на территорию позднейших Львовского и Дмитриевского уездов или увязать его с Емадыкинским городищем на Лапуге, известным в XVI–XVII столетиях как Безымянное [13, с. 69–70; 37; 5, с. 196–201; 59, л. 47 об.], не проходят «бритву Оккама». На каком основании отмечается связь города с рекой Ворголка (Воргол, Ворглец, Варгов), носящей уникальное для этой местности название (единственная река – «близнец» Воргола находится более чем в 300 км от исследуемой нами зоны), если в её низовьях налицо целых пять древнерусских городищ? Керамика XII–XIII столетий обнаружена минимум в десятке мест, в том числе в урочищах Вишнёвые Горы, Борок, Городок и Церквище, а также на городище, занимаемом ныне Петропавловской церковью села Литвиновичи [20, с. 602–603, 632–633, 524, 630; 83, с. 60–62]. Почему Емадыкинское городище, площадь которого вкупе с укрепленным посадом достигает 5 га, соотносится именно с Ворголом, а не, например, Липовичском, также располагавшимся в бассейне Сейма? Можно утверждать одно: будучи обращенным фронтом к северу, Емадыкинское (Безымянное) городище являлось стратегически важным пунктом, прикрывавшим с этой стороны район междуречья Лапуги и Берюшки, а может быть, и всю Нижнюю Клевень. В этом отношении оно четко противостоит городищам на реке Обесте, по всей видимости, относящимся к региону Верхней Клевени, центром которого служит городище «Звенигородок» (возможно, летописный Звенигород [38]).

входил в состав политического образования с центром в Рыльске, а не в расположенном вчетверо ближе Путивле?¹ На наш взгляд, причина заключается во всё той же борьбе между Путивлем и Рыльском за влияние в регионе. Явно связанный с Путивлем географически и экономически Воргол в какой-то момент перешёл в состав Рыльского удельного княжения, что сузило путивльские владения на правом берегу Сейма практически до размеров полосы 50×20 км. Двойное титулование «князя Рыльского и Воргольского» не несло в себе намёка на раздробление территории княжения, а скорее наоборот, служило показателем высокого статуса князя и соответствующего уровня его политических притязаний.

Сложившаяся после присоединения Воргола рыльско-путивльская граница маркируется двумя противопоставленными друг другу городищами, расположенными на реке Берюшке в селе Уцково. Первое из них (характерной «круглой» формы), обращённое фронтом к юго-востоку и, следовательно, защищавшее междуречье Берюха (Берюшки), Клевени и Лапуги, значилось в отдельной книге 1594 года как Юрьево. Совершенно непонятно, почему Евгений Осадчий отождествляет его с упомянутым в том же документе Сторожевым курганом. Там указано, что Сторожевой курган (вероятно, связанный с Розсоховской сторожей всё той же отдельной книги) располагался где-то близ речки Мочулищи и Крутого луга, следовательно, его имеет смысл искать южнее современного села Мазевка. Как верно заметил Андрей Словохотов, Юрьево городище отмечено на плане генерального межевания 80-х годов XVIII века. Оно находилось между деревнями Мужецкий Починок (Уцкая) и Шошиной. Что касается второго городища, то оно известно как Девичье: источники XVII–XVIII столетий упоминают современное село Уцково как деревню Девичье Городище или «у Девичья городища». В настоящее время площадка городища занята кладбищем. На основании трапециевидной формы укрепления Е.Н. Осадчий отнёс его возведение к XVII веку, однако при этом, судя по всему, им даже не был проведён сбор подъёмного материала [5, с. 136–156, 160–190, 220–221, 239, 255, 272, 274–275, 282–283, 266, 268, 205; 36, с. 114–115; 80; 59, л. 12 об., 43 об.; 71, л. 59, 60 об.]. Путивльская писцовая книга того времени обозначает его именно как городище, а не как действующий сторожевой острожек, да и в росписях сторож XVI–XVII веков пункт на реке Берюх не упоминается. Геометрически правильную форму могли иметь и древнерусские крепости [53, с. 39]. За примерами далеко ходить не надо – весьма близкими к трапеции контурами обладает детинец Перунова городища в селе Коренское, а основная площадка Сосницкого (Соницкого) городища на реке Амонь, отмеченного на карте Рыльского уезда 20-х годов XVIII столетия как Соченецкое («*Sotchenetskoye*») и относящегося к XII–XVI векам, имеет подпрямоугольную форму [7, с. 99, 93–94; 56, л. 457–457 об., 57, л. 523 об.; 92].

По прошествии времени Нижняя Клевень и часть Нижнего Посемья (практически до современного города Батулин) вновь оказываются под юрисдикцией путивльских властей, что на этот раз подтверждается актовым материалом. В XV веке к Путивлю тяготела Меленская волость с центром в селе Мельня (Мелин), расположенным в 35 км к юго-западу от устья Клевени² [75, с. 370]. Впоследствии она перешла в Новгород-Северский уезд, образовав Подпутивльский (Подклевенский) стан в его составе³. К Меленской волости, несомнен-

¹ Расстояние от городища на Вишнёвых горах до рыльского детинца составляет 68 км, тогда как до путивльского – всего 16.

² Борис Рыбаков связывал Мельню с Омельником из «Списка русских городов дальних и ближних» [76, с. 569].

³ Вопрос о возможной принадлежности к Меленской волости упомянутого в 40-х годах XV века Глухова, отнесённого позже к Подпутивльскому стану, требует специального исследования. К настоящему времени ответ на него скорее отрицательный. Вместе с Глуховом в Литовской метрике упоминается «село Горбавцов» (ныне – Горбово), входившее затем в состав Окологородного стана Новгород-Северского уезда и, безусловно, к Мельне нико-

но, относился и район бывшего города Воргол. Её восточная граница, по-видимому, соответствует позднему путивльско-новгородскому рубежу, проходившему по реке Клевень (за исключением нескольких выступов, как с путивльской, так и с новгородской стороны) и подробно описанному письменными источниками [25, с. 199–202]. Изобилующее топонимами описание низовий Клевени представлено в отказной записи от 15 июня 1634 года, составленной во время Смоленской войны, вскоре после возвращения Новгород-Северского уезда к Московскому государству [40, с. 277–281]. Судя по этим материалам, к Меленской волости изначально относились обозначенные в межевых документах 1784 года «*Новосильские бортные ухажие, Звеновы тож*», на Жиленском болоте, на территории которых находился хутор Новосильский (Литвиново Звено, ныне – урочище Коржова) [66, л. 24].

Мы приходим к выводу, что Воргол, в отличие от Липовичска, никогда не был столицей самостоятельного удела, а представлял собой центр некоего района (условно назовём его волостью), контролируемого то одним, то другим княжением, и представлявшего собой полосу земли, вытянутую более чем на 80 км с северо-востока на юго-запад. К гипотетической «Воргольской волости» относились земли в нижнем течении Клевени, на правом берегу реки Берюх (Берюшки) и в верховьях Лапуги, а также по берегам Сейма от озера Хоцево до окрестностей Батурина. Ключевой позицией на пути к овладению этой полосой было Колодезское городище, открывавшее дорогу к Берюху. Поскольку берега Берюха и Лапуги в XVI–XVII веках относились к Подгородному стану («исконной» путивльской территории) и Печерской волости Путивльского уезда¹, то они перешли под непосредственное управление путивлян ещё до окончательного упадка Воргола или же сразу после него. Это событие имеет смысл связать не с непосредственным разорением Воргола силами беклярибека Ногая, а с последующим периодом, в ходе которого не затронутый военными действиями Путивль (напомним, что в летописном рассказе о баскаке Ахмате этот город вообще не упомянут) стал подчинять себе территории ослабевших соседей. После запустения города Воргола на историческую сцену выступает село Мельня, объединившее вокруг себя западную часть владений последнего.

При основательном изучении исторической географии района, зажатого между Рыльском и Путивлем, выясняется, что для Липовичского удела здесь просто нет места: «Воргольская волость» на Нижней Клевени переходила от Путивля к Рыльску и обратно, будущая Колодезская волость представляла собой слабозаселённое ополье², по которому пролегалась используемая в военных целях Свиная дорога, а район Нижней Обесты (будущая Крупецкая волость) и Верхней Клевени тяготел к городищу «Звенигородок» и вместе с ним, скорее всего, к Глухову. Землям удельного стола должна соответствовать территория, автономность которой была бы видна по самой структуре расселения и обороны. Этому критерию не отвечает район Липинского археологического комплекса, по-видимому, тяготевший к Курску:

гда не тяготевшее [30, стб. 108; 25, с. 423]. Отсюда следует, что границы Подпутивльского стана не вполне совпадали с рубежами предшествующей ему Меленской волости.

¹ На этой территории существовали анклавы других волостей. Поместный бортный ухажей «на речке на Берюхе да на речке на Лапуге», по данным отдельной книги 1594 года, числился за Гавриилом Остаповичем Щетининым и был приписан к Ордынской волости. Там же указывается, что «Гаврила взял за себя тое ж ухажья бортного отскок за Рыльскою дорогою, лесок Мецен» [5, с. 133–134]. Лес Мецен («Меция») близ села Бунякино, упомянутый в межевых документах XVIII–XIX веков, известен с XV столетия: в то время он входил в число земель «служ ордынских путивлевцов» [66, л. 22 об.; 67, л. 104; 3, с. 386].

² Об этом свидетельствует и топонимия: обширная местность в междуречье Рыла, Обесты, Крупца и Амони, на стыке Путивльского и Рыльского уездов, в XVII–XIX столетиях именовалась Володиным полем [59, л. 22, 51; 60, л. 70; 56, л. 452, 454 об., 455 об., 456 об.; 57, л. 523–523 об.; 66, л. 7; 68, л. 5 об.–6, 32; 69, л. 15 об.].

расположенное в 18 км к западу от него городище в урочище Курган близ села Дроняево упоминалось в 1487 году как Курское «на усть Ревута реки» [39, с. 58]. По одной из гипотез, оно представляет собой «следы загородной резиденции курского князя или наместника». Согласно А.А. Чубуру, реальное имя этого частновладельческого сельца-замка было «утрачено уже к XV в., хотя связь его с курским князем или наместником, скорее всего, ещё не забылась – отсюда, вероятно, вытекает и название "Курское городище", вводившее историков в заблуждение» [85, с. 71–72]. Маловероятно, чтобы нарезка княжеских уделов происходила столь чересполосно, что и с востока, и с запада Липовичск оказывался окружённым территориями, подчинёнными непосредственно Курску. Даже если отбросить вполне жизнеспособную версию о владельческом сельце в Дроняево, само название Курского городища, без сомнений, остаётся как-то связанным с этим городом.

Городище у села Дроняево могло маркировать собой западную границу Курского княжения в узком смысле (исключая Рылский и Липовичский уделы). За ним начиналась уже Городенская волость, тяготевавшая к Рылску¹. Описание этой местности мы встречаем в отдельной выписи 1621 года, согласно которой рылский городской приказчик Иван Ломакин «отделил Ивану Денисеву в Рыл[ь]ском уезде, в Городенской в[о]л[о]сти, Ивановское поместье Федосова, помес[т]ный бортной ухажей ...судерев с Жеденом Кунцовым да сы Иваном Дариным по Прут реку и по Сухоблюд, и по речки по Д[е]р[е]вни, вверх по Деревне и вниз по речке по Локне, с рыбной и звериной ловлею и с бобровыми береги». Ещё одно описание мы находим в отказной записи от 11 января 1628 года, где упоминается значительный ряд местных топонимов: «в Городенской в[о]л[о]сти к речке к Кобылице на Рус[с]кой стороне пустош[ь] усадища Кортешевская по обе стороны речки Кобылицы, от реки от Семи вверх по Коболицы и к реке к Семи у Городенского городища и к речке к Горородне по обе стороны, и к речке к Речицы, и к речке к Пруту, от Прута к Олговскому бору, от Олговского бора к реке к Семи, вверх по реке по Семи по Речицу»; «усадища возле Семской луг» с крестьянами, бортный ухажей, выделенный Л.С. Макареву из поместных владений И.П. Дарина, «да к тому ухаж[ь]ю бортному на Зарецкой стороне сети козиные ...и звериные стойла, и рыбная ловля, и бобровые гоны, вспуды и перевеси, и всякие угод[ь]я с волощаны в ряд Городенской в[о]л[о]сти» [40, с. 269, 272]. Межевая книга 1628–1629 годов описывает границы входившей в эту волость «пустоши на речке на Семи да на озерке Осотном меж речек Реута и Пены» [56, л. 463 об.–464]. В выписке из рылской писцовой книги того же времени значатся «в Городенской волости ...пустоши на реке на Семи, Куртовское городище», владельцем которых являлся Дмитриевский Льговский монастырь, располагавшийся «на реке на Семи выше Льгова перевозу». Очевидно, Куртовское городище и было местом размещения монастыря. Ему соответствует городище «Слободка», где обнаруживается керамика раннего железного века и XVI–XVII столетий. Согласно позднейшим документам, монастырю также принадлежали деревни Марица (возникшая как «починок на Льгове перевозе») и Телятниково [61, л. 106; 54; 7, с. 19–20].

¹ Структура административно-территориального деления Рылского уезда в XVII веке сильно отличалась от той, что была в соседних уездах. По документам чётко фиксируется два «слоя». Один из них подразумевает искусственное разделение на три стана: Подгородный, Амонский и Свапский. В свою очередь, структура уезда, сложившаяся ещё в Средневековье, включала в себя деление на волости (Рылскую, Вогрицкую, Сницкую, Косожскую и Городенскую), внутри которых выделялись гнёзда – Амонское, Березницкое, Язское, Закрепенское, Копыстицкое, Бупелское и, возможно, другие. Вопрос выявления преемственности волостей, гнёзд и станов относительно друг друга, уточнение их происхождения и границ, безусловно, заслуживает специального исследования. Укажем лишь, что рылские волости, по-видимому, представляли собой пережиток старого общинного деления, постепенно ликвидируемый в ходе раздачи поместий.

Характерные «льговские» топонимы, очевидно, связаны с летописным городом Ольгов, отождествляемым рядом исследователей с Люшинским археологическим комплексом [81]. Этот город опустел к началу XV века, однако его название в искажённом виде перешло к монастырю, построенному более чем через сто лет на соседнем городище. Вероятно, ещё тогда при монастыре возникло селение, которое под именем Льгов («*Ligou*») упоминает голландский купец Исаак Масса, перечисляя города, охваченные восстанием Болотникова в 1607 году [31, с. 168]. По всей видимости, в период Смуты оно было разорено, так как в 1646 году значится лишь как «*деревня Лгово*» с пустошами [62, л. 130 об.–131]. 23 мая 1779 года указом императрицы Екатерины II «*урочище бывшего монастыря Льгова с[о] слободкою при оном монастыре, называемой Подмонастырною*», получило статус уездного города [41, с. 826]. По плану, утверждённому 16 января 1784 года, город Льгов был перенесён на современное место [73, л. 1], после чего утратившая административный статус слободка стала именоваться Подгородной (ныне – село Пригородная Слободка).

Название села Городенск, отождествляемого нами с «усадищем возле Семского луга» и известного в XVII–XVIII веках как Кобылицы, происходит от Городенского городища – небольшого укрепления, относящегося к Люшинскому археологическому комплексу. Его окружает позднесредневековое селище [61, л. 89 об., 90 об., 106; 65, л. 10; 7, с. 13–14]. Учитывая название Городенской волости, можно предположить, что именно к этому пункту перешли административные функции опустевшего Ольгова. Эта гипотеза нуждается, конечно, в археологическом подтверждении. Не исключено, что первоначально Городенским городищем именовался сам ольговский детинец, на что намекает его расположение в устье высохшей речки Городни (Городенки). Вопреки указанию Сергея Коткова на строчку «*трубы трубят городеньские*» в «Слове о полку Игореве» [24, с. 70], подобные топонимы (Городец, Городище, Городок, Городное и т.п.) являются абсолютно стандартными и встречаются на всей территории Древней Руси. Так вполне могли выделяться либо столь незначительные укрепленные поселения, что у них даже не появлялось оригинального названия, либо же наоборот, такие, которым в силу географического контекста другое именование и не требовалось (впрочем, в этом случае к ним часто добавлялись отличительные эпитеты – Городцы Остёрский и Мещёрский, множество Новгородов). Шаблонными названиями (Городец, Городок, Курган) часто обладали и городища, первоначальные имена которых оказались напрочь забыты.

Два одноимённых Льгова перевоза маркировали собой дорогу (назовём её условно «Ольговской»), которая могла вести к гипотетической переправе через Свапу. Это предположение основывается на датированной 11 января 1626 года отказной записи, где значится «*пустош[ь] в Снитцкой в[о]л[о]сти за рекою за Берёзою, усадище пустое к реке к Свапе у Волговског[о] городища*» [40, с. 269]. В межевой книге это городище обозначено как Лговское, а на позднейших картах рядом с ним отмечена деревня Льгово (Логово) Городище. Расположенные в ней следы укреплений (урочище Курган) относятся только к юхновской культуре раннего железного века, но всего в 5 км ниже по течению Свапы, в деревне Моисеево, локализуется Взмутное городище с материалами роменской и древнерусской археологических культур, а также периода позднего Средневековья. По соседству со Взмутным городищем располагалась известная из межевых документов XVIII столетия пустошь Снитцкая Волость, именуемая также Диким Полем [56, л. 462; 58, л. 584 об.; 6, с. 176–179; 64, л. 25 об.]. На существование переправы в этом районе намекает и название урочища Гостиные Горы к востоку от деревни Белые Берега на Свапе, которое может быть связано с прохождением старинного торгового пути – «гостинца». Карта 300-летней давности почему-то помещает

Гостиные («*Gostinia*») горы севернее, в местность, противолежащую деревням Злыдино и Арбузово¹ [92].

Вернёмся к теме летописного Липовичска. Несмотря на отсутствие «липовой» топонимии, единственным подходящим кандидатом на роль удельного города оказывается Старогородское городище в Дмитриевском районе. В связи с этим позволим себе процитировать Е.А. Шинакова, указывающего, что «*татары опустошали окрестности Воргола и Рыльска, о Липовичске в этой связи не упоминается*». Сообщение о разорении его округа «Ахматовыми людьми» исследователь относит к «*поздней и компилятивной летописи, на географические "ляпы" которой уже обращали внимание*». Служившие базой липовичскому князю Вороножские леса могли находиться в отдалении от центра его владений (а, может быть, даже и на чужой территории), так как о бегстве в них горожан ничего не известно. Евгений Шинаков пишет: «*Дело было зимой, и большой массе населения в лесу было трудно и укрыться, и прожить даже несколько дней. А вот небольшая княжеская дружина могла это сделать вполне реально, расположившись в одном из подгородных лесов на охотничьей заимке*» [89, с. 11–12]. Наиболее подходящей оказывается всё же предложенная А.А. Чубуром локализация этих лесов на реке Вороновка к северу от Рыльска. Отсюда следует, что Липовичск вполне мог находиться в глубине лесных территорий, на значительном расстоянии от Рыльска и Воргола.

Рыльско-липовичская граница, по всей видимости, соответствует позднему рубежу Рыльской и Сницкой волостей. К сожалению, источников, помогающих установить егохождение, к данному моменту изучено мало, однако известно, что граница Амонского и Свапского станов (вероятно, частично совпадавшая с рыльско-сницкой) проходила у современного села Мухино Хомутовского района и тянулась далее на северо-запад. В окрестностях Мухино находятся два древнерусских городища, контролировавших устье Свапы. На одном из них, расположенном в селе Луговое, найдена и позднесредневековая керамика [7, с. 164–166]. Правдоподобность наших построений обосновывается ещё и тем, что расстояние между городищем в урочище Пристенъ (Курганье) близ Мухино и Взмутным городищем в деревне Моисеево составляет почти 19 км по прямой. Этот промежуток, очевидно, представлял собой «буферную» полосу между Рыльским и Липовичским уделами². Для сравнения, аналогичная полоса между Путивльским и Рыльским княжениями в некоторых местах была уже: так, промежуток между путивльским Колодезским городищем и рыльским городищем в Лещиновке не достигает и 16 км. В географическом положении свапской группы городищ видна такая степень автономности, которая только и может соответствовать искомому удельному княжению.

Автор настоящей работы принципиально не ставил перед собой задачу локализации «Ахматовых слобод», соглашаясь с Алексеем Зайцевым, считавшим доводы археологов недостаточными для подобных построений, «*т.к. вся аргументация сводится к наличию довольно большого количества золотоордынских материалов в культурном слое*». Между тем «*слобода же могла быть заселена почти полностью русскими, как и свидетельствует ле-*

---

¹ Если на городище в селе Арбузово была обнаружена древнерусская керамика, то фигурирующее в документах 1628–1629 годов Злыдино городище археологами не обследовалось [6, с. 176; 61, л. 99 об.; 56, л. 464 об.].

² В означенном промежутке находятся три городища (в селе Голубовка, деревне Шатуновка и посёлке Красный Курган), на которых, однако, обнаружены лишь роменские материалы [7, с. 163–164, 167]. Судя по географическому положению, городища у Голубовки и Шатуновки в своё время контролировали переправу через Свапу, известную в XIX столетии как Боков перевоз. По-видимому, в древнерусский период эти места не заселялись специально, что подтверждает нашу гипотезу о существовании «буферной» полосы.

тописный текст» [18, с. 213]. Уверенно отождествить «Ахматовы слободы» с позднейшей Ордынской волостью Путивльского уезда, как предлагал Владимир Загоровский, также нельзя. Более вероятно происхождение этой волости от земельной корпорации «слуг ордынских», которые отправлялись «на дорожную сторожу при послах и гонцах, ездивших в орду татарскую и обратно» [17, с. 16; 29, с. 285]. Несколько проще обстоит дело с селом Туровом, также известным из летописного рассказа о баскаке Ахмате. Версия о его связи с селищами в урочище Туре близ села Хижки Сумской области (на юге гипотетической «Воргольской волости»), датируемыми XII–XIV веками [83, с. 65], наталкивается на возражение Владимира Кучкина: «Ахмат хотел ещё больше запугать жителей русских княжеств демонстрацией отрезанных боярских голов и рук и двинулся от пограничного Воргола в центр владений своих врагов, но затея сорвалась, ужасать стало некого. Тогда от Турова татары "поидоша прочь", т.е., скорее всего, в свои кочевья». В.А. Кучкин отказался также от локализации Турова на реке Туровке к западу от Обояни, где известна одноимённая деревня, и связал это село с притоком Клевени Турочкой (Туркой) [27, с. 42–43], неподалёку от истоков которого располагаются сёла Первая Турка (Знаменское) и Вторая Турка¹. Принимаем этот вариант как наиболее реалистичный: сходные по названию с Туровом деревни Верхняя и Нижняя Туранка (вторая из них в XVIII столетии была известна как «сельцо с деревней» Туранское) не упоминаются в источниках первой трети XVII века. Название деревни Тураево (Тураевка, Турево) на реке Амони, вблизи которой находились «Тураева и Шарина пустоша, что были деревни», происходит от фамилии сына боярского Тураева и также не подходит для отождествления [68, л. 37 об.–38; 56, л. 457 об.].

Что же касается селищ к югу от села Хижки («Хижки–1», «Духановка–2»), то, на наш взгляд, они (или какие-то соседние, ещё не выявленные) могли упоминаться в датированном 20 августа 1482 года пожаловании как сельцо Столпата: «Казимир Божою милостию. Наместнику путивл[ь]скому, пану Роману Ивановичу. Что перво сего дали были есмо князю Роману Волконскому сел[ь]ца, на имя Гончар а Столпату, и тыми разы приехавши к нам Воропаева брат[ь]я Кусипан а Миша, и просили у нас тыих селец, рекучи: брат наш Воронай тыи сел[ь]ца держал; и мы тые сел[ь]ца, Горнчар а Столпату, дали-таки князю Роману Волконскому со всем, что к тым сел[ь]цам прислушает, как и перво сего были есмо ему дали, как Воронай держал» [1, с. 18]. В пойме Сейма близ Духановки, к востоку от озера Щемля, находились упомянутые в межевых документах 1784 года «Столпатовские бортные ухожьи», названные по Столпатову озеру (Столпатовец). В центре ухожьев, у леса, располагался «скотной хутор Литвинова» (ныне – урочище Оборок) [66, л. 39 об.; 71, л. 58 об.].

Подведём итоги. Несмотря на то, что западная часть Курской области остаётся сравнительно слабоизученной в археологическом отношении, объём собранных к настоящему моменту данных позволяет с высокой степенью достоверности локализовать многие летописные топонимы этого региона. Неоценимую помощь в подобного рода исследованиях могут дать письменные источники XV–XVII столетий и даже более поздние. Автор настоящей работы надеется, что ему удалось показать важность комплексного изучения такого рода источников для географических построений, касающихся древнерусской эпохи.

Библиографический список

1. Акты Литовской метрики / сост. Ф.И. Леонтович. – Т. 1. – Вып. 1. – Варшава, 1896.
2. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / под ред. Н.А. Попова. – Т. I. – Спб, 1890.

¹ Вероятно, именно будущее село Знаменское значится в межевой книге 1628–1629 годов как деревня Турка [56, л. 452].

3. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). Шестая книга записей Литовской метрики / сост., коммент., вспом. указ.: М.Е. Бычкова (отв. сост.), О.И. Хоруженко, А.В. Виноградов; отв. ред. С.М. Каштанов. – М.–СПб.: Нестор-История, 2012. – 664 с.
4. Александров Г., Сургучев С. История селений Железногорья. – Т. I. – Кн. 1. – Железногорск, 2014. – 648 с.
5. Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. – М.: Изд-во МГУ, 1967.
6. Археологическая карта России: Курская область / авт.-сост. А.В. Кашкин. – Ч. 1. – М.: ИА РАН, 1998. – 304 с.
7. Археологическая карта России: Курская область / авт.-сост. А.В. Кашкин. – Ч. 2. – М.: ИА РАН, 2000. – 240 с.
8. Археологічні пам'ятки Української РСР (короткий список) / відп. ред. Д.Я. Телегін. – Київ: Наукова думка, 1966.
9. Архив Государственного Совета. – Т. 4. Журналы по делам департамента гражданских и духовных дел. – Ч. IV. – СПб, 1897.
10. Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
11. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. – 2-е изд. – Варшава, 1885.
12. Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник. – Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
13. Бунин А.И. Где находились города Липецк и Воргол, а также и другие места, упоминаемые в летописях под 1283–1284 гг.? // Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. – Т. 2. – М., 1902. – Ч. II. – С. 66–71.
14. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). – М.: Наука, 1977.
15. Город Курск и уезд Севской провинции Белогородской губернии / сост. И. Кириллов, грав. А. Зубов. – URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Курский_уезд.jpg
16. Енуков В.В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. – Вып. 6. – М.: УРСС, 2002. – С. 3–46.
17. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 272 с.
18. Зайцев А.К. Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283–1284 гг.? // Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. – М.: Квадрига, 2009. – С. 206–216.
19. Звагельський В.Б. Про забуту середньовічну дорогу з Посейм'я у Подонцов'я // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вип. 13. – Харків, 2010. – С. 82–90.
20. Звід пам'яток історії та культури України: Сумська область / гол. ред. В. Смолій. Київ, 2017.
21. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – Отд. III. – М., 1857.
22. Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. – Липецк, 1996. – С. 52–59.
23. Книга Большому чертежу / подгот. и ред. К.Н. Сербиной. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
24. Котков С.И. Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Т. XVII. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 65–74.
25. Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). – Київ: Темпора, 2006. – 496 с.
26. Курская губерния. Список населённых мест по сведениям 1862 года / старш. ред. А. Артемьев / Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. XX. – СПб, 1868.

27. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. – Вып. 1. – М.: Российское университетское издательство, 1996. – С. 5–57.
28. Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. – Т. 2. – Киев, 1893.
29. Леонтович Ф.И. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. – Вып. 1. – Спб, 1897.
30. Литовская метрика. – Отд. 1. – Ч. 1. Книги записей. – Т. 1 / Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссиею. Т. XXVII. – Спб, 1910.
31. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер. А. Морозова. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937.
32. Моргунов Ю.Ю. Летописный город Попаш // Советская археология. – 1985. – №1. – С. 241–249.
33. Моргунов Ю.Ю. Круглые городища Левобережья Днепра // Советская археология. – 1986. – №2. – С. 110–121.
34. Моргунов Ю.Ю. Сложение Посульского рубежа Переяславской земли // Краткие сообщения института археологии. – Вып. 241. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 284–297.
35. Оглоблин Н.Н. Обзорение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного Приказа. М., 1884.
36. Осадчий Є.М. Городища округи Путивля першої половини XVII ст. // Праці Центру пам'яткознавства. – Вип. 26. – Київ, 2014. – С. 111–118.
37. Осадчий Е.Н. Село Емадыкино в XII–XVII веках // *Gardarika*. – 2019. – № 6(1). – Р. 13–20.
38. Осадчий Е.Н. Летописный город Звенигород-Северский // *Filo Ariadne*. – 2020. – №4. – С. 73–84.
39. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными / под ред. Г.Ф. Карпова / Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. – Спб, 1884.
40. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / подгот. С.И. Котков, Н.И. Коткова. М.: Наука, 1977.
41. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. XX. – Спб, 1830.
42. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. I. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. – 2-е изд. – Вып. 2. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
43. ПСРЛ. – Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – Спб, 1856.
44. ПСРЛ. – Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Спб, 1885.
45. ПСРЛ. – Т. XVIII. Симеоновская летопись. – Спб, 1913.
46. ПСРЛ. – Т. XX. – 1-я пол. Львовская летопись. Часть первая. – Спб, 1910.
47. ПСРЛ. – Т. XXIII. Ермолинская летопись. – Спб, 1910.
48. ПСРЛ. – Т. XXIV. Типографская летопись. – Пг, 1921.
49. ПСРЛ. – Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
50. ПСРЛ. – Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
51. ПСРЛ. – Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская Вторая (Архивская) летопись. – М.: Наука, 1965.
52. ПСРЛ. – Т. XXXIV. Постниковский, Пискарёвский, Московский и Бельский летописцы. – М.: Наука, 1978.
53. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. V / Материалы и исследования по археологии СССР. №52. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
54. РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. №10441/5. Выпись из писцовых и переписных книг Рыльского уезда Дмитровского монастыря строителю Боголепу с братиею на вотчину того ж уезда в Свапском стану.
55. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10555. Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах Подгородном, Омонском и Свапском письма и межеванья писцов Петра Ивановича Мусорского и подьячего Гаврилы Фёдорова.
56. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 16. Л. 449–464 об. [Реестр межевым книгам] по городу Рыльску.

57. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 16. Л. 501–529. Реестр книг писцовой и межевой письма и межеванья Петра Елагина да подьячего Василья Порецкого 202 и 203 годов, в коей явствуеет, за каким именно владельцем какие сёла, деревни, селищи, починки, пожни, погосты, займищи и прочее [состояли].
58. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 16. Л. 530–586. Реестр имеющейся в 1-м отделении по городу Рыльску 7207/1699 года писцовой книге.
59. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 54. Л. 2–52. Реестр III-го отделения Московского архива Министерства Юстиции писцовым и межев[ым] кн[игам] по городу Путивлю 136 и 137 г.
60. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 54. Л. 53–80. Реестр III-го отделения Московского архива Министерства Юстиции писцовым книгам по городу Рыльску 136 и 137 годов полов[ины] 1-й.
61. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 54. Л. 81–107 об. Реестр III-го отделения Московского архива Министерства Юстиции писцовым книгам по городу Рыльску 136 и 137 годов половины 2-й.
62. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 54. Л. 108–131 об. Реестр имеющейся в 3-м отделении по городу Путивлю [и Рыльску] 7154/1646 года перепис[ной] книге.
63. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 54. Л. 139–182. Реестр по городу Рыльску [и Путивлю] переписной 186 года книги переписи Афанасья Шишкина да подьячего Прокофья Васильева.
64. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 213. Ч. 1. Алфавит хранящимся в чертёжном архиве планам с книгами наличных дач Курской губернии Дмитровского уезда.
65. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 216. Ч. 1. Алфавит хранящимся в чертёжном архиве планам с книгами наличных дач Курской губернии Львовского уезда.
66. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч. 1. Алфавит хранящимся в чертёжном архиве планам с книгами Курской губернии Путивльского уезда.
67. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 219. Ч. 2. Алфавит хранящимся в чертёжном архиве планам с книгами на дачи Курской губернии Путивльского уезда по специальному межеванию.
68. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 220. Алфавит хранящимся в чертёжном архиве планам с книгами Курской губернии Рыльского уезда. Ч. 1.
69. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 220. Алфавит хранящимся в чертёжном архиве планам с книгами Курской губернии Рыльского уезда. Ч. 2.
70. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18800. Топографическое описание Курского наместничества по минувшей 3-й и нынешней 4-й ревизии, сочинено тщанием сея правителем господином Зубовым в 1784-м году.
71. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 13. Атлас Курской губернии, состоящей из 15-ти уездов, с топографическими и экономическими примечаниями, сочинён в царствование блаженной и вечно достойной памяти Государыни Императрицы Екатерины II-й в 1785 году, а копия сия изготовлена межевой канцелярии в чертёжной в 1834-м году.
72. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 448. План города Дмитриева на Свапе.
73. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 451. План города Льгова.
74. Русина О.В. Грамоти Новгород-Сіверському Спасо-Преображенському монастирю (у копіях севського походження) // Український археографічний щорічник. – Вип. 2. – Київ, 1993. – С. 138–153.
75. Русина О.В. Путивльські волості XV – початку XVII століть // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Т. ССXXX. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. – Львів, 1996. – С. 368–379.
76. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1948.
77. Сенаторский Н. Исторический очерк г. Рыльска в политическом и церковно-административном отношениях // Курские епархиальные ведомости. – 1907. – Прил. к №№8–13.
78. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 8. – М.: Наука, 1981.
79. Словохотов А. Вал в Гочево, Ратский вал, вал Дмитрюкова и другие валы Курско-Белгородского края. – 2019. – URL: https://ugrim.blogspot.com/2020/12/blog-post_6.html
80. Словохотов А. Юрьёво городище на плане генерального межевания Путивльского уезда и в документах конца 16 века. – 2020. – URL: <http://old-kursk.ru/book/slovohotov/st200204.html>

81. Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Остроухов С.А. Люшинский археологический комплекс и летописный Ольгов // Русский сборник. – Вып. 4 / Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. Вып. 9. – Брянск: РИО БГУ, 2008. – С. 59–64
82. Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Период XIV–XV вв. в новых пунктах в Курской области // Русский сборник. – Вып. 8. – Т. 1. – Брянск: РИО БГУ, 2016. – С. 124–129.
83. Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. – Київ–Полтава: Археологія, 2004. – 82 с.
84. Холмогоров Г. Материалы для истории церквей Рьльской десятины // Курские епархиальные ведомости. – 1907. – Прил. к №№23, 24, 27, 29, 31.
85. Чубур А.А. К вопросу о локализации «Курсаго городища» // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Материалы межгосударственной научной конференции (Брянск, 13–14 мая 2003 г.). – Брянск: Изд-во БГУ, 2003. – С. 68–72.
86. Чубур А.А. Денежное обращение в монастыре Троицкая Лыпиновская пустынь на р. Сейм по данным археологических сборов // Чернігівські старожитності. – Вип. II. – Чернігів: КП «Видавництво "Чернігівські обереги"», 2009. – С. 328–333.
87. Чубур А.А. Леса Воронокские, Гусин брод и слободы Ахматовы. Об исторической географии Курского Посемья и его округи в XIII–XV вв. // История в подробностях. – 2013. – № 8(38). – С. 38–43.
88. Чубур А.А. Семь Липовецков. Город-призрак Ордынской Руси // Studia internationalia: Материалы IX международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (1–2 июля 2021 г.). – Брянск: РИО БГУ, 2021. – С. 29–36.
89. Шинаков Е.А. Новый вариант локализации летописного Липовичска на западной окраине Курского Посемья // Studia internationalia: Материалы IX международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (1–2 июля 2021 г.). – Брянск: РИО БГУ, 2021. – С. 10–13.
90. Яценко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. – Вологда, 1974. – С. 3–118.
91. Territoire d'Oboian / par le géodésiste Boris Batourin. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003072h>
92. Territoire de Rylsk / [par Ivan Krouchtchov]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550031611>
93. Ukrainae pars quae Kiovia Palatinatus vulgo dicitur / creator Guillaume de Beauplan. – URL: <https://curiosity.lib.harvard.edu/scanned-maps/catalog/44-990114176650203941>

Сведения об авторе:

Чурсин Дмитрий Игоревич – член Белгородской региональной общественной организации «Общество любителей древней истории». E-mail: cizmandavid@gmail.com

Историография

УДК 94(4)“375/1492“

В. И. Золотов

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И НАРРАТИВ «ТРАНЗИТА» В СТАТЬЕ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ (Е.А. КОСМИНСКИЙ ОБ ИСТОРИИ АНГЛИИ XV ВЕКА)

Аннотация: В середине прошлого столетия академик Е.А. Косминский предпринял попытку определить векторы и тренды развития Англии XV века, история которого слабо обеспечена источниками. Аграрный аспект его статьи позволил акцентировать агентов социального развития, прежде всего, т.н. джентри. Методы интеллектуальной истории в современных отечественных исследованиях плодотворно скорректировали процессы социального развития английского общества. Историческая наука получает более глубокое и точное представление об английском государстве и обществе названного столетия, новые данные о социальных, политических, идейных поисках, новых культурных ценностях времени. Мнение академика Е.А. Косминского о переходном характере XV века к раннему новому времени находит подтверждение в истории средневековой Англии.

Ключевые слова: Е.А. Косминский, интеллектуальная история, методы, джентри, переходный характер.

Zolotov V.I.

Social discourse and “transfer” narrative on agrarian history paper (E.A. Kosminskij on fifteenth English history)

Abstract: Half-way last century academician E. Kosminskij undertook attempt to define vectors and trends of development fifteenth-century England, whose history provide with sources insufficiently. Agrarian aspect the paper allowed accent social development agents, first of all, so-called, gentry. In contemporary home research intellectual methods corrected social evolution processes of English society. Historical science has more profound and accurate data notion about English state and society the century, new facts on social, political, thought, cultural searches. E. Kosminskij academician's concept on transferring character XV century to early modern time found on middle age England history.

Keywords: E.A. Kosminskij, intellectual history, methods, gentry, transferring character.

Ещё в конце 40-х годов прошлого столетия в одной из своих статей академик Е.А. Косминский констатирует неоднозначность процессов хозяйственного, социального политического развития XV столетия в истории английского королевства. Учёному столетие рисовалось «как нечто «промежуточное», когда те течения, которые обнаружились в XIV в., получают дальнейшее развитие, а те, которые наступят в XVI в., ещё лишь зарождаются» [10, с. 60]. Как автор фундаментального исследования по аграрной истории Англии XIII в.[9], при наличии схожих исследований Д.М. Петрушевского и А.Н. Савина по XIV и XVI векам, историк, очевидно, не мог обойти тему аграрного развития королевства для пятнадцатого века. Возможно, для него было важно проследить процесс эволюции поземельных отношений в средневековой Англии.

В названной статье аграрную картину страны историк рассматривает на основе критического анализа демографических процессов в исследованиях ряда английских авторов. При отсутствии аналогичного XIII веку массового источника по крестьянской тематике (имеются в виду «Сотенные свитки»), анализируя аграрные проблемы как продолжение процессов аграрного развития предыдущего столетия, автор репрезентирует тезис о переходном характере эволюции крестьянского хозяйства. Признавая неоднозначный характер изменений, усугубленных демографической депрессией, Е.А. Косминский считает, что постепенно лицом английской деревни становится зажиточный крестьянин, мелкий вотчинник из разбогатевших крестьян. И тот, и другой, каждый по своему, сыграли важную роль в формировании

нии «ядра» «нового дворянства» [10, с. 68-71]. Дискурсом текста статьи становится убеждение, что аграрная сфера, переживая демографическую депрессию, о ней говорят и более поздние исследования, проходила через болезни роста, подготавливала становление новых социальных отношений в королевстве, и не только в аграрной сфере. Е.А. Косминский наметил целый ряд тем, раскрытие которых позволяло бы лучше представить содержание эпохи, место и роль столетия в истории средневековой Англии. Современный уровень исторического знания, разнообразие подходов изучения прошлого даёт возможность нового понимания сущностных характеристик развития английского общества XV в.

Как представляется, социальный дискурс, во многом определяющий текст статьи историка, становится релевантным для понимания процессов той «промежуточности», о которой заявляет историк. Такой дискурс в немалой степени присутствует и в отечественных исследованиях по истории столетия, появившихся уже ближе к концу прошлого века.

М.А. Барг в небольшом эссе по поводу анонимного трактата «Богач и бедняк» («Dives and pauper»), изданного в Лондоне в 1493 г., считает, что в феодальных отношениях того времени всё большее значение играет «вещный субстрат». Вместо земельной собственности, недвижимости (preadium) как основы мирского богатства первые позиции начинает занимать движимость, состоящая из вещей (things). Сама недвижимость в правосудии того времени приобретает свойство вещи. Наряду со скотом, зерном, орудиями труда, предметами домашнего обихода автор трактата именуется вещью поля, леса, двора и дома. Недвижимость из сферы ленных отношений переходит в пространство товарно-денежных, превращаясь в заурядный предмет рыночных сделок. Основное противоречие в обществе аноним передаёт противопоставлением не лорд - держатель, а богатый - бедный. Можно утверждать, что к концу века начинают складываться другие регуляторы взаимоотношений имущих слоёв общества [2, с. 133-135]. Между строк данного трактата видно лицо активного, деятельного агента времени. Очевидно, в этом контексте, говоря о перераспределении земельных владений и других процессах, Е.А. Косминский замечает - нельзя забывать, что под этой «яркой поверхностью идёт непрерывная работа скрытых сил, выражающаяся в перемещении собственности на землю путём отдельных незаметных приобретений в руки новых людей, и притом нередко людей, руководящихся новыми экономическими мотивами» [10, с. 71]. Добавим, и необязательно это новое дворянство.

Изучение частно-правового акта, предпринятое мною, по-новому раскрывает поведение и мотивы ряда социальных групп в операциях с землёй. Приоритетными для большинства из них является сотрудничество в земельных сделках с королевскими и городскими чиновниками (их предпочитают мерсеры, торговцы дорогами, заморскими тканями), им важно получить властное покровительство. Для бакалейщиков-гросеров присуще вложение денег в операции с землёй, аноблирование. Иной позиции в таких операциях придерживаются дрейперы-суконщики. Выходцы из провинции разного социального лица, проникая в различные сферы столичного хозяйства, являются ведущими субъектами выявленной среди них тенденции интереса к сукнодельному производству. Их интересы к земельным приобретениям в какой-то степени связаны с формированием инфраструктуры суконного производства – от скупки пастбищ до обладания сукновальными мельницами, складскими помещениями, причалами на реках [см.: 6, с. 132-193].

Тот же источник демонстрирует хозяйственные установки и механизмы тех связей, которые определяли отношения сквайров, наибольшей и наиболее активной части английского джентри, то есть неродовитого дворянства, а также имущих слоёв города и деревни. Сквайры, оставаясь служивым сословием, тесно связанные ленными, хозяйственными, контрактными отношениями с рыцарством, являются главными субъектами предприниматель-

ских операций в среде джентри, в экономическом сотрудничестве лордов и сквайров, на протяжении всего столетия. Достаточно успешно идёт приобретение ими сеньориальных прав в обретаемых поместьях [6, с. 203-217]. В то же время заметим, что имущие слои населения, прежде всего различные группы купечества и джентри, чиновников, за исключением суконщиков, в своих земельных сделках в целом предпочитают консервативную модель поведения. С одной стороны, можно говорить о формировании новой социальной ткани английского общества того времени, новой по содержанию и поведенческим установкам. С другой стороны, этот процесс едва ли последователен и безоговорочно поступателен в своём развитии. В этом контексте пример семейства Пастонов в качестве «образцовой» модели становления новых поземельных отношений не является типичным. История фамилии требует более глубокого, с использованием современных методов, системного изучения как историко-культурного феномена времени. Тем не менее, социальная трансформация английского общества того времени последовательна и не может не быть многоплановой.

Отечественные и английские историки не пришли к единому мнению относительно характера потрясений, пережитых английским обществом и государством второй половины столетия. Главные вопросы сводятся к следующему. Можно ли считать «войны Роз» проявлением глобального кризиса английского общества, или же это был не более чем период «нестабильной ситуации» с наследованием престола. Влияла ли борьба аристократов на жизнь простых англичан, или они обитали в «мирной и процветающей по меркам того времени стране». Широко обсуждается проблема взаимосвязи «войн Роз» как преимущественно политического феномена и социально-экономических процессов.

Е. Браун [3] обоснованно утверждает, что события второй половины столетия, «войны Роз», были войнами английской аристократии. Её интерес, борьба за престол, был несущественен для джентри, мелкого неродовитого дворянства. Однако логика противостояния в стране так или иначе спорадически втягивала данную общность в эти стычки. Методика работы с известными источниками (переписки семейства Пастонов, Стоноров, Пламптонов), предложенная Е. Браун, позволила увидеть хаос того времени через поведение и ценностные установки джентри, определить характер связей, пронизывающих социум сословия. Предложенные подходы позволили понять восприятие сословием «войн Роз» более полным и точным, что позволяет определённо и обоснованно говорить о том времени.

Джентри не видели связи между отдельными эпизодами «войн Роз» и даже к концу противостояния Йорков и Ланкастеров не считали происходящее единым конфликтом. Они принципиально не вникали в детали престолонаследия и всегда уважительно отзывались о коронованных особах. Большую часть вины за политические катаклизмы они возлагали на дурных советников короля. Для джентри «войны Роз» не были войной и тем более гражданской войной. Они оценивали борьбу династий как «затянувшееся немирье».

Помимо баронских распрей основным источником напряжённости в графствах стали постоянные земельные тяжбы, которые вела практически каждая дворянская семья [3, с. 89]. В этих условиях функционирование местной судебной-административной системы подвергалась серьёзной коррозии. Судебный процесс по поводу спорных земель в Англии того времени мог быть фактически бесконечным. Недовольные его результатом, если они обладали достаточным влиянием, могли попросту удерживать силой спорные земли, не считаясь с притязаниями законных наследников. Привлечённые эпистолярные комплексы свидетельствуют, что соблюдение законов в эпоху «войн Роз» являлось понятием весьма условным [3, с. 91-94]. Короли время от времени пытались навести в деятельности местной администрации порядок, но эти попытки ничего не меняли [3, с. 96, 99]. Эти-то две «волны», сверху и на местах, и накрыли английское королевство с середины столетия. Борьба в верхних этажах

власти, размывание привычных основ повседневной жизни шло одновременно с обострением конфликтов, прежде всего, земельных, в графствах.

Современное толкование социальных процессов в английском обществе того времени позволяет по-новому говорить и об английском абсолютизме, теме, не оставшейся без внимания Е.А. Косминского.

Расширительное толкование «социальности» в рамках «новой политической истории» позволило поставить задачу изучения взаимодействия государства и общества, при котором присутствует не только оппозиция сторон, но и их диалог с взаимными поисками компромисса и согласия [17, с. 204-205]. В любом случае это предполагало активность и самоорганизацию широкого спектра социальных сил. «Литературные» источники, прежде всего памятники общественной мысли, в ряде случаев весьма наглядно и более точно демонстрируют политическое состояние общества, тенденции его развития, возможности власти, роль институтов власти, нежели хроники и протоколы королевского совета.

Использование данных вышеупомянутого частно-правового акта, содержащегося в объёмной коллекции «закрытых писем» королевской канцелярии, даёт основание говорить о социальной опоре монархии не в лице обезличенного «нового дворянства» и «общин». Английская историография последних десятилетий много говорит об «аффилированности» различных групп джентри и магнатов на местах (и не в рамках ливрейных свит). Следует иметь в виду, что границы нижнего слоя титулованной знати достаточно размыты, что скорее создаёт дополнительные возможности для усиления присутствия власти в графствах. Факт использования в это время центром органов местного самоуправления для усиления власти короля и часто их включения в административную систему королевства постоянно присутствуют в исследованиях английских авторов конца прошлого века [см.: 5, с. 247-249]. Эти наблюдения и оценки коррелируются с подобными процессами во Франции XV в. [18, с.12].

По-новому, в связи с такими подходами, предстаёт участие джентри в восстании Джека Кэда, несомненно, знаковым для столетия. Разделяя оценки Е.А. Косминского этого протеста [10, с. 74], дополним их точкой зрения Б. Монтгомери. Американская исследовательница даёт интересное объяснение мотивам выступления отдельных групп джентри в этом открытом столкновении с властью. Средневековое общество, по крайней мере, теоретически приравнивало ношение оружия к праву политического голоса, делая, таким образом, его обладателя социально значимым. Субъект права, носитель оружия, становился ответственным за политический порядок в стране. Сочетание социальной значимости и правовой ответственности в сознании части подданных короны открывало возможность участия общности джентри в политической жизни страны, быть активным участником диалога власти и общества [20, р. 581; см. также: 18, с.226].

Исследуя состав, функции и поведение слуг хаусхолда Эдуарда IV Е.В. Бакалдина пытается определить принципы функционирования этого королевского института, в частности, через дилемму «лояльность или социальность». Лояльность означала отказ от династических предпочтений и связь слуг хаусхолда с монархом детерминировалась служебными обязанностями, профессиональным долгом. Слуги двора, разного социального статуса, имели различные династические симпатии, власть ценила в них, прежде всего, опыт и профессионализм. В свою очередь, создавая такое окружение, король «выбирал людей <...> проживающих в разных графствах, чтобы с помощью этих слуг узнавать настроения в различных частях королевства». Слуги хаусхолда в ходе подготовки похода короля на материк в 1475 году выбирают форму своего участия в нём – кто-то предпочитает сразиться в поединке, кто-то ограничивается участием в его снаряжении. Такие изменения в социальном поведении (а не опора на региональную элиту, что стало стереотипом в оценках династии Йорков), лояль-

ность и профессионализм, становятся тенденцией в формировании социально-политических основ и Тюдоровской династии [1, с. 224-227].

Отсюда, несколько по-иному видится начало процессов формирования абсолютистской власти. Обращает на себя внимание, что в памятниках общественной мысли часто присутствует упоминание общин королевства, но практически не говорится о палате общин как институте влияния на правительственную политику. В свою очередь, повествовательные источники – трактаты, поэмы - постоянно говорят о сильном монархе в окружении преданных и компетентных советников. Что же является одной из основ начавшегося процесса формирования абсолютистского государства – общины в палате общин или сознательное стремление монарха опереться на людей не из среды придворной знати, а обладающих профессиональным опытом и служебными навыками?

В условиях общей нестабильности, потери привычных ориентиров, разочарования в возможностях общества (прежде всего общин) положить конец магнатскому произволу (в том числе и в «войне Роз») – наблюдается явное упование на короля в окружении толковых советников. Такое позволяет по-новому увидеть и анализировать поведенческие установки и интенции, социальные и политические ориентации неродовитого дворянства, возможно, части нобилей. Всё это не могло не создавать новых поведенческих установок в обществе, поисков традиционных ценностей. Вклад Д. Фортескью в формирование школы тюдоровского государственного управления общепризнан. Она акцентировала отсутствие противоречий между обычаем и разрастающимся объёмом монарших прерогатив, опиравшихся, как известно, на авторитет правового прецедента. Исходная природа общества и государства закладывалась при их основании и уже никогда более не менялась [16, с. 54-57, 62-63].

Доктрина Джона Фортескью о двух формах монархии, *dominum regale* и *dominum politicum regale* имела своё продолжение в тюдоровской Англии. Историко-правовые основы рассуждений антиквариетов сказались на поиске конструктивного компромисса в их среде. Компромисс допускал известный релятивизм концепции правового континуитета. При этом тот же компромисс не оставлял сомнений относительно строгой преемственности в развитии политических и, что самое главное, социальных институтов английского общества [16, с. 62].

Важным следствием подобных споров антикваров стало противостояние двух правовых систем и формирование различных проявлений гуманистических и реформационных настроений государственного строительства в Англии накануне революции. Исследование А.А. Паламарчук [см.: 12] рисует картину, характерную для переходного времени. Противостояние общественных и политических групп, выражением которого становится корпоративный конфликт цивилистов и юристов общего права, разделило общество на приверженцев «монархической» и «парламентской» моделей государственного устройства. Более того, в эпоху формирования национального самосознания стороны оперируют дискурсами «самобытности» и «европейскости» истории королевства [8, с. 46].

Проблема «транзита» в процессах общественно-политического развития прослеживается и в других сферах социальной жизни английского королевства.

Трудно и мучительно формируется новое видение перспектив английского королевства в европейской политике. Неудачи в Столетней войне на последнем её этапе заставляют наиболее дальновидную часть английской элиты по новому оценивать место и роль страны в международных отношениях того времени. Трактат «Маленькая книжечка об английской политике» [11] прямо прокламирует отказ от территориальных захватов, её автор видит силу Англии в морском могуществе королевства. В обществе нарастает протест против династических мотивов внешней политики страны, можно говорить о начале формирования идеологии «государственного интереса».

Меняются нормы поведения монархов эпохи. Генрих V в условиях нараставшего взаимного ожесточения своих кампаний во Франции не останавливается перед тем, чтобы выйти за традиционные рамки отношений между сеньором и вассалами. В битве при Азенкуре, король, усомнившись в соблюдении французами законов рыцарской чести, приказал перебить пленных французских рыцарей. После договора в Труа трудная осада небольшого города Мелена на юг от Парижа закончилась, по приказу монарха, казнью многих защитников из рыцарского сословия. Он же приказал непокорного командира гарнизона возить в железной клетке по Франции в устрашение непокорных [4, с.75-76]. Поведение Эдуарда IV нередко также было далеко от принципов средневековой морали и чести.

Последние исследования предреформационной Англии [14, 18] делает актуальной тему религиозной жизни в Англии XV столетия. Е.А. Косминский обращает внимание на то, что «XIV век оставил в наследство XV движение лоллардов, не утихающее почти до конца века и порой принимающее грозные размеры <...> Вероятно, она [социальная история лоллардизма] может дать очень многое для выяснения антифеодальных идей и движений в XV веке» [10, с. 73]. Заметим, что не только жёсткий социальный протест в религиозных одеждах определял повседневную конфессиональную жизнь общества. Помимо темы лоллардов, наблюдаются и другие процессы и явления повседневной жизни прихожан. Религиозная культура английского общества на исходе Средневековья не была гомогенна, в религиозной практике эпохи сочетались многие духовные тенденции и формы благочестия. Проблемы плюрализма, абсентизма, злоупотреблений при сборах десятины, пожертвований и посмертных даров, обременительные для приходов визитации епископов, следования Св. Писанию, о чём ярко говорил Джон Колет, родились не в канун Реформации. В середине XV века её поднимал один из церковных иерархов страны епископ Реджинальд Пикок, яростно критикуя, как он считал, лоллардистское наследие в английской церкви и обществе [см.: 7, с. 17-22]. Эта озабоченность клира состоянием церковной жизни переплеталась с поиском индивидуальных форм религиозного благочестия в среде мирян [см.: 15]. В английской историографии последнего времени присутствует категория «вернакулярного богословия» (то есть, народного, неучёного), поднимается тема религиозного поведения в обществе в соотнесении, в том числе, с францисканскими идеалами [20]. Несомненно, это помогает лучше понять судьбы лоллардизма, ушедшего, возможно, на обочину религиозной жизни общества, к концу столетия, по всей вероятности, трансформировавшегося в какие-то иные формы, с изменившимся содержанием. Духовная культура общества предстаёт более разнообразной, более глубокой, полной новых поисков.

Разнообразие сложившихся в наше время исследовательских практик изучения прошлого даёт возможность нового и более глубокого понимания сущностных характеристик развития английского общества XV в. За прошедшие десятилетия понимание переходного времени стало полноценно системным, более глубоким, затронувшим самые разные стороны общественного развития [см.: 13, с. 98-138]. Названные обстоятельства поднимают исследования истории столетия на уровень, соответствующий нынешнему состоянию исторической науки, открывают новые перспективы не только конкретно-исторического изучения эпохи, но и методологического осмысления процессов её исторического развития. Помимо прочего, такая постановка проблемы позволяет более полно оценить историографическое наследие Е.А. Косминского.

Актуальность концепта «переходный период» сегодня [13, с. 98-138], новые подходы и новые источники, понимание столетия как переходного времени во всей многозначности процессов развития актуализируют, на мой взгляд, тему «прорыва» в изучении истории позднесредневековой Англии. Содержание эпохи позволяет говорить о пока ещё робких по-

пытках идентификации в английском обществе различных субъектов времени – от государства, его роли и места, до личной ответственности тех или иных подданных королевства. Эти процессы отражают неоднозначный характер переходного столетия.

Библиографический список

1. Бакалдина Е.В. Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал. - Дисс. канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2011.
2. Барг М.А. «Земное богатство» в видении анонима XV в. // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988.
3. Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
4. Басовская Н.И. Генрих V во Франции: нерождённая империя // Человек XV века: грани идентичности. М.: ИВИ РАН, 2007.
5. Гай Д. Эпоха Тюдоров. Генрих VII // История Великобритании / Под ред. К.О. Моргана. М., Весь мир, 2008.
6. Золотов В.И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск, 2010.
7. Золотов В.И. Религиозные поиски епископа Реджинальда Пикока // Британский мир. История Британии: современные исследования / Отв. ред. М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина. М.: ИВИ РАН. - 2015 С. 17-22.
8. Золотов В.И. Человек Средневековья времени перемен // Средние века. 2020. № 81(1). С. 40-47.
9. Косминский Е.А. Исследование по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л., 1947.
10. Косминский Е.А. Вопросы аграрной истории Англии в XV веке // Вопросы истории. 1948. № 1. С. 59-76.
11. Маленькая книжечка об английской политике / Перевод, статья и примечания В.И. Золотова. Брянск: Курсив, 2012.
12. Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., 2015.
13. Раннее новое время и теория модернизации. Читательская конференция журнала «Средние века» // Средние века. № 70(1-2). 2009. С. 98-138.
14. Софронова Л.В. Джон Колет: христианский мыслитель ренессансной эпохи. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2016. - 440 с.
15. Суприянович А.Г. Опыт прочтения духовной биографии // История через личность. Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010.
16. Фёдоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб.: Алетейя, 2005. 525 с.
17. Хачатурян Н.А. Современная медиевистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. № 62. 2001. С. 204-205.
18. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средневековье. М.: Наука, 2008.
19. Чугунова Т. Г. Уильям Тиндел: Слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2017. 446 с.
20. Jurkowsky M. Who Was Walter Brut ? // The English Historical Review. V. 127. N 525. 2012.
21. Montgomery B. Armed Force and Civil Legitimacy in Jack Cade's Revolt // The English Historical Review. V. 68. N 477. 2003.

Сведения об авторе:

Золотов Всеволод Иванович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: viz.volic@yandex.ru

Научная дискуссия

УДК 902/904

А. А. Семенов

О НАУЧНОЙ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ АВТОРОВ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ.

ОТЗЫВ НА КНИГУ: «ЮЖНЫЙ УРАЛ В НАЧАЛЕ ЭПОХИ МЕТАЛЛОВ. БРОНЗОВЫЙ ВЕК» / А.В. ЕПИМАХОВ И ДР. // ИСТОРИЯ ЮЖНОГО УРАЛА: В 8 Т. — Т. 2. — ЧЕЛЯБИНСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮУРГУ, 2019. — 432 с.

Аннотация: Рассматриваются проблемы методики и методологии археологического изучения погребений Южного Урала эпохи бронзы со следами установки колёс (на оси). Подчёркивается необходимость проведения научно-достоверной археологической интерпретации синташтинско-петровско-алакульских погребений с колёсами как важнейшего предварительного этапа подлинно-научной реконструкции использовавшихся транспортных средств и источника для историко-социологических обобщений. Выявляется дискуссионный характер колесничного мифа в истории Южного Урала эпохи бронзы. Доказывается ошибочность лингвистической карты Южного Урала эпохи бронзы.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха бронзы, псевдоколесницы, псевдореконструкции, псевдонаука, псевдолингвистика.

Semenenko A. A. On the scientific dishonesty of the authors of a collective monograph on the history of the Southern Urals of the Bronze Age. Book Review: The Southern Urals' Region in the palaeometal epoch. The bronze age / A. V. Epimahov et al. // The history of the Southern Urals' Region: in 8 volumes. — V. 2. — Chelyabinsk: SUSU Publishing Centre, 2019. — 432 p.

Abstract: The problems of the methodology of the archaeological investigation of the burials of the Southern Urals of the Bronze Age with traces of the installation of wheels (on the axis) are considered. The necessity of carrying out a scientifically reliable archaeological interpretation of the Sintashta-Petrovka-Alakul burials with wheels is emphasized as the most important preliminary stage of a truly scientific reconstruction of the vehicles used and a source for historical and sociological generalizations. The controversial nature of the chariot myth in the history of the South Urals of the Bronze Age is revealed. The erroneousness of the linguistic map of the Southern Urals of the Bronze Age is proved.

Keywords: the Southern Urals' Region, Bronze Age, pseudochariots, pseudoreconstructions, pseudoscience, pseudolinguistics.

Во втором томе «Истории Южного Урала» [10] содержатся разделы «Культуры бронзового века Южного Урала (археологические источники)» (автор А.В. Епимахов), «Жизнь день за днём» (автор А.В. Епимахов) «Транспорт бронзового века» (авторы А.В. Епимахов и И.В. Чечушков), «Война и военное дело» (автор И.А. Семьян), «Мир мужчин и мир женщин в погребальных обрядах и ритуалах эпохи бронзы» (автор Е.В. Куприянова) и «Мир детства бронзового века» (автор Н.А. Берсенева), в которых неоднократно говорится об изобретении, сооружении и использовании населением этого региона в бронзовом веке колесниц, колесничного комплекса и колесничных могил (с. 67, 87, 97, 100–101, 194, 216, 263, 265–266, 268–270, 276, 290–292, 299, 307–308, 311–313, 317, 343, 358). А.В. Епимахов и И.В. Чечушков категорически и безапелляционно утверждают, что «реальность существования степных колесниц не должна подвергаться сомнению» (с. 270). Однако в науке сомнению может и должно подвергаться всё.

Колесница — это запряжённая (взнузданными) тягловыми животными (быками или эквидами), дышловая, снабжённая двумя (спицевыми или дисковыми) колёсами повозка с открытым (сзади) трёхбортным кузовом и/или перилами и/или специальной опорой/стойкой/поручнем, при этом бортики и/или кузов и/или перила и/или опора/стойка/поручень должны

иметь высоту и прочность, достаточные для того, чтобы служить средством сохранения равновесия стоящего колесничего при движении и/или повороте/остановке колесницы. В древнейшую эпоху в колесничных упряжках также использовали козлов и оленей.

Погребение может/должно быть охарактеризовано как колесничное только при обязательном наличии в нём достоверных остатков или чётко и однозначно фиксируемых следов наличия трёх главных элементов колесницы — пары колёс (со спицами или дисковых), открытого сзади для восхождения на колесницу возницы кузова и/или перил/стойки/поручня достаточной высоты и дышла.

При отсутствии в погребении (следов/остатков) деревянных элементов колесницы оно может быть охарактеризовано как колесничное при условии сохранения металлических деталей и обкладок деревянных элементов повозки (обода, оси, ступицы, спиц, кузова, перил, поручня, дышла, ярма). Отсутствие (следов/остатков/деталей) борт(ик)ов и/или перил/поручня кузова в погребении является принципиальным обстоятельством, исключающим возможность идентификации его как колесничного с объективно-научной точки зрения. При отсутствии (следов/остатков/ деталей) борт(ик)ов и/или перил/поручней кузова с абсолютно равнозначной вероятностью остатки/следы колёс со спицами и ступицей и оси могут считаться принадлежащими не (боевой /гоночной/ритуальной/статусной) колеснице, а двухколёсной повозке сидячего или лежачего типа.

Наличие в погребении только следов/остатков колёс и дышла с объективно-научной точки зрения не является достаточным критерием для идентификации транспортного средства как колесницы — без (деталей) бортов кузова или заменяющих их перил/стоек/опоры/поручня стоячей колесницы нет. Т.е. только следы/остатки колёс, оси и дышла могут интерпретироваться как свидетельство помещения в могильную яму безбортовой двухколёсной повозки или двухколёсной повозки с бортами/перилами, не являющейся колесницей.

Археология восточно-европейских и урало-казахстанских (лесо)степей эпохи бронзы не располагает никакими неопровержимыми либо достоверными данными о (символическом/временном) помещении носителями культур катакомбной культурно-исторической общности, потаповской, абашевской и срубных археологических культур и синташты-петровки-алакуля не просто двухколёсных повозок либо даже только пары колёс (на оси), а именно колесниц в свои погребения. Мы наблюдаем двойную системную подмену научных понятий в работах представителей данной школы археологов — псалии, колёсные ямки и следы оси/ступиц(ы) трактуются как колесничные, гипотетически реконструируемые на этом основании двухколёсные повозки — исключительно как колесницы (и это при отсутствии следов/остатков/деталей дышла и бортиков/перил/поручня кузова вообще!).

Предложенные нами уточнённое определение колесницы и понятие эталонного колесничного погребения показывают и доказывают, что ни одно из найденных на момент написания этого отзыва погребений (лесо)степей Евразии бронзового века со следами (временного/символического) размещения в них колёс (на оси) не является колесничным.

Простая, но принципиально строгая научная объективность требует от учёных осторожности в суждениях, интерпретациях и реконструкциях при неимении достаточно надёжных данных. Однако в работах представителей колесничной школы археологии (лесо)степей Восточной Европы, Приуралья и Казахстана эпохи бронзы и в частности сотрудников Южно-Уральского государственного университета мы видим нечто совершенно противоположное.

Вместо археологического факта создается недостаточно достоверный, не обоснованный научными данными ментальный конструкт, который в дальнейшем подается как подлинный археологический факт. Урало-казахстанские реконструкторы-бронзовики и их восточноевропейские коллеги соревнуются в изобретении всё новых и новых моделей фантомных колесниц

своих регионов бронзового века, переходя от графических чертежей и компьютерных реконструкций (с. 268) к их физическому воплощению (с. 290, 299). Вся эта «реконструкторская» пирамида основывается на крайне ненадёжном и явно недостаточном для неё фундаменте (где колесница «воссоздаётся» по колесу, его отпечатку или псалям (со следами сработанности в результате применения в упряжке неизвестного типа повозки)) и рассыпается при обращении к принципам научной объективности и достоверности.

Игнорируя объективную трудность в виде археологического факта отсутствия такого принципиального элемента колесницы как кузов или его функциональный заменитель (перила/стойка/поручень) высотой, достаточной для того, чтоб служить опорой стоящему вознице/колесничему, эти реконструкторы (к числу которых относятся авторы разделов рецензируемой монографии И.В. Чечушков и И.А. Семьян) вопреки азам научной объективности и достоверной доказательности «видят» и «реконструируют» «колесницу» там, где её нет.

Даже в эталонных древнекитайских, лчашенских и этрусских погребениях с двухколёсными повозками на конной тяге, не идущих ни в какое сравнение с откровенно убогими с колесничной точки зрения могильными ямами синташты-петровки-алакуля, выявление подлинных колесниц сопряжено с большими трудностями, поскольку важнейшим обстоятельством здесь является чёткая фиксация наличия/отсутствия достаточной высоты кузова/перил/ поручня /стойки для опоры едущего в положении стоя возницы/колесничего.

Даже эталонные погребения с тремя чётко фиксируемыми принципиальными элементами колесницы — парой колёс на оси, кузовом/перилами и дышлом далеко не всегда могут быть охарактеризованы как подлинно колесничные, если в них недостаточна высота кузова/перил и (при этом) нет поручня/стойки/опоры для стоящего возницы/колесничего. В таких случаях следует говорить не о стоячих колесницах, а о сидячих прогулочных/ритуальных /военно-транспортных/парадных двухколёсных повозках на конной тяге или лежащих двухколёсных платформах на конно-эквидной тяге для транспортировки мертвеца (в загробном мире).

Все эти моменты совершенно никак не учитываются сторонниками колесничной интерпретации погребений со всего лишь элементами колёс/оси/ступицы/днища в катакомбных и синташтинско-петровско-алакульских могильниках эпохи бронзы. Налицо крайне низкий уровень подобных построений с объективно-научной и методико-методологической точек зрения. Удивительным является то, что десятки профессиональных археологов—бронзовиков—колесничников, включая и реконструкторов, на протяжении более четырёх десятилетий не соблюдают элементарные методологические правила археологической интерпретации и археологической реконструкции.

Без резкого качественного улучшения объективной фактологической базы — достоверно зафиксированных принципиальных элементов настоящей колесницы, позволяющей отличить её от повозки (речь идёт прежде всего о кузове или заменяющих его перилах / поручне / стойке / опоре для удержания равновесия стоящего колесничего при движении/поворотах/остановке транспортного средства) — вся эта грандиозная конструкция восточно-европейской и урало-казахстанской (лесо)степной археологии бронзового века по-прежнему будет оставаться колоссом на глиняных ногах, опирающимся исключительно на косвенные «аргументы» (такие, как псалии с одинаковыми следами стёртости при использовании лошадей в упряжке стоячих и сидячих двухколёсных повозок, парное погребение лошадей рядом с каменным ящиком, оружие, недатируемые наскальные изображения других регионов и изображения на сосудах, необоснованно проводимые аналогии с другими культурами) и веру и следование авторитетам и/или историографической традиции и корпоративной/профессиональной солидарности.

Необоснованными аналогии являются потому, что анализ лчашенских, китайских и этрусских эталонных погребений с повозками показывает, что носители одних и тех же архео-

логических культур могли одновременно использовать (и помещать в могилы) как настоящие стоячие (конные) колесницы, так и сидячие двухколёсные повозки на конной тяге. С другой стороны, носители двух смежных культур могли синхронно (как в исторически засвидетельствованной и материально задокументированной (настенными рельефами) битве при Тиль-Туба на р. Улай ок. 653 ВСЕ) пользоваться разными типами двухколёсных повозок со спицевыми колёсами на конной тяге — стоячими боевыми колесницами (Ассирия) и сидячими безбортовыми военно-транспортными повозками с боковыми предохранительными перилами у колёс для лучников (Элам). Но и те, и другие при размещении в могильных ямах оставили бы при условии полного и бесследного разложения кузова и дышла одинаковые колёсные ямки (со следами спиц, оси, ступицы и шин) [4, 8].

Действительно зафиксированные в ряде погребений синташты-петровки-алакуля и некоторых восточно-европейских археологических культур степной бронзы следы (временной/символической) установки колёс (на оси) объективно указывают лишь на то, что эти создатели этих могильников были знакомы с неизвестным(и) типом/типами двухколёсной повозки на конной тяге, которая использовалась не только воинами, но представителями других профессий и социальных прослоек/групп.

Достоверно доказательно и объективно она применялась как ритуально-обрядовый инструмент для транспортировки умершего в загробный мир. Любые другие функции — военная, (военно-)транспортная, парадно-прогулочная, статусная — лишь возможны, но недостаточно достоверно доказательно и объективно обоснованы. Достоверно доказательно и объективно многие погребения синташты-петровки-алакуля содержали лишь следы двух колёс (на оси), что позволяет обоснованно утверждать, что именно их — пару колёс (на оси) — и помещали в них (временно) с ритуально-символической целью.

Все выходящие за пределы этого очерченного вышеизложенными определениями круга «интерпретации», лжереконструкции и фантазийные построения относятся к сфере псевдонаучной псевдоколесничной псевдоархеологической псевдореконструкции и должны быть отброшены как псевдоисторический миф.

Из вышеизложенного очевидно, что перечисленные авторы коллективной монографии нарушают фундаментальные принципы научной добросовестности, продолжая ретранслировать в отечественной и мировой исторической науке миф о том, что погребения синташты-петровки-алакуля эпохи бронзы со следами ((временной) установки в них) двухколёсных повозок неизвестного типа являются колесничными (с. 87, 97, 101, 265, 290, 307, 311, 313, 317, 358), выстраивая на этом бездоказательном основании грандиозную конструкцию под названием «колесничный комплекс степной Евразии» (с. 67, 97, 100, 263, 265, 269, 291–292, 308) со всеми вытекающими из неё спорными построениями относительно приоритета южноуральского очага возникновения колесничества (с. 263, 266, 269, 290–291), горизонта колесничных культур (лесостепи, существования у их носителей прослойки воинской колесничной аристократии (с. 270, 291, 308) и воинских колесничных кланов и таких же «мужских профессиональных сообществ» (с. 308, 312) «степных (прото)ариев» (с. 372–385 в разделе «Лингвистическая карта Южного Урала эпохи бронзы» (автор А.А. Воронков)) «с мужской субкультурой... агрессивного военизированного общества» (с. 313), миграции их (с. 269–270) в Китай, в Эгеиду в виде будущих древних греков и в Сирию, Восточную Анатолию и Верхнюю Месопотамию, Иран и на Индостан в виде (будущих) ариев-создателей Ригvedы (с. 218–219) и т.д. Деконструкции этого псевдонаучного, на наш взгляд, мифа [1] на основании объективных археологических данных в значительной степени и посвящён наш отзыв.

Из частных вопросов, возникающих к авторам коллективной монографии по истории Южного Урала эпохи бронзы, следует отметить противоречивость и несогласованность их утверждений относительно мифических «колесниц» синташты-петровки-алакуля.

Так, И.А. Семьян полагает, что эти «лёгкие повозки позволяли воинам-пастухам быстро перемещаться вместе со скарбом и оружием вслед за стадом» (с. 290), тогда как А.В. Епимахов и И.В. Чечушков подчёркивают, что «для перемещения грузов эти экипажи не слишком годились, даже второму человеку разместиться в кузове было затруднительно. Грузоподъёмность четырехколёсных телег, запряжённых волами, заведомо больше, и управлять ими проще» (с. 270). О каком скарбе воинов-пастухов, якобы перевозившемся на колесницах вслед за стадами, в таком случае говорит И.А. Семьян? Кроме того, сопровождение боевыми по А.В. Епимахову и И.В. Чечушкову (с. 270) и тому же И.А. Семьяну (с. 290–291) колесницами синташтинцев стад скота, отар овец и табунов лошадей по пастбищному бездорожью представляется не только нереалистичным, но и излишним — Е.В. Куприянова указывает на «отсутствие очевидного врага у жителей укрепленных поселений, а также отсутствие следов реальных воинских конфликтов» (с. 313).

И.А. Семьян утверждает, что «в схватке колесница давала воину огромные преимущества. Он перемещался быстрее любого пехотинца, в него было трудно попасть, сам же он мог нести большое количество оружия (стрел и копий) и стремительно поражать неприятеля. Таким образом, колесница представляла собой мобильную боевую платформу... Картина боя в синташтинское и петровское время могла быть весьма разнообразной... колесничие могли обстреливать врага из усиленных луков на существенном расстоянии — как минимум 150 метров. Колесница стремительно пронеслась вдоль вражеского войска, осыпая его стрелами и дротиками» (с. 290–291). Но буквально тут же И.А. Семьян говорит нечто совершенно противоположное: «В «Илиаде» Гомера есть описание колесницы как первой боевой десантной машины. Возница доставлял воина к театру боевых действий, где тот спешилался и вступал в сражение. В тех случаях, когда у воина возникали проблемы (отступление, ранение, потеря оружия), возница мог его стремительно эвакуировать» (с. 290).

Тут возникает сразу несколько вопросов. Если, по А.В. Епимахову и И.В. Чечушкову, «для перемещения грузов эти экипажи не слишком годились, даже второму человеку разместиться в кузове было затруднительно» (с. 270), то откуда у И. А. Семьяна появляется возница? Если возницы не было, то кто привозил воина к полю боя и увозил с него в случае ранения? Была ли мифическая синташтинская «колесница» всё-таки боевой или только десантной машиной? Ну и опять-таки замечание Е.В. Куприяновой об «отсутствии очевидного врага у жителей укрепленных поселений, а также отсутствии следов реальных воинских конфликтов» (с. 313) — где те живописуемые И.А. Семьяном вражеские войска, вдоль строя которых якобы проносились «колесницы»? Если, по А.В. Епимахову и И.В. Чечушкову (с. 270) и тому же И.А. Семьяну (с. 290–291) «колесницы» были именно боевыми, то для войн с кем они были якобы изобретены и созданы? Ведь и сам А.В. Епимахов восклицает: «В Зауралье настоящих противников, видимо, просто не было!» (с. 225) И, наконец, и И.А. Семьян признаёт, что «крепости синташтинской культуры не несут признаков боевых действий, фиксируются лишь следы пожаров, не сопровождающиеся признаками военных катастроф. Поселения возведены без учёта оборонительных возможностей рельефа» (с. 282).

Вообще следует отметить, что раздел «Война и военное дело» (автор И.А. Семьян) является одним из самых слабых в книге. В главу по вооружению и конфликтам Южного Урала эпохи бронзы инкорпорированы многочисленные не относящиеся к делу вставки (с иллюстрациями) о военном (с. 277) и осадном деле (с. 283) Древнего Египта, о Пепкинском кургане абашевской культуры в Поволжье с воинским погребением (с. 277), о некрополе Ольмо Ди

Нагара на севере Италии с погребениями мечников (с. 278; отметим, что синташтинцы-петровцы-алакульцы мечами не пользовались), о коллективном погребении в местечке Сунд (Западная Норвегия) (с. 278), о месте сражения бронзового века у реки Толлензе в Западной Померании (Германия) (с. 278–279), об укрепленном поселении Провадия-Солницата варненской культуры Болгарии позднего энеолита (4400–4100 гг. до н. э.) (с. 280), об оборонительных укреплениях в Польше у деревни Мешковице (с. 280) и Ливенцовско-Каратаевской крепости на Дону (с. 280), об аристократическом бое Эгеиды и Ближнего Востока (с. 286), о реконструкции древнеегипетской боевой колесницы и меча эпохи бронзы из Великобритании (с. 286), о вооружении и военном деле Центральной и Северной Европы бронзового века (с. 287), об укрепленном поселении абашевской культуры Малокизильское селище и Верхне-Кизильском кладе медных и бронзовых изделий (с. 280–281, 287), о клинковом оружии бронзового века, сейминско-турбинской традиции производства вооружения и Бородинском кладе на территории современной Одесской области Украины (с. 291), о древнейших мечах Северной Европы, шлеме из Хайдубёсёрмень (Венгрия) и микенских доспехах из Дендры (с. 294), о жертвоприношениях оружия в Западной Европе эпохи бронзы (с. 295) и о методе эксперимента в археологии (с. 294–298). И. А. Семьян допускает в своём разделе и откровенные ошибки — так, он утверждает, что «появившись в Европе, клинковое вооружение бронзового века вскоре было заимствовано на Ближнем Востоке» (с. 291). На самом деле всё было с точностью до наоборот: первые настоящие (и сразу серийные) бронзовые мечи (в т.ч. со следами от ударов на лезвиях) зафиксированы пока именно в Азии — в Юго-Восточной Анатолии в горах Тавра в дворцово-храмовом комплексе и царской гробнице Арслантепе и в Тюлинтпе в 80 км к северо-востоку от Арслантепе. Датируются они 3400–2900 гг. до н.э. Два уникальных меча из бронзы майкопской археологической культуры 3500–3300 гг. до н.э. из урочища Клады и Майкопского кургана в Адыгее явно являлись результатом импорта закавказских традиций изготовления оружия либо единичных экспериментов и ни на Северном Кавказе, ни тем более в Восточной Европе продолжения в бронзовом веке не имели. Здесь, конечно, налицо недосмотр основного автора тома А.В. Епимахова: работу своего аспиранта для претендующего на академичность издания ему следовало подвергнуть более тщательной правке.

Несколько слов о попытке А.А. Воронкова составить «Лингвистическую карту Южного Урала эпохи бронзы». Само название данного раздела ненаучно, ибо лингвистическая карта может быть составлена только на основании изучения языков/говоров носителей живых (пусть даже и реликтовых) диалектов определённой местности (например, лингвистическая карта Северного Кавказа, лингвистическая карта Восточной Европы) либо, если речь идёт о таком отдалённом прошлом как вторая половина III – первая половина II тыс. до н.э., на основании изучения древних диалектов какой-либо местности, сохранившихся до наших дней в результате фиксации текстов на данных диалектах на предметах материальной культуры из этой местности, датируемых тем же периодом времени (например, шумерские и аккадские тексты на глиняных табличках с вкраплениями индоевропейской и индоарийской лексики 3000–2000 до н.э. свидетельствуют о присутствии в Южной Месопотамии III тыс. до н.э. не только шумеров и аккадцев, но и индоевропейцев и в частности индоариев) [9]. Ни одного реального слова ни из одного диалекта населения бронзового века Южного Урала лингвистической и исторической науке неизвестно.

Изучение отсутствующих объективных языковых или текстуальных данных А.А. Воронков подменяет откровенно спорным «анализом» возможной этимологии ряда гидронимов и топонимов Южного Урала: оказывается, что все они выводятся из арийских или иных индоевропейских языков на их древней стадии развития. Так у А.А. Воронкова появляется, ни много ни мало, целая серия «географических реалий бронзового века» Южного Урала

(с. 376–384), таких как Рипейские (Рифейские) горы, «Синие горы» — Меру, Гора Иремель — «Гора ветров», Аджигардак — «Пещерная гора», Зильмердак — «Вязовые горы», Маярдак — «Многоверхие вершины», Авдардак — «Благие горы», Кумардак — «Мачтовые вершины», Ардвиги — река Молочная (Белая), Даик — река Пригодная (Урал), Река Родниковая глубь — река Утяганка, Река Многоводная глубь — приток Тобола река Убаган, Река Чистоводная глубь — приток Урала река Большая Караганка, «Спокойная, тихая река» — правый приток Большой Караганки река Мандесарка, «Бессточная река» — приток Большой Караганки река Амамбайка, «Река Рассветной стороны» (*Sindh-áushati) — река Синташта, «Длинная-длинная река» — Тобол.

Подобные построения являются результатом подгонки, гадательной подборки корней индоевропейских языков к этимологии указанных топонимов и гидронимов. Никаких доказательств того, что такие индоевропейские (арийские, тохарские, албанские, дакийские, фракийские и т.д.) названия эти горы и реки Южного Урала носили в бронзовом веке А.А. Воронков, естественно, не приводит и привести не может. Поэтому всё это откровенно ненаучное предприятие очень напоминает (если не является по сути тождественным) создание списка гидронимов Русского Севера с «санскритскими» корнями С.В. Жарниковой и Н.Р. Гусевой — сторонниками приполярной «теории» прародины «индославов» [2, 3].

Для придания видимости научности своей «Лингвистической карте Южного Урала эпохи бронзы» А.А. Воронков предваряет её изложение обобщением данных о заимствовании арийской лексики в финно-угорские языки (с. 372–376), как если бы был научно доказан факт её передачи именно в регионе Южного Урала, а не, скажем, в Средней Азии, юг которой наряду с Восточным Ираном и Северо-Западным Индостаном является частью древнейшего (пра) исторически зафиксированного очага индоиранского этногенеза [6, 7, 11].

Подводя итоги, отметим, что в целом том коллективной монографии по истории Южного Урала эпохи бронзы характеризуется досадным смешением системного сообщения ценной и объективной археологической и антропологической информации с одной стороны, и изложения субъективных спорных научных интерпретаций с другой (речь идёт о продолжении тиражирования и ретрансляции в исторической науке и лингвистике мифа об «арийских» «колесницах» синташты-петровки-алакуля).

Библиографический список:

1. Авгиевы конюшни, миазмы и пароксизмы агонизирующей (около)научной псевдоколесничной археологии России: непридуманные истории (составление, корректура, редактирование, предисловие, сноски и приложения Семенов А. А.) / А. А. Семенов, Ф. Р. Балон, И. В. Горашук, А. В. Епимахов, П. Ф. Кузнецов, М. Родин, Е. Трофимова, Е. Яковлева, др. участники обсуждений. — Воронеж: Электронная монография на правах рукописи, 2021. — 740 с., 524 илл. — ISBN 978-5-6043336-3-1 // URL: <https://www.academia.edu/46891332/> (дата обращения 16.09.2021).
2. Жарникова С. В., Гусева Н. Р. Опыт расшифровки через санскрит названий водоёмов Русского Севера // Гусева Н. Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. — М.: Фаир-Пресс, 2002. — С. 312–323.
3. Жарникова С. В., Гусева Н. Р. Реки — хранилища памяти // Гусева Н. Р. Русский Север — прародина индославов. — М.: Вече, 2010. С. 237–239.
4. Семенов А. А. Значение раскопок в Санаули для индоевропеистики // Общество и власть: века минувшие и день сегодняшней. Материалы Четырнадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 4 февраля 2020) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020. — С. 234–240.
5. Семенов А. А. Лернейская гидра: псевдонаучная псевдоколесничная псевдоархеологическая псевдореконструкция СНГ и данные объективного исследования. — Воронеж: Электронная моно-

графия на правах рукописи, 2021. — 608 с., 65 + 487 илл. — ISBN 978-5-6043336-4-8 // URL: <https://www.academia.edu/49046598/> (дата обращения 16.09.2021).

6. Семененко А. А. О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. / Ред. Н. А. Дубова (отв. ред.), Е. В. Антонова, Р. Г. Мурадов, Р. М. Сатаев, А. А. Тишкин. — Москва: Старый сад, 2018. — С. 202–220.
7. Семененко А. А. О прародине индоиранцев (ариев) // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: "Истоки", 2016. — С. 339–343.
8. Семененко А. А. Эталон колесничного погребения или Почему урало-казахстанские погребения с повозками эпохи бронзы не являются колесничными? — Воронеж: Электронная монография на правах рукописи, 2020. — 677 с. + 575 илл. — ISBN 978-5-6043336-1-7 // URL: <https://www.academia.edu/43462159/> (дата обращения 16.09.2021).
9. Семененко А. А., Тоноян-Беляев И. А. О некоторых возможных лексических параллелях между древнеиндоарийским и шумерским языками (в свете вероятной индоарийской атрибуции Хараппской цивилизации) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. — №13 (210). — Вып. 35. — Сентябрь 2015. — С. 5–11.
10. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / А. В. Епимахов и др. // История Южного Урала: в 8 т. — Т. 2. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. — 432 с.
11. Semenenko, Aleksandr Andreyevich. The absence of the sword from Rigveda and Atharvaveda and the problem of Indo-Aryans' origin // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. — № 1(3). — 2019. — e-ISSN 2658-5561. — P. 83–96.

Сведения об авторе:

Семененко Александр Андреевич, кандидат исторических наук, г. Воронеж; Aleksandr A. Semenenko, PhD in History, independent researcher, Voronezh City, Russia, email: 31071976@bk.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЬИ

- Рукопись подается в электронной версии (по электронной почте или через мессенджер сети "Вконтакте" на имя редактора или члена редколлегии) в формате doc или docx. Все нестандартные обозначения в тексте должны быть разборчиво вписаны от руки и введены в текст в виде картинок.
- название статьи, ф.и.о. автора/авторов, резюме до 400 слов и список ключевых слов/словосочетаний (до 10 слов) на английском и русском языках,
- в начале статьи указывается УДК (при сложностях эту функцию берет на себя ответственный секретарь журнала).
- в конце приводятся подробные сведения об авторах (полные фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес).
- при наличии иллюстраций необходимо наличие электронных версий (разрешение не менее 200 dpi).
- Примечания даются внизу соответствующей страницы с постраничной нумерацией (1, 2, 3)
- Ссылки на литературу и источники даются в квадратных скобках, где указывается номер в списке литературы и, через запятую при необходимости номер страницы/страниц или рисунка), например - [5, С.23-24], [21, Рис.2: 6, 12].
- Список литературы и источников дается общий, пронумерованный, в алфавитном порядке в конце рукописи, вначале работы на кириллице, затем на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года, к году проставляются литеры а, б, в, включая первое упоминание. Список сокращений прилагается. Источником библиографического описания является титульный лист издания либо сведения над аннотацией на контртитule. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания и, по возможности, издательства. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск:
монография: Петров П.П. Всё об Этом. – Брянск: РИО БГУ, 2003. - 323 с.
статья: Иванов И.И. Кое-что кое о чём // Археология Полесской Республики. 2023. №3. С.2-22.
источник: Псковские летописи. Т.1. - М.-Л., 1941.
архивный материал:
- Шинаков Е.А. Отчет о раскопках Погарского отряда Деснинской экспедиции ИА АН СССР в Брянской обл. (1985 г.) // Архив ИА РАН, Р-1, №11047.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1253. Оп. 1. Д. 271.

Просим Вас придерживаться при подготовке своих рукописей изложенных ниже правил оформления, это по-может редакции оперативно готовить Ваш материал к выходу в свет. Рекомендуем в качестве образца оформления ознакомиться с одним из последних номеров журнала. Это облегчит работу для Вас.